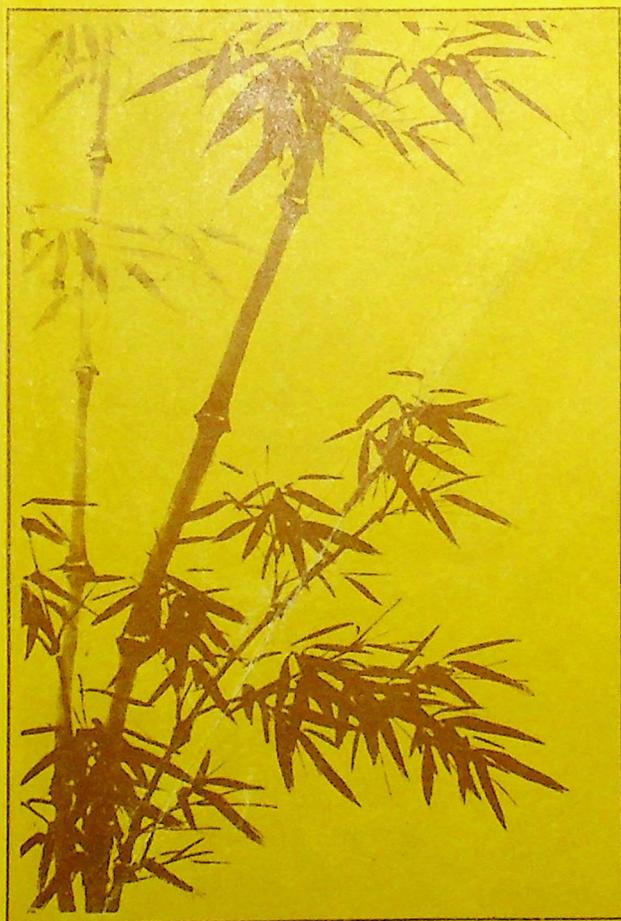

ISSN 0131 – 2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6/98

Россия и Китай в АТР в XXI веке

•
Финансовый кризис в Азии
и уроки для России

•
Реформа отношений
собственности в КНР

•
Сотрудничество Дальнего Востока
России со странами СВА

•
Ушу и цигун в культуре Китая

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/98

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ПОЛИТИКА

- В.Мясников.* Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР
в XXI в. 5
- А.Яковлев.* Россия и Китай в строительстве нового мирового
порядка 23

ЭКОНОМИКА

- В.Михеев.* В чем не прав МВФ (Опыт преодоления финансового
кризиса в Азии: уроки для России)..... 40
- В.Портяков.* Реформа отношений собственности в КНР (К 20-
летию 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва)..... 52

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- А.Адмидин, Е.Деваева.* Экономическое сотрудничество россий-
ского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии 68

ИСТОРИЯ

- Ю.Галенович.* К 100-летию со дня рождения Лю Шаоци..... 78
- Т.Симбирцева.* Российско-корейские контакты в Пекине в конце
XVII - середине XIX вв. (по дневникам корейских послов) 84

КУЛЬТУРА

- ✓ *А.Лукин.* Образ Китая в России до 1917 г. (окончание)..... 97

А.Юркевич. Ушу и цигун: "агенты влияния" или зеркало современной культуры? 115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.Почагина. Китай, китайская цивилизация и мир. IX Международная научная конференция..... 127
Ю.Гарушняц, А.Григорьев. Международная научная конференция по вопросам истории революционного и освободительного движения в Китае..... 134

РЕЦЕНЗИИ

В.Соколов. Документы внешней политики 1940-22 июня 1941..... 139
С.Роцин. Б.Баабар. Монголия XX века. Кочевье, оседлость. Потери, приобретения..... 143
А.Воскресенский. Е.А.Белов. Россия и Китай в начале XX в. Русско-китайские противоречия в 1911-1915 гг..... 147

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Р.Ш.-А. Алиев. Александру Григорьевичу Яковлеву 70 лет 150
Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 1998 год..... 155

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), О.Н. Борох, Ю.М. Гарушняц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, П.М. Иванов, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, В.В. Малявин, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН, 1998 г.

Статьи этого номера

В.Мясников. Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в.

В статье академика РАН В.С.Мясникова рассматриваются перспективы взаимодействия России и Китая в XXI в. на фоне развития региональных и глобальных международных отношений, прежде всего развития ситуации в АТР. Автор анализирует различные варианты возможной эволюции российско-китайских отношений.

А.Г.Яковлев. Россия и Китай в строительстве нового мирового порядка

В статье содержится обоснование объективной неизбежности возрождения политической биполярности мирового сообщества и жесткого противостояния Запада и не-Запада по центральной проблеме современности - проблеме выживания человечества. Автор полагает, что ядром не-Запада как второго глобального политического полюса по всем объективным данным станут Россия и Китай.

В.Михеев. В чем не прав МВФ? (Опыт преодоления финансового кризиса в Азии: уроки для России)

Автор полагает, что МВФ по существу не справился с ролью лидера в оздоровлении азиатских экономик после финансового кризиса и формулирует выводы для России.

В.Портяков. Реформа отношений собственности в КНР (К 20-летию 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва)

Автор рассматривает процесс реформы собственности в Китае, которая, не будучи радикальной, проделала довольно существенный путь. После XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.), считает автор, складываются условия для развертывания крупномасштабной реформы всей системы и структуры собственности отношений в ближайшие годы.

А.Адмидин, Е.Девасва. Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии

В статье рассматриваются состояние, динамика и проблемы развития торгового и инвестиционного сотрудничества российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии в период экономической реформы в России. Дается оценка ближайших перспектив экономических связей Дальнего Востока с Японией, Китайской Народной Республикой и Республикой Корея.

Т.Симбирцева. Российско-корейские контакты в Пекине в конце XVII - начале XIX вв. (по дневникам корейских послов)

Автор дает представление о первых контактах российских дипломатов с корейскими, осуществлявшихся в Пекине. Цитируются дневники, которые вели корейские послы. Симбирцева полемизирует с южнокорейским истори-

ком Пак Тхэ Гыном по поводу значения этих контактов в XVII-XIX вв. и по вопросу об оценке Русской Духовной Миссии.

А.Лукин. Образ Китая в России (до 1917 г.)

В окончании статьи доктора политологии впервые в отечественном китаеведении всесторонне рассматривается, сколь важное место в русской общественно-политической мысли занимал в прошлом образ Китая. Автор анализирует споры о Китае, которые велись в различных кругах России - среди мыслителей, публицистов, востоковедов, политиков, экономистов.

А.Юркевич. Ушу и цигун: "агенты влияния" или зеркало современной культуры?

Автор рассматривает распространение на Западе и в России китайских боевых искусств ушу и психопрактики цигун как показатель сближения культурно-психологических установок восточно-азиатской и современной западной цивилизации.

Политика

Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в.

© 1998

В. Мясников

Предварительные замечания

Взаимоотношения России с Китаем - двух великих мировых держав - находятся под постоянным и непосредственным воздействием основных тенденций развития региональных и глобальных международных отношений.

Заметим, что международные отношения, как система взаимодействия государств, развиваются отнюдь не в вакууме. Более того, они не могут развиваться в вакууме - будь то вакуум силы, власти, права или морали. Как только какой-либо вакуум образуется, он тут же начинает заполняться. Причем не всегда адекватно утраченному.

На рубеже столетий и тысячелетий среда, в которой развиваются международные отношения, усложняется.

Изменилась парадигма всемирной истории. По экономическому и политическому потенциалу Восток не уступает Западу. Взаимосвязи по линии Восток-Запад начали носить новый, равноправный характер, о чем свидетельствуют Бангкокская (1996 г.) и Лондонская (1998 г.) встречи лидеров государств Азии и Европы.

Все государства принимают программы вступления в XXI век. Однако, розовые мечтания о том, что человечество может вступить в него без ядерного оружия, соорудив общеевропейский дом или общеазиатский небоскреб, не оправдались. С распадом СССР было декларировано, что "холодная война" завершилась и произошла "разгрузка" глобальных международных отношений от ее бремени. Но на деле штормы "холодной войны" на региональном уровне продолжают продолжаться. Удары ее волн все еще ощущают на американском политическом пространстве - Куба, на европейском - Белоруссия, Югославия, на азиатском - Китай и КНДР. Не обходят они и Россию.

Развиваются такие глобальные кризисы как:

- экологический,
- ресурсный,
- демографический,
- финансовый,

- ценностно-моральный.

Сможет ли теория устойчивого развития стать доктриной сохранения жизни на Земле в XXI веке? Примут ли ее народы и государства, остающиеся за рамками "золотого миллиарда"? Принесет ли она качественно новые подходы к международным отношениям или ее ждет судьба горбачевского иллюзорного "нового мышления"?

Мы должны признать, что международные организации, включая ООН, малоэффективны или совсем неэффективны в преодолении кризисных ситуаций, в борьбе против организованной преступности, в первую очередь наркобизнеса, коррупции, терроризма. Становление нового информационного общества пока что дает возможность не столько изменить жизненные условия человечества к лучшему, сколько угрожает, меняя характер труда, привести к массовой безработице и новым кризисным явлениям в мировой экономике. Продолжающаяся борьба "физической" и "монетаристской" моделей экономики приводит к тому, что отдельные государства уже не могут защититься от международных финансовых "игроков", разоряющих их национальную экономику ради собственной наживы.

Вызывает тревогу и то, что наметилось новое издание теории "ограниченного суверенитета". Попадая в зависимость от МВФ и МБР, государства - жертвы кризиса - отдают свою экономику под управление международных финансовых структур и фактически отказываются от части своих суверенных прав решать свои проблемы по-своему.

На международной арене идет последовательное укрепление регионализма: в марте 1997 г. была создана Ассоциация регионального сотрудничества 14 стран Индийского океана, в которую вошли Австралия, Индия, Индонезия, Йемен, Кения, Маврикий, Мадагаскар, Малайзия, Мозамбик, Оман, Сингапур, Танзания, Шри-Ланка и ЮАР. В июле 1997 г. на мировом политическом небосклоне появился еще один альянс стран - "исламская восьмерка". Ее образовали Турция, Пакистан, Малайзия, Бангладеш, Египет, Нигерия, Иран и Индонезия. Намечалась тенденция к созданию Большого АСЕАН (после принятия в ряды этой организации Мьянмы и Лаоса), который по своей территории приблизится к территории почти всей Юго-Восточной Азии (4300 тыс.кв.км.), его население составит около 500 млн. человек, а национальное производство - около 630 млрд. долл. и объем внешней торговли - 600 млрд.долл.¹

Нетрудно увидеть, что эта тенденция развивается как ответ на создание Объединенной Европы и, в известной мере, на попытки "Большой восьмерки" вершить мировые дела по своему усмотрению.

Нельзя отрывать создание "исламской восьмерки" и от международных аспектов Исламской революции.

Лидер Исламской революции аятолла Хоменеи на встрече с членами комитета по координации пропагандистской деятельности Организации Исламская Конференция в Тегеране в 1998 г. заявил: "Только благодаря призыву (дават) ислам смог занять в этом мире такие обширные пространства.

С опорой на джихад и меч устраняются препятствия, дабы призыв к исламу проник в сердца. Радость и воодушевление, с которыми народы Кавказа и Средней Азии после 70 лет правления коммунистического режима обратились к исламу, ясно свидетельствуют о силе исламского призыва..."

Лидер Исламской революции назвал следующий век веком ислама.

"Современный мир жаждет ислама, - подчеркнул он. - Если те, кто призывает к исламу, будут действительно выполнять свои обязанности, исламские идеи смогут проникнуть в души людей и распространиться по всему

миру. Перспектива современного мира свидетельствует о том, что будущий век станет веком ислама”.

Для России и Китая этот подход связан с проблемами внутренней стабильности, а соответственно и с их внешней политикой.

В перспективе просматривается создание “Большого Китая” - экономического пространства, включающего КНР, Тайвань, Сингапур и взаимодействующего с китайской диаспорой - “хуацяо”. Первый шаг к этому сделан с возвращением Сянган в состав КНР. Китай приглашен Ж.Шираком, как бы реализовавшим давнюю идею З.Бжезинского, присоединиться к “большой восьмерке”.

Новые тенденции развития АТР

До середины 1997 г. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) относился к наиболее политически стабильным и экономически успешным секторам мировой арены. Подобно тому как пять столетий назад далекие страны Востока неисчислимыми богатствами влекли к себе пытливых и отважных европейских мореплавателей, так АТР возбуждал расчетливые умы американских и европейских политиков и представителей делового мира. АТР отличался исключительно мощным и динамичным экономическим развитием; относительной политической устойчивостью; одновременным ростом комплексной мощи таких держав как Япония, Китай, Республика Корея и тенденциями становления полицентрической системы международных отношений. Вместе с тем в регионе набрали силу интеграционные процессы и сопутствующее им стремление к обеспечению безопасности. АТР многим экспертам казался колыбелью грядущей цивилизации. Лидеры азиатских “драконов” и “тигров” подчеркивали, что народы их стран добились впечатляющих успехов на протяжении жизни одного поколения.

И действительно, если в 1960 г. доля экономики этих азиатских стран составляла приблизительно 4% от совокупного объема мирового производства, то уже тридцать лет спустя эта доля возросла до 25%. Как предсказывал в июне 1997 г. известный американский исследователь восточно-азиатских проблем профессор Чалмерс Джонсон, “следует ожидать, что в течение предстоящего десятилетия Азия займет третье место в мировой экономике”. Этот эксперт из Университета Сан-Франциско обосновывал свой прогноз тем, что уровень чистых накоплений в Японии стабильно сохранял тенденцию превышать 20% ее ВВП, что было примерно в 2,5 раза выше среднего уровня других индустриализированных стран, а средний уровень накоплений в Азии достигал приблизительно 30%. Такие темпы накоплений, переведенные в уровень инвестиций, по мнению Ч.Джонсона, свидетельствовали о том, что наметился “крен мировой экономической мощи в сторону Азии”. Одновременно это означало, что страны с низким уровнем накоплений как, например, США, будут оставаться крупными импортерами капитала из азиатских стран, который будет предоставляться на условиях последних, что обеспечит азиатским партнерам рычаги воздействия на США во многих областях².

Развивая процессы экономической интеграции, государства Восточной Азии все увереннее разговаривали с представителями Объединенной Европы, США, нефтяными магнатами Ближнего Востока и некоронованными королями транснациональных корпораций.

Однако самоуспокоенность благополучия не менее опасна, чем самонадеянность силы. Особенно она опасна в период глубочайшего кризиса мировой цивилизации, который в наши дни периодически ставит человечество на грань глобальной катастрофы. Смерть беспощадна, но не менее беспощадна и жизнь.

Сегодня ситуация динамичного экономического роста АТР взорвана финансовым кризисом, начавшимся в Юго-Восточной Азии, а затем ударившим по Японии, Китаю, Республике Корея и потрясшим биржи всех развитых стран мира.

Лидеры государств Юго-Восточной Азии не учли того, что развитие их стран происходит на фоне мирового финансового кризиса, длящегося уже более трех десятилетий. Этот кризис порожден острыми противоречиями между двумя типами экономик - физической³ и монетаристкой. Монетаризм, противопоставивший формуле "деньги - товар - деньги" тезис "время - деньги", означающий способ делания денег из денег, производство не товаров, а ценных бумаг (на которых возможно спекулировать, если удачно выбрать время), выпустил на мировую арену свирепого вампира - исчисляемый не одним триллионом долларов свободный капитал, который в состоянии обескровить экономику любой страны, не принимающей специальных мер по защите от него (как это делает, например, Китай).

Еще одной особенностью развития ситуации в Восточной Азии, по мнению Чалмерса Джонсона, является то, что "наиболее важным фактом в АТР после "холодной войны" является растущее экономическое господство Японии и степень обусловленной им интеграции стран данного региона. Средствами интеграции служат торговля, прямые инвестиции, помощь, финансовые услуги, передача технологий и пример Японии как азиатской модели развития. Вообще все азиатские страны зависят от Японии в плане кредитов, технологии, инвестиций и иностранной помощи". При этом американский эксперт отмечает, что государства АТР "по-прежнему зависят от США как от военного противовеса Японии и Китая, как от потребительского рынка для азиатских товаров, а также как от источника высшего образования: несмотря на все более громкие заявления о своем цивилизационном отличии от "Запада", азиатская элита по-прежнему направляет своих многочисленных отпрысков на учебу (в том числе в аспирантуре) в американские университеты"⁴.

Интересен вывод, к которому в своей работе приходит Ч.Джонсон. Он подчеркивает, что "такая зависимость от Японии и от США в течение каких-нибудь десяти лет заметно изменится. Эти изменения могут произойти в соответствии с тщательно спланированной политикой либо быть подобны тектоническим глыбам, рухнувшим друг на друга, - никакой другой вариант при рассмотрении перспективы мира и стабильности в регионе и в мире, похоже, не просматривается"⁵.

Действительно, тезис о том, что этот регион в плане безопасности стабильнее других, развеян ядерными испытаниями в Индии и в Пакистане. Атомные взрывы в Южной Азии создали угрозу посильнее, чем взволновавшая мир несколько лет тому назад северокорейская ядерная программа. Это с новой остротой поставило проблемы безопасности на региональном и глобальном уровнях. Бирмингэмский саммит восьмерки ведущих держав, прошедший в мае 1998 г., подтвердил это. Премьеры и министры иностранных дел бывшей "ядерной пятерки" ломают голову над тем, как поступить с бывшими "государствами-париями", явившимися в элитный ядерный клуб в качестве незваных и весьма решительно настроенных гостей.

Взгляд из России

Сложно развиваются экономические и политические процессы на постсоветском пространстве и особенно в России. В докладе на 8-й Международной научной конференции по Китаю в ИДВ РАН в октябре 1997 г. американ-

ский профессор Джон Гарвер, размышляя о победителях и побежденных в "холодной войне", дал весьма точное описание того климата в России, в котором сейчас вырабатываются ее внешнеполитические концепции. "Начав в 1990-1991 гг. строительство посткоммунистического порядка, - отмечает эксперт из Атланты, - многие россияне надеялись, что новая посткоммунистическая Россия будет принята в западное содружество наций. Многие надеялись на получение значительной экономической помощи со стороны США. Большинство ожидало, что к России будут относиться как к великой державе, и даже как к супердержаве. Лишь немногие подозревали тогда, что требования России относительно жизненных интересов безопасности на западной границе будут игнорироваться победившими державами".

На мой взгляд, наиболее ярким примером такого игнорирования может служить продвижение НАТО на Восток.

"Когда начался острый экономический спад, - продолжает Дж. Гарвер, - а затем политическая дезинтеграция, результатом была растущая горечь. В основном эта горечь была перенесена на западные державы. Многие россияне чувствовали, что Россия предана и обманута Западом. Западные державы считали Россию, как то восприняли многие россияне, недостаточно демократической и недостаточно богатой. Жизненные интересы России игнорировались. Короче говоря, к ней относились как к потерпевшей поражение и очерненной державе"⁶. Заметим, что ряд акций Запада (например, проведение военных учений на Украине, в Прибалтике и Казахстане с участием американских воинских подразделений) лишь усиливают у значительной части российского общества чувство унижения и позора, несмотря на подписанное Соглашение Россия-НАТО.

Россия продолжает сохранять резко отрицательное отношение к планам расширения НАТО. Европейская безопасность, особенно в ядерной области, сейчас зиждется на обязательствах о взаимном ненацеливании ракет с ядерными боеголовками. Нам представляется, что реальному укреплению безопасности в Европе могло бы послужить не продвижение сил НАТО в Восточную Европу, а создание в этом субрегионе безъядерной зоны.

С российской стороны примером эмоциональной попытки предложить антинаатовскую контрстратегию являются выступления председателя Комитета по геополитике Государственной думы Алексея Митрофанова. "Сейчас стало абсолютно очевидным, - отмечалось в его докладе в середине сентября 1997 г., - что дело идет к изоляции России от Европы, созданию по ее периметру карантинного пояса из недружественных государств, объединенных системами военных блоков с Соединенными Штатами Америки и их ближайшими союзниками, дальнейшему ослаблению нашей страны, развитию центробежных тенденций и последующему развалу с образованием на ее обломках 10-15 стран-саттелитов, враждующих между собой и целиком зависящих от внешних сюзеренов"⁷. Выход из сложившейся ситуации московский геополитик видит в том, чтобы призвать народы Японии и Германии... к отказу от действующих конституций и созданию вместе с Россией оси Берлин-Москва-Токио⁸. Такого рода геополитические схемы не нуждаются в комментариях, но важно отметить, что в российских политических и научных кругах имеются различные, порой диаметрально противоположные взгляды на вопросы внешней политики⁹.

В соответствии с Конституцией основные задачи внешней политики России определяются Президентом РФ. В своем послании Федеральному собранию в 1997 г. Президент отметил, что к числу таких задач относится создание благоприятных внешних условий для продолжения российских реформ и

установление и поддержание отвечающих статусу и потенциалу РФ равноправных отношений с ведущими державами мира. "Наша цель, - говорится в послании, - отстаивать национальные интересы России, не сползая к конфронтации, а укрепляя основы стабильности и сотрудничества в международных отношениях"¹⁰.

Российская внешняя политика исходит из того, что в мире не должно быть доминирования одного центра силы, уже сейчас идет становление полицентрической системы международных отношений, в которой право должно играть большую роль, чем военная сила. Исходя из этого, Россия предлагает "заключить Договор о ядерной стабильности и безопасности с участием всех ядерных держав и провести III Конференцию мира"¹¹.

Если обратиться к проблемам национальной безопасности России, то для нее АТР и в особенности Северо-Восточная Азия представляют сферу жизненно важных интересов. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. (№ 1300), отмечается: "Россия оказывается в определенной изоляции от интеграционных процессов, идущих в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Все это неприемлемо для нее как для влиятельной европейско-азиатской державы, имеющей национальные интересы в Европе, на Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе"¹². Эта тревожная оценка состояния безопасности России в АТР и в Азии в целом, на наш взгляд, фиксирует целый ряд объективных реалий в сложившейся ситуации. Национальным интересам России, подчеркивается в Концепции, отвечает развитие диалога и всестороннего сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, как и с целым рядом других регионов. Вместе с тем в Концепции обращается внимание на то, что среди других угроз национальной безопасности "серьезную угрозу представляет собой распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, технологий их производства и средств доставки, и прежде всего в сопредельных с Россией странах или близких к ней регионах"¹³. Это прямо относится к ситуации, сложившейся в Южной Азии в связи с индийскими и пакистанскими ядерными испытаниями.

Взгляд из Китая

По оценкам экспертов Китайской ассоциации международной стратегии, даже кризис не остановил рост экономики АТР. Хотя в СВА в 1997 г. произошел некоторый спад (рост составил 7,7%, в 1996 - 7,9%), однако рост был выше мировых показателей. В ЮВА этот рост равнялся 5,4% (в 1996 г. - 7,2%). В КНР рост экономики составил 9,7%, в Японии - 1,9%, в США и Канаде - 3,6%. В России, казалось, почти прекратился крупномасштабный спад и мог бы начаться рост. По мнению китайских аналитиков, влияние валютного кризиса в ЮВА на экономику государств этого региона носит временный и краткосрочный характер, поэтому в АТР в 1998 г. сохранится экономический рост. По китайским прогнозам, он должен был составить в СВА примерно 8% (в КНР - 9,9%, в Японии - 1,9%, в Южной Корее - 6,4%), в ЮВА - 5,2%, в Австралии 4%, в США и Канаде - 2,5%. Предполагался рост и в России¹⁴. Однако, как свидетельствуют предварительные итоги 1998 г., для большинства стран этот прогноз оказался слишком оптимистичным и не подтвердился.

Китайские международники отмечают, что расширение НАТО на Восток оказывает двоякое воздействие на ситуацию в АТР: чем сильнее Россия противодействует этому продвижению и сковывает США в Европе, тем более

это благоприятствует безопасности АТР, поскольку ограничивает американскую активность в этом регионе. С другой стороны, расширение НАТО на Восток толкает Россию к пересмотру своей политики в АТР и после того, как Россия вновь расцветет и усилится, состояние безопасности в АТР изменится и поэтому заслуживают пристального внимания отдаленные последствия такой ситуации. По мнению профессора Юй Суя, сотрудника пекинского Центра по изучению современного мира, "оказавшись в результате расширения НАТО на Восток в трудном положении и стремясь избавиться от ощущения изоляции и опасности "быть зажатой в клещи между Западом и Востоком"", Россия стремится укрепить свои политические и военные позиции и активно корректирует собственную политику в АТР, улучшая и углубляя отношения со странами Востока и энергично создавая здесь стабильную сферу безопасности¹⁵.

Партнерство в строительстве полицентрического мира

Российская внешняя политика видит вызовы времени. Она исходит из того, что на международной арене идет не просто перегруппировка сил, а происходят принципиальные, качественные сдвиги. Изменилась парадигма мировой истории: на смену межсистемному противоборству пришли противоречия между развитым "центром" и развивающейся "периферией", которые группируются по линии Восток-Запад, Север-Юг, осложняясь межцивилизационными и конфессиональными противоречиями; становится все жестче борьба между объективными тенденциями к экономической интеграции и межцивилизационной конвергенции и субъективными сепаратистскими устремлениями. Одной из форм реагирования на складывающуюся ситуацию является формирование российской дипломатией нового подхода к построению модели грядущего миропорядка

"Новый международный порядок"(НМП), за создание которого выступает подавляющее большинство государств, - это новая архитектура международных отношений, реально складывающаяся в связи с объективными условиями развития отдельных стран. Она и характеризует новые исторические условия, в которых будет жить человечество в предстоящем столетии. По нашему мнению, НМП должен строиться на демократических началах, принципах Устава ООН, основных принципах международного права. При его создании следует в полной мере учитывать ценностные ориентиры каждой из цивилизаций.

23 апреля 1997 г. в ходе государственного визита Председателя Цзян Цзэминя в Москву Россия и Китай подписали "Совместную декларацию о многополярном мире и формировании нового международного порядка"¹⁶. Этот документ конкретизировал пути развития сложившихся между двумя державами отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке.

Московская Декларация обязывает стороны в духе партнерских отношений прилагать усилия для содействия развитию полицентрического мира и установлению нового международного порядка.

При этом и Россия, и Китай исходят из того, что в конце XX века вслед за завершением "холодной войны" в международных отношениях произошли глубокие перемены. Исчезла конфронтационная биполярная система, на смену которой возникла позитивная тенденция строительства полицентрического мира. Не только меняются взаимоотношения между крупными государствами, в том числе между бывшими противниками в "холодной войне", но и все большее число стран приходит к общему пониманию того, что необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не гегемонизм и

силовая политика, диалог и сотрудничество, а не конфронтация и конфликты. В построении мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка все возрастающую роль играют региональные организации экономического сотрудничества. Широкое международное сотрудничество становится настоятельным требованием эпохи и императивом исторического развития.

Российско-китайская декларация прокладывает реальный путь к гуманизации и демократизации международных отношений. Подобно ООН'овской Хартии прав человека, Московская Декларация является своеобразным кодексом прав и обязанностей государств на международной арене в новых условиях. Жертвы, понесенные человечеством в период "холодной войны", диктуют необходимость того, чтобы наконец в межгосударственных отношениях восторжествовали взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование и другие общепризнанные принципы международного права.

Подлинный демократизм заключается в том, что партнер по международным отношениям должен восприниматься таким, каков он есть, что каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. При этом различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений.

Особое значение имеет то положение Декларации, которое гласит, что все страны, будь они большие или малые, богатые или бедные, являются равноправными членами международного сообщества. Ни одна страна не должна стремиться к гегемонии, проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела.

Такой подход является прямо противоположным "двойному стандарту" в международных отношениях, используемому ныне США и НАТО. "Двойной стандарт" в подходе к сходным ситуациям, например, действиям Турции в отношении курдского меньшинства и мерам Югославии в Косово, населенном албанцами, исходит из того, что в первом случае натовская держава Турция имеет право использовать свои вооруженные силы на своей территории, а внеблоковая Югославия за такие же действия подвергается угрозе натовского насилия.

Важно и то, что в Декларации подчеркнута роль широких кругов развивающихся стран и Движения неприсоединения как важной силы, способствующей формированию полицентрического мира и становлению нового международного порядка. Взаимодействие развивающихся стран усиливается, повышается их роль в международной политике, увеличивается их доля в мировой экономике. "Подъем развивающихся стран, - заявили лидеры России и Китая, - придает мощный импульс историческому процессу становления нового международного порядка. В будущем новом международном порядке эти страны должны по праву занять подобающее им место, равноправно и без какой-либо дискриминации участвовать в международных делах".

Новый международный порядок не должен навязываться принудительно, силой. Да и вообще, чтобы утвердить новую, всеобъемлющую концепцию безопасности, необходимо покончить с менталитетом "холодной войны", реминисценциями блоковой политики. "Необходимо, - подчеркивается в Декларации, - мирными способами урегулировать разногласия и споры между странами, не применять силу и не угрожать ее применением, путем диалога и консультаций содействовать установлению взаимопонимания и доверия, через

двусторонние и многосторонние координацию и сотрудничество стремиться к миру и безопасности”.

Примечательно, что, подписывая Декларацию, Россия и Китай оказались единодушны в том, что “необходимо усилить роль ООН и ее Совета Безопасности”, они позитивно оценили усилия ООН по поддержанию мира и безопасности во всем мире, специально подчеркнули, что “место и роль ООН в мире как наиболее универсальной и авторитетной организации, состоящей из суверенных государств, не могут быть подменены никакой другой международной организацией” и выразили уверенность в том, что “ООН сыграет важную роль в установлении и поддержании нового международного порядка”. Задача обновления характера международных отношений все острее встает перед народами всех стран. Россия и Китай в Московской Декларации “призывают все страны развернуть активный диалог по вопросу о строительстве мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного порядка и готовы к совместному обсуждению любых выдвигаемых в этой связи конструктивных предложений”.

Председатель Китайской ассоциации международной стратегии проф. Сюн Гуанкай, выступая 27 декабря 1997 г. на ежегодном собрании Ассоциации, охарактеризовал дипломатическую активность в АТР как движение к полицентричности мира. Он подсчитал, что в 1997 г. прошло более 30 мероприятий с участием руководителей США, России, Японии, Франции, Великобритании, Германии и Китая. Например, Председатель КНР Цзян Цзэминь, в частности, принял участие в конференциях ОПЕК, ЮВА и конференциях “9+1” и “9+3”, а также в 4 двусторонних встречах¹⁷.

Возможные сценарии партнерства в других областях

Рассматривая возможные сценарии развития российско-китайских отношений на рубеже XXI века и в более отдаленной перспективе, многие эксперты-международники видят не только вероятность укрепления стратегического партнерства России и Китая, но даже, в некоторых вариантах, неизбежность его перерастания в союзнические отношения. В то же время есть и другие политологи, которые говорят о “китайской угрозе” и очень высокой вероятности столкновения двух держав в грядущем столетии. В существовании двух столь противоречивых подходов существует определенная диалектичность, заключающаяся, в частности, в том, что, учитывая меняющееся положение и России, и Китая никто не может с достаточной определенностью исключить развитие ни одного из двух упомянутых крайних вариантов.

Ноябрьская 1998 г. встреча Президента РФ и Председателя КНР Цзян Цзэминя является их шестой двусторонней встречей.

В ходе предыдущих встреч стороны выработали формулу, характеризующую современные отношения России с Китаем как конструктивное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие двух держав в XXI веке.

Стратегическое взаимодействие означает координацию стратегических курсов на международной арене в связи с общностью каких-либо задач и целей двух государств. Разработка внешнеполитической стратегии, т.е. системы долгосрочных активных мероприятий для достижения упомянутых целей, не является одноразовым актом. В отличие от конкретной внешней политики стратегический курс рассчитывается не только на реальные ситуации, но и на вероятные, гипотетические. Предмет стратегии более изменчив, чем политические интересы. Поэтому выработка стратегии – это постоянный процесс.

Стратегия должна отвечать интересам правящих национальных элит, тогда она становится жизнеспособной.

Реализация стратегии превращения Китая в сверхдержаву во многом будет зависеть от внутреннего развития Китая. Но уже сегодня очевидно, что стратегия вывода России из кризиса, превращения ее в активного и полноправного партнера государств АТР или любого из субрегионов может прийти в столкновение со стратегией Китая. Борьба за иностранные инвестиции, борьба за рынок рабочей силы, конкуренция на рынке экспортных и импортных товаров, - вот далеко не полный перечень тех областей, в которых возможно нарастание противоречий двух государств и их стратегий. И это при том, что обе страны на данном этапе заинтересованы в укреплении связей с США и Японией.

Не случайно в наши дни оживилось изучение принципов построения китайских стратегических планов. В декабре 1997 г. Н.И.Чуевым в ИВ РАН защищена интересная диссертация "История формирования военно-теоретической мысли в Древнем Китае". Расположенный в Вашингтоне Институт китайской стратегии (The China Strategic Institute) начал выпускать (шесть раз в год) специальный журнал "China Strategic Review" ("Чжунго чжаньлюе яньцзю"). Профессор Харро фон Зенгер сообщил мне, что он работает над вторым томом "Стратегем". Выпустил свой краткий перевод трактата "36 стратагем" В.В. Малявин¹⁸. Петербургское издательство "Евразия" опубликовало переведенный В.Котенко с английского языка под редакцией Е.А.Торчинова сборник "У-цзин. Семь военных канонів древнего Китая"¹⁹.

Заметным явлением в разработке узловых проблем формирования стратегического мышления в Китае стал выход в свет монографии американского китаеведа Алестера Айэна Джонстона "Культурный реализм"²⁰. Эта книга посвящена проблеме влияния стратегических идей на поведение государства на международной арене. Для приложения теории в качестве конкретного поля выбран Китай эпохи Мин.

Основу концепции А.И.Джонстона составляет положение о "Большой стратегии" - стратегии превентивных ударов по потенциальным противникам, которую успешно осуществляли минские правители. В первую очередь это касалось северных границ империи и относилось к монголам.

Анализируя военно-политические аспекты внешних связей империи Мин, автор приходит к выводу, что их основой была постоянная готовность к войне (ragabellum paradigm). А.И.Джонстон справедливо рассматривает стратегическую мысль Китая как нечто целостное на протяжении многих столетий, хотя, конечно, подвергавшееся эволюции и обогащавшееся от поколения к поколению.

Автор отмечает, что Восток продолжает использовать старые наработки и выковывает новые стратегические мечи. Знать бы, куда может быть направлено их острие?

Рассматривая возможности партнерства России с Китаем в XXI веке, мы должны учитывать многие факторы, но в первую очередь становление новой структуры международных отношений в мире в целом и в АТР в частности.

Американский фактор

Именно стремление избежать столкновения стратегических курсов, направить их по пути параллельного и совместимого развития и вызвало осенью 1997 г. череду встреч лидеров заинтересованных держав. Р.Хасимото посетил Китай, затем в Красноярске провел встречу с Б.Н.Ельциным. Практиче-

ски одновременно Цзян Цзэминь направился в Вашингтон, покончив с 12-летним перерывом в китайско-американских официальных встречах на высшем уровне. Правда, следует помнить, что в рамках такой региональной организации как АТЭС (АРЕС) Цзян Цзэминь и Б.Клинтон имели возможность регулярно и весьма результативно беседовать с глазу на глаз, начиная с 1993 г. Стороны договорились развивать связи в целях "конструктивного стратегического партнерства между КНР и США посредством расширения сотрудничества в решении международных проблем". Тем не менее, тогда еще казалось, что Россия существенно обогнала США в контактах с КНР.

Однако июньский 1998 г. визит Б.Клинтона в Китай показал, что американо-китайские отношения ныне вносят новый элемент в ситуацию в АТР, весьма ощутимо затрагивая интересы России как с точки зрения ее связей с Китаем и США, так и в более широком плане. Впервые в истории послевоенных международных отношений КНР и США сформулировали совместную позицию в отношении третьих стран - Индии и Пакистана, - призвав их к незамедлительному присоединению к Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний. Два лидера решили создать регулярный и постоянно действующий механизм политических консультаций для обсуждения наиболее важных международных проблем, среди которых были названы ситуация на Корейском полуострове, в Южной Азии, в АТР в целом. Так фактически состоялось признание Соединенными Штатами Китая как глобальной державы, которая становится стратегическим партнером США и будет наравне с ними нести ответственность за поддержание стабильности в мире.

Визит американского президента в Китай является элементом качественно новых сдвигов во всей системе межгосударственных отношений в Восточной Азии, берем ли мы их четырехугольную или треугольную конфигурацию. Для нас важны позиция США в отношении России, СНГ, Китая, АТР; позиция Японии в отношении России, СНГ, Китая, АТР; то как ведет себя Объединенная Европа и ее лидирующие державы в АТР; а также, разумеется, позиция Китая в отношении России, СНГ, АТР.

Для США позиция в отношении России, СНГ, КНР является составной частью их общего курса на глобальное доминирование.

Важнейшей стратегической целью в области политики является недопущение роста сил, которые могли бы составить конкуренцию американскому господству и поэтому интерпретируются как "враждебные США". Такой силой был Советский Союз. Ныне угрожающими интересам США рассматриваются интеграционные процессы на постсоветском пространстве, а также непредсказуемость политики Китая в случае, если он не будет "вовлечен" в ту модель международных отношений, которую стремятся создать США.

Что касается экономической стратегии, то она нацелена на расширение доступа США к ресурсам экономик России, стран СНГ и АТР. Это подтвердили прошедшие в июле 1997 г. слушания в Комитете по иностранным делам американского сената, посвященные политике Вашингтона в отношении "восьми новых независимых государств Закавказья и Средней Азии" - Грузии, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии и Таджикистана. Главный вывод к которому пришли участники обсуждения: упомянутые республики становятся сферой приоритетных интересов США. Это обусловлено прежде всего богатейшими нефтяными и газовыми месторождениями Каспийского моря, сопоставимыми с природными ресурсами Персидского залива. Главными конкурентами для себя США считают здесь Россию и Иран, а в числе потенциальных союзников или орудия своей политики видят Турцию.

США в последние годы, сделав АТР главным стратегическим направлением своей внешней политики, скорректировали свой подход к Китаю. Собственно речь идет об изменении методов реализации стратегического курса. От попыток силового давления под флагом развития демократии, соблюдения прав человека и стимулирования рыночной экономики, администрация Клинтона перешла к тактике "вовлечения" Китая в конструируемую ими систему международных отношений.

Все более важным аспектом китайско-американских отношений становится тайваньская проблема. Без выхода на новый уровень взаимодействия Китая с США мирное объединение Тайваня с материком представляется весьма проблематичным, хотя оно и является внутренним делом китайского народа.

Китайское руководство, как это выявилось в ходе визита Цзян Цзэминя в Вашингтон и ответного вояжа Клинтона в Китай, изменило свой проводившийся в последние годы курс ("острием против острия") в отношении США на конструктивное стратегическое взаимодействие.

Японский фактор

В какой-то степени США подтолкнули к нормализации отношений с Китаем и шага Японии. В августе 1997 г. на заседании Общества экономических единомышленников в Токио премьер-министр Японии Р.Хасимото предложил новую концепцию внешней политики страны, которую назвал "Евразийской дипломатией". Основная цель предложенной концепции заключается в расширении и укреплении связей с Россией, странами СНГ и Китаем.

Необходимость такого шага вытекает из новых условий, складывающихся в мире. Главное из них, по мнению Хасимото, - "исчезновение коммунизма как цели, к которой следует стремиться, что дало возможность направить многие страны в сторону либеральной рыночной экономики". Пришло время глобализации, когда не признаются национальные границы, и международные корпорации стали сами выбирать страны, в которых они хотели бы работать. Все это привело к срочному пересмотру устаревших стереотипов, открытию для Японии новых рынков. В этой связи первоочередной задачей становится урегулирование отношений с соседями.

Для кардинального улучшения отношений с Россией Р.Хасимото предложил три принципа: доверие, взаимная выгода и долгосрочные перспективы. По мнению Хасимото японо-российские отношения развиваются с наибольшим опозданием. В области экономики Хасимото предложил две новые идеи: во-первых, экономическое сотрудничество с Россией развивать в строго определенных отраслях. Япония уже готова содействовать развитию энергетики Сибири и Дальнего Востока. Это отвечает интересам обеих стран и АТР в целом. Разрабатываются совместные проекты по добыче нефти и газа на Сахалине, планируется строительство газопроводов из Якутии и Иркутской области в страны Восточной Азии. Так, японская сторона выражала готовность принять самое активное участие в реализации проекта освоения Ковыктинского месторождения природного газа в Иркутской области и прокладке газопровода в КНР, Южную Корею и Японию.

Еще в ходе саммита в Денвере стороны договорились о том, что будет иметь место неформальная встреча Б.Ельцина с Хасимото. В Красноярске стороны реализовали эту договоренность. Итоги "красноярской рыбалки" превзошли все ожидания: стороны начали работать над тем, чтобы к 2000 году снять в своих отношениях все осложняющие проблемы и выйти на подписа-

ние политического договора. Установлена прямая линия связи между Кремлем и резиденцией японского премьера. Грандиозные экономические проекты волнуют деловых людей не только в России и Японии, но и в третьих странах. Красноярские договоренности получили новое развитие в ходе визита Б.Н.Ельцина в Кавано в апреле 1998 г. Намеченная в ходе этих встреч линия поддерживается и российской, и японской дипломатией.

Объединенная Европа и Восточная Азия

Лидеры европейских государств особенно Г.Коль и Ж.Ширак в ходе визитов в КНР, Японию и другие страны АТР сумели усилить позиции Европы в регионе. Это касается и внушительных экономических проектов и растущего политического влияния Объединенной Европы, которая вступила в диалог о модели будущих взаимоотношений с государствами Азии. Очередной тур обмена мнениями прошел в Лондоне весной 1998 г. Нам представляется, что европейский фактор будет играть возрастающую роль в АТР в XXI веке как в экономике, так и в политике. В настоящее время Объединенная Европа с победой социал-демократов на выборах в Германии стала преобладающе социал-демократической. Для Восточной Азии - Китая, Вьетнама - этот факт имеет большое значение в плане развития дальнейшего партнерства с ОЕ.

Качественно новый уровень взаимодействия европейской и восточно-азиатской цивилизаций может наступить в XXI столетии в связи с реализацией грандиозного трансевразийского проекта - создания экономического моста Восточная Азия - Европа (новый "Шелковый путь"). Для России это означает необходимость выработки новой евразийской политики, которая строилась бы на основе взаимосвязи европейской, евразийской и азиатско-тихоокеанской стратегий во внешней политике России.

Новые факторы и проблемы, определяющие перспективы партнерства России с Китаем.

Смена правительств в КНР и РФ в 1998 г., напряженная социально-политическая и экономическая обстановка в России, в том числе в связи с утверждением бюджета на 1998 год, нестабильное положение на Северном Кавказе и в Таджикистане, перманентные забастовки и антиправительственные выступления шахтеров Кузбасса и Дальнего Востока, стихийные бедствия в ряде районов России - все это не может не отразиться на поступательном развитии российско-китайских, особенно торгово-экономических отношений.

Есть основания предполагать, что в связи с затянувшимся кризисом в России в политике КНР могут произойти определенные коррективы в сторону более прохладного и даже жесткого отношения к нашей стране, во всяком случае перевода этих отношений на сдержанно-официальную и прагматическую основу.

Медовый месяц российско-китайских отношений, очевидно, закончился.

В этих условиях особую значимость приобретают такие факторы как твердое соблюдение достигнутых договоренностей на различных уровнях и своевременное выполнение взятых на себя обязательств по договорам и соглашениям.

Главной и первоочередной задачей для российской стороны в отношениях с Китаем является наполнение конкретным содержанием и практическими делами принятого правительствами обеих стран курса на равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI веке. Для этого необходимо проявлять не только желание, но и твердую волю, последовательно и настойчиво добиваться выполнения принимаемых решений.

В плане двусторонних отношений российская сторона придает перво-степенное и исключительно важное значение установившейся системе регулярных ежегодных встреч Президента РФ и Председателя КНР, а также глав правительств двух стран. В ходе этих встреч принимаются основополагающие решения, определяющие основные направления развития двусторонних отношений. Необходимо укреплять и совершенствовать эту полезную для обеих стран систему регулярных встреч на высшем уровне, наполняя каждую из них конкретным содержанием и не допуская, чтобы они со временем обесценивались и приобретали формальный характер. В этом залог добрососедских и деловых отношений, их дальнейшего укрепления и развития.

В то же время вполне вероятно, что формула только что избранного германского канцлера Шредера - "германско-российские отношения должны строиться на более широкой основе, чем личные отношения глав государств", может быть применена и в китайско-российских отношениях.

В деле согласования позиций сторон по конкретным политическим и международным проблемам весьма эффективной является существующая система консультаций по линии МИД двух стран. Для согласования неотложных срочных вопросов получена хорошая возможность использовать установленную "горячую линию" правительственной связи между Москвой и Пекином.

С учетом накопленного опыта и достигнутых успехов в урегулировании пограничных вопросов соответствующим пограничным комиссиям и группам двух стран следовало бы продолжить эту работу и на базе соглашений 1991 и 1994 гг. подготовить и подписать новый Договор о границе между РФ и КНР, решив тем самым окончательно пограничные проблемы. Нерешенность вопроса о принадлежности островов у Хабаровска и на Аргуни - мина замедленного действия и ее надо устранять. Лучше это делать в спокойной, мирной обстановке. Основой для действий сторон должна стать совместная Декларация Б.Ельцина и Цзян Цзэминя от 10 ноября 1997 г. о завершении редемаркации Восточного участка российско-китайской границы.

Экономические и торговые отношения двух стран на практике заметно отстают от достигнутой в верхах высокой степени политического согласия и взаимопонимания. Здесь сделаны лишь первые, хотя и очень важные шаги. Россия и Китай в основном завершили формирование каркаса договорно-правовой базы сотрудничества в различных областях. В декабре 1996 г. был создан механизм регулярных встреч глав правительств РФ и КНР. Работает российско-китайская комиссия по торговому, экономическому и научно-техническому сотрудничеству. В ноябре 1997 г. подписан Меморандум о взаимопонимании по основным направлениям экономического и научно-технического сотрудничества, в котором в общей форме отражены пожелания и намерения сторон.

По мнению сторон, на современном этапе важными, если не главными составляющими российско-китайского экономического сотрудничества, становятся электроэнергетика, газовая и нефтяная промышленность. Подписаны соглашения о реализации долгосрочных планов строительства газо- и нефтепроводов из Иркутской области и Западной Сибири в Китай, контракт на строительство Ляньюньганской АЭС. Разрабатываются планы строительства ЛЭП для переброски электроэнергии из Иркутской области в Китай, проекты освоения газовых месторождений на территории Китая, строительства углепроводов в КНР на основе российской технологии, программа сотрудничества в области транспорта, гражданской авиации, создания совместных предприятий.

Подписано межправительственное торговое соглашение на 1997-2000 гг. Создан российско-китайский комитет по приграничному и межрегиональному

торгово-экономическому сотрудничеству, достигнуто соглашение о создании на границе Читинской области зоны беспошлинной торговли; готовится соглашение о временной трудовой деятельности граждан двух стран, т.е. контролируемой трудовой миграции.

В рамках совместной Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств образуются межправительственные подкомиссии по торгово-экономическому, научно-техническому сотрудничеству в областях энергетики, ядерной энергетики, транспорта во главе с руководителями соответствующих министерств и ведомств. Обсуждаются вопросы о создании в России совместно с КНР зоны технико-экономического развития, о создании ассоциации машиностроительных предприятий, в том числе по сборке большегрузных автомобилей "Урал", производству в Китае российских комбайнов и т.п. Словом, проведена большая организационная работа по созданию системы взаимодействия и подготовке соглашений по широкому спектру торгово-экономического сотрудничества.

Однако, к сожалению, на практике большинство из этих соглашений, планов и договоренностей выполняются с большим напряжением или не выполняются вовсе. Так, торжественные заверения сторон о намерении довести товарооборот между двумя государствами в 2000 году до 20 млрд. долларов оказались явно невыполнимыми. Более того, в 1997 г. двусторонняя торговля составила 6 млрд. долларов, т.е. по сравнению с 1996 г. снизилась на 1 млрд. долларов, а в первом квартале 1998 г. она уменьшилась еще на 5% по сравнению с тем же периодом 1997 г. Китай из-за отрицательного сальдо в торговле с РФ ввел ограничение на ввоз черных металлов и удобрений из России, а РФ, в свою очередь сократила закупки товаров ширпотреба из Китая.

Россия проиграла тендер на поставку энергооборудования для ГЭС "Санься", а предполагаемые доходы от поставки оборудования для АЭС в Цзянсу в сумме 2 млрд. долларов в течение шести лет не компенсируют утраченных шансов. Из-за финансовых трудностей сократился объем взаимных инвестиций двух стран, без чего нельзя ожидать расширения торгово-экономического сотрудничества.

Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество переживает сложный переходный период своего развития. В то же время именно сейчас закладывается фундамент экономических отношений между двумя странами на следующее столетие, от прочности которого во многом будет зависеть и будущее российско-китайских отношений в целом. От обеих сторон зависит, сумеют ли они справиться с этой задачей.

В целом Россия пока еще не готова выступить в качестве равноправного, экономически сильного партнера Китая. Для выхода из этого положения российской стороне необходимо четко определить основные приоритеты в торгово-экономических и научно-технических связях с Китаем и сосредоточить усилия и средства на развитии таких перспективных направлений как энергооборудование, машиностроение, авиационная, космическая, атомная промышленность, развитие конверсионных производств, наукоемких отраслей, представляющих интерес для Китая. Но для стартового момента было бы желательно получить крупные инвестиции извне.

Проблемы взаимной безопасности сейчас находятся под постоянным контролем руководства обеих стран, которое сознает необходимость и впредь укреплять взаимное доверие, развивать дружественные отношения между российской и китайской армиями, военное сотрудничество в обоюдных интересах. Поддерживать деловые корректные отношения тесного сотрудничества и взаимодействия между пограничными заставами, не допуская неправомер-

ных нарушений границы и установленного порядка гражданами обеих стран, вести совместную борьбу с контрабандой и провозом наркотиков. Масштабы двух государств таковы, что их партнерство в этой области оказывает благоприятное, стабилизирующее воздействие на АТР в целом.

Проблемы экологии являются общими, особенно для таких больших стран-соседей как Россия и Китай. Таежные леса Дальнего Востока и Восточной Сибири - это легкие не только России, но и большей части Китая. Ежегодные массовые пожары в тайге - бедствие для обеих стран. Следовало бы более серьезно изучить вопрос о сотрудничестве двух стран в тушении этих пожаров и их предупреждении (помощь людьми, техникой и т.п.).

С учетом геополитических факторов Россия и Китай могут осуществлять стратегическое партнерство в отношениях со странами Центральной Азии - бывшими республиками СССР. Яркой демонстрацией этого было подписание 5-ю странами в Шанхае в 1996 г. Соглашения об укреплении доверия в военной области в районе границы и еще более масштабного Соглашения той же пятерки о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы в Москве в 1997 г. Эти соглашения также внесли существенный вклад в укрепление безопасности в АТР в целом.

Весьма перспективным может быть взаимодействие России и Китая как в политической области в плане поддержания стабильности и сдерживания агрессивного напора исламских экстремистов и террористов в Центральной Азии, так и в торгово-экономическом сотрудничестве (нефть, газ, хлопок, "шелковый путь", и т.п.). Разумеется, такое взаимодействие должно осуществляться с учетом интересов всех сторон.

Заключение

С точки зрения развития ситуации в АТР, для России стратегическое партнерство с Китаем несет в себе две функциональные задачи: во-первых, предостеречь третьи страны от активной, наступательной в отношении России политики, посягающей на ее национальные интересы, во-вторых, снизить вероятность обострения отношений РФ с КНР.

Уровень стратегического партнерства, второй по значимости после союзнических отношений, несет в себе еще ряд преимуществ: с одной стороны, в отличие от союзничества, он не предполагает для России какой-либо ответственности за действия Китая и серьезных, ограничивающих свободу маневра обязательств перед ним, с другой, он повышает уровень доверительности в российско-китайских отношениях, и, наконец, через призму "геополитических многоугольников", он стимулирует другие державы - "углы" в этих многоугольниках подтягиваться в связях с Россией и Китаем до этого высокого уровня отношений (последнее обстоятельство, в целом, более выгодно КНР, но и Россия получает определенные дивиденды, вытекающие из заинтересованности других держав не допустить дальнейшего российско-китайского сближения). Необходимо оговориться, что реализация всех перечисленных выше позитивных моментов возможна лишь при активной и умелой повседневной дипломатической деятельности.

Для развития российско-китайского сотрудничества на международной арене существуют весьма благоприятные факторы, которые необходимо продолжать использовать. Оба государства, установив между собой отношения нового типа на основе добрососедства, дружбы и сотрудничества, выступают против силовой политики, за справедливое решение международных проблем. РФ и КНР - соседи в Азии со сходными, по крайней мере, краткосрочными и,

частично, среднесрочными интересами; соответственно, они могут стать гарантами спокойствия в сопредельных странах.

Россия и Китай, будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН, считают, тем не менее, необходимым осуществление реформ в этой международной организации, приведения ее в соответствие с существующим реальным положением в мире. Однако эти реформы должны осуществляться постепенно, с серьезной подготовкой. Цель российско-китайского сотрудничества на международной арене - способствовать развитию мира на основе равноправия всех стран, больших и малых, выступать против силовой политики. Такое направление расширяет возможности сотрудничества России с государствами незападной коалиции, одновременно открыто не противопоставляя свою политику политике западных стран.

Россия и Китай могут и должны сотрудничать в различных сферах - в политике, экономике, вопросах безопасности, согласовывая свои позиции по дипломатическим каналам. Защищая интересы своих стран, Россия и Китай в то же время поддерживают справедливые требования и права малых, слабо развитых государств, что, соответственно, повысит возможности российской экономической деятельности в этих странах. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что международное сотрудничество России и Китая специально не направлено против третьих стран. Конструктивное сотрудничество России и Китая ведет прежде всего к оздоровлению международных отношений, ослаблению конфронтации, решению возникающих проблем политическими, а не силовыми методами.

Партнерство России и Китая в региональной политике в АТР также может быть полезным и плодотворным. В настоящее время конфликты и войны в отдельных регионах мира стали разрастаться. Они все больше расшатывают международную обстановку. Определенное опасение вызывает расширение блока НАТО и его продвижение на Восток. В региональном плане возможность возникновения новых локальных войн и конфликтов, в том числе на национальной и религиозной основе, увеличивается. Образовывается своего рода дуга напряженности от Балкан до Кореи. Актуальным является вопрос о разработке региональных систем и подсистем коллективной безопасности в Центральной, Средней, Южной и Северо-Восточной Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В создании региональных систем коллективной безопасности надо действовать постепенно, шаг за шагом, переходить от двусторонних к многосторонним соглашениям, от простого к сложному. Надо искать общее при сохранении разнообразия. Предложения и концепции по безопасности в АТР, исходящие от РФ и КНР, основаны на том, что все государства равны в своих правах, ни одна из сторон не будет стремиться к гегемонии, каждая получает гарантию безопасности для своего мирного развития. При построении системы коллективной безопасности необходимо также полное согласие малых и средних стран.

В XXI веке АТР станет новым и, возможно, одним из основных центров экономического и политического развития мира. Важную роль в этом центре призваны сыграть Россия и Китай. От того, как будут развиваться партнерские отношения между ними и как на это партнерство будут реагировать другие ведущие державы, прежде всего США и Япония, во многом зависит будущая конфигурация международных отношений.

1. Сюань Чжэн. Большой АСЕАН и тенденции к многополюсности в АТР // Гоцзи чжаньлюэ яньцзю, No 1, 1998. С.29-32.
2. Jonson A.Chalmers. The Empowerment of Asia. Pacific Rim Report. University of San Francisco. Center for the Pacific Rim. No 1. June 1997.. P.4.
3. Подробнее см.: Ларуш Л. Физическая экономика. М., "Научная книга", 1997.
4. Чалмерс Джонсон, указ.соч С.4.
5. Там же.
6. Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы (Москва, 7-9 октября 1997 г.), часть 1. М., 1997. С.138.
7. Ангинато. Новая идея российской геополитики. Тактика и стратегия на современном этапе, С.6-7.
8. Там же. С.19-25. Эта же идея проводится и в вышедшей в конце 1997 г. книге А.В.Митрофанова. Шаги новой геополитики. М., 1997. С. 187-189.
9. См.: Михеев В.В. Гамбит "анти-НАТО" и политика России на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока, 1997. No 5. С.31-43.
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 1997. С.57.
11. Там же.
12. "Российские вести", 17 декабря 1997.
13. Там же.
14. Чжан Чантай. Итоги развития ситуации в АТР в 1997 г. // Гоцзи чжаньлюэ яньцзю. 1998. No 1. С.20-25.
15. Юй Суй. О расширении НАТО на Восток и безопасности в АТР. // Тайпинъян сюэбао. 1997. No 4. С.37-44.
16. Текст Декларации см.: Проблемы Дальнего Востока. 1997. No 3.
17. Сюн Гуанкай. Ретроспективный и перспективный взгляды на развитие международной ситуации. // Гоцзи чжаньлюэ яньцзю. No 1, 1998. С.1-2.
18. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха. Перевод с китайского В.В.Малявина. Белые альвы. М., 1998.
19. Уцзин. Семь военных канонов древнего Китая (У цзин ци шу). Евразия. СПб., 1998.
20. Alastair Iain Johnston. Cultural Realism. Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1995.

Автор анализирует классический китайский труд по воинскому искусству - "Семь военных канонов", о переводе которого на русский язык упоминалось выше. Сюда входят трактаты: 1)Сунь-цзы бинфа, 2)У-цзы бинфа, 3)Сыма фа (трактат, которым пользовались Хань Синь - полководец Лю Бана - и ханьский император У-ди), 4)Вэй Ляо-цзы (относится к концу периода Чжаньго), 5) Тай-гун лютао (трактат великого стратега Тай-гуна, построенный в виде его бесед с чжоускими царями Вэньваном и У-ваном), 6) Хуан Ши-гун саньлюе (этот трактат также приписывается Тай-гуну, хотя самостоятельно текст не обнаружился до Западной Хань), 7)Тан Тай-цзун Ли Вэйгун вэньдуй - в этом трактате танский император Тай-цзун беседует со своим главным военным советником Ли Цзином.

Жаль, что (как и большинство американских китаеведов) А.И.Джонстон не знаком с результатами исследований российских востоковедов. Он самостоятельно додумывается до вывода о том, что стратегическая мысль Китая являлась синтезом конфуцианства и легизма, учения Мэнцзы и даосизма о государственной мощи. Его основное "открытие" заключается в том, что поиски основ стратегического мышления вне военных канонов - были бы бесплодны. Это было замечено академиком Н.И.Конрадом более 70 лет тому назад.

Я не упрекаю американского коллегу. Его книга богата и мыслями и фактами, он проделал огромную работу по переводу источников - все это достойно уважения. Очевидно, взаимодействие российского и американского китаеведения в этой области могло бы принести интересные результаты. Особенно, если объединить наши усилия и с китайскими учеными. Да поможет всем нам Интернет!

Россия и Китай в строительстве нового мирового порядка

© 1998

А. Яковлев

На рубеже 80-90-х годов в связи с распадом Ялтинской системы, основанной на силовом равновесии Востока и Запада, социализма и капитализма, мировая политология начала интенсивный поиск ответа на вопрос о том, какой по всем объективным данным международный порядок может утвердиться на Земле в XXI веке, кто и как будет его строить?

Понятно, что не ученые социалистической ориентации, переживавшие состояние шока от неожиданно широкого и глубокого отката в общественном развитии мира, сказали некое новое слово о грядущем мировом порядке. В связи с ним поистине сенсационными стали откровения американских политологов, т. е. представителей той страны, которая только и могла заказывать музыку, поскольку именно она считала себя победителем в "холодной войне" и, естественно, торжествовала победу. Закономерно, что именно эта держава первой и более всех на Западе озаботилась необходимостью закрепления и развития победоносного наступления по всем направлениям, в том числе в сфере идеологии. И наука США получила двуединый социальный заказ. С одной стороны, нужно было максимально подорвать у терпящих поражение, т. е. у всех участников антиимпериалистического фронта, веру в реальность и конечный успех своего дела. С другой стороны, требовалось предотвратить неизбежное и опасное головокружение от эпохальной победы у правящих элит в странах Запада.

Первую попытку выполнить упомянутый заказ, как известно, предпринял американец японского происхождения Фрэнсис Фукуяма, опубликовавший в 1989 году сравнительно небольшую статью историсофского плана¹. В ней он объявил о конце истории социально-политического прогресса на том основании, что этот прогресс после долгих блужданий привел к созданию буржуазно-либеральной модели общественного и государственного устройства, и что-де лучше подобной модели человечество уже ничего не придумает. Идеал якобы получил свое абсолютное воплощение.

Из такой постановки вопроса следовало, что социальное творчество народов, являвшееся на протяжении веков мощным фактором движения истории человечества, автоматически выпадает из процесса мирового развития и строительства нового мирового порядка. Это во-первых. А во-вторых из указанной постановки вопроса логически следовал вывод, что уже в силу приписанного ей абсолютного совершенства буржуазно-либеральная модель естественно обретала высшее право не только на самозащиту любыми средствами,

Яковлев Александр Григорьевич, профессор, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

но и на третирование других моделей как недоразвитых, требующих доведения до буржуазно-либеральных кондиций или даже как совершенно ущербных, тупиковых и потому подлежащих уничтожению. Собственно, нынешняя американская стратегия вестернизации или, что менее одиозно, "стратегия расширения демократии в мире" и есть конкретный путь реализации такого подхода к формированию унифицированного социально-политического облика мирового сообщества, конкретная форма консервации крайне противоречивой социальной системы, неспособной решать глобальные проблемы современности на принципах уважения элементарного права всех народов на существование и развитие.

Фукуяма "закрыл" не только социальную историю, но и историю международных отношений. С его точки зрения, "международная жизнь в той части мира, которая достигла конца истории, в гораздо большей степени занята экономикой, а не политикой или военной стратегией". Он утверждал, что указанная часть мира, если и занимается военным строительством, то только для защиты от коммунистической опасности. "... Не будь марксистско-ленинской идеологии, мы имели бы, скорее всего, "общий рынок" в мировой политике".² Главный порок подобных научных построений состоит в том, что исторические достижения буржуазного либерализма отождествляются только с положением дел в самой высокоразвитой части мировой капиталистической системы. Но ведь его поле деятельности, а следовательно и ответственности, охватывает всю систему, состоящую в основном из в той или иной степени отставших от Запада стран. Не будь у последнего на протяжении столетий такой обширной, так или иначе зависимой от него периферии, едва ли бы имело место его процветание на современном уровне и едва ли международные отношения в рамках самого Запада были бы столь благостны, как ныне. Вообще на основе принципов и духа буржуазного либерализма может существовать и модифицироваться только система, для которой естественна и неизбежна поляризация бедности и богатства, развитости и отсталости. Следовательно буржуазный либерализм по определению не может создать модель общества и модель отношений между народами и государствами, гарантирующие благоденствие всему человечеству, а не его меньшей части. Можно априори утверждать, что, лишись Запад своей нынешней периферии, он сам в соответствии с сутью буржуазного либерализма распался бы на две неравные части - небольшую, сверхразвитую, и обширную, состоящую из в разной мере отсталых стран. Тут уместно напомнить, что в отличие от буржуазного либерализма социалистическая модель общественного устройства и в теории и на практике стремится к выравниванию уровней развития всех охватываемых ею национально-государственных образований путем усиленного подъема экономики наиболее отсталых из них. Эта капитальная черта указанной модели вполне ярко проявилась и в рамках таких многонациональных государств, как СССР и КНР, и в рамках мировой социалистической системы в целом.

Не успели отгреметь полемические баталии по поводу концепции Ф. Фукуямы, а мировое политологическое сообщество уже летом 1993 г. вновь было взбудоражено еще одним ученым американцем, Самуэлем Хантингтоном, опубликовавшим статью "Столкновение цивилизаций?". Исследуя движущие пружины международной жизни в условиях после резкого падения роли межсистемных противоречий, С. Хантингтон пришел к заключению, что образовавшийся вакуум заполнят трения и конфликты между цивилизациями. По его мнению: "Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями - это и есть линии будущих фронтов".³ Но самый значимый вывод С. Хантинг-

тона все же состоит в том, что "главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром".⁴ Отсюда и соответствующие рекомендации американского аналитика правящим элитам Запада, в том числе и в первую очередь советы: укреплять сотрудничество и единство в границах собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой; и поддерживать потенциал на уровне, который будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями, т. е. со всем остальным миром. Хантингтон высказывает и другие практические соображения. В совокупности все его рекомендации поразительно точно вписываются в то, что уже делается Западом и в то, что он непременно будет делать в духе устоявшихся характеристик самого буржуазного либерализма, которые в условиях грядущего века могут проявиться в предельно жестких формах. А он обещает быть очень трудным для большинства людей веком и в смысле материальных условий жизни и в смысле нравов на бытовом, внутривнутриполитическом и международном уровнях. Не зря многие аналитики связывают его с целым рядом кризисов планетарного масштаба, в том числе с "системным кризисом мирового капитализма". Одним из симптомов приближения этого последнего кризиса бывший президент Федеральной резервной системы США Пол Волкер назвал нынешние финансовые неурядицы в Азии.⁵ Некоторые футурологи именуют XXI век веком голода. Академик РАН Н. Моисеев с учетом четко обозначившихся тенденций развития мирового сообщества предсказывает неизбежное пришествие нового тоталитаризма с глобальными претензиями. Академик именует этот тоталитаризм "демократическим". Такое определение он прямо увязывает со смыслом демократии, которая существовала в рабовладельческих Греции и Римской империи.⁶

Возвращаясь к статье С. Хантингтона, нельзя не отметить, что, глубинный практический смысл его концепции предельно прост и ясен: центры силы, составляющие ныне Запад, ни в коем случае не должны даже помышлять о том, чтобы ставить свои частные (по отношению к общезападным) интересы во главу угла их политики в ходе неизбежно все более острого противостояния Запада с остальным миром. А он, этот остальной мир, угрожает американско-европейской цивилизации уже не столько в социальном, сколько в национальном и конфессиональном плане, который отличается повышенной иррациональностью, а потому и меньшей управляемостью. Иначе говоря, С. Хантингтон своим тезисом о западной цивилизации как некоей целостности, оказавшейся перед лицом еще более грозной опасности, чем во времена межсистемной конфронтации, обосновал необходимость нарастающего единства и сплоченности западных центров силы под непрерываемым руководством США в целях совместного коллективного навязывания своей единой воли, своего общего диктата остальному миру. С другой стороны, Хантингтон постулатом об отношениях цивилизаций как о борьбе всех против всех указал западным державам на сферу, где их традиционная политика "разделяй и властвуй" крайне необходима и может в современных условиях оказаться особенно эффективной, т. е. на периферию мирового сообщества.

И, наконец, идею коллективного, организуемого Соединенными Штатами, господства и диктата объединенных центров силы Запада над остальным миром с предельной четкостью изложил американский политолог Айра Л. Страус в статье "Однополярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и Россия". Эта работа на языке оригинала (на английском) была опубликована у нас в альманахе "Космополис".⁷

А. Страус считает, что современную систему международных отношений следует изображать не в виде арахиса, а в виде обычного ореха. В пер-

вом случае внутри общей оболочки, образуемой связями стран по линии ООН и других глобальных международных организаций, существуют два ядра, два полюса в лице Запада и социалистического содружества. Во втором случае единственное ядро или полюс в лице Запада и весь окружающий его остальной мир также находятся в общей оболочке, внутри которой жизнью командует именно ядро. Изложенное А. Страусом представление о монополярности, превращающее Запад в управляющий центр мирового сообщества, отражает кратковременное состояние силового дисбаланса между двумя группами стран, образующими этот центр и периферию, но ни в коем случае не существенные параметры формирующейся ныне системы международных отношений. А. Страус видит поступательное движение истории этих отношений в последовательной смене многополярности биполярностью, а биполярности монополярностью. Такое движение является следствием развивавшегося на протяжении столетий и достигшего некоей вершины в XX веке процесса глобализации важнейших аспектов жизнедеятельности человечества, превращения мирового сообщества в целостную систему, которая по определению требует централизованного управления. В этом смысле монополярность становится как бы объективно неизбежной. Собственно об этом и пишет А. Страус, предпочитая, однако, обходить стороной вопрос об органической неспособности буржуазного либерализма, обретшего в конце XX века второе дыхание, создать гармоничное мировое сообщество, в котором демократия зиждилась бы на социальном, национальном, конфессиональном равноправии людей, а международные отношения - на равноправии государств.

Похоже, основная заслуга А. Страуса перед западной политологией состоит в том, что он внес ясность в сам термин "глобальный полюс". Монополюс, по Страусу, вовсе не тождественен американской сверхдержаве. Он состоит из "индустриальных демократий, имеющих подавляющий вес в мировой системе. США в свою очередь являются лидирующей державой внутри монополюса".⁸ "Подавляющий вес в мировой системе", подчеркивает А. Страус, проистекает не только из очевидного экономического, военного, технологического превосходства монополюса над окружающим миром, но и из того факта, что модернизация повсюду фактически выливается в вестернизацию. Это своего рода индикатор явного превосходства монополюса еще и в идеологическом плане."⁹

Но примечательно все же, что три сенсационные американские попытки обосновать новую парадигму мирового развития, а следовательно и характер нового мирового порядка, так или иначе остаются в рамках представлений о реальной биполярности мирового сообщества. Фукуяма видит это общество разделенным на две части: "одна будет принадлежать истории, другая - постистории". По его мнению, "большая часть третьего мира будет оставаться на задворках истории и в течение многих лет служить ареной конфликта".¹⁰ Отсюда следует, что Запад отныне и впредь будет играть в силовые игры только на чужом поле. Точнее говоря, Запад должен стремиться к тому, чтобы так и было.

Что касается С. Хантингтона, то в его концепции политическая биполярность мира предопределяется тем, что центральным конфликтом в мировом сообществе будет конфликт между западной и остальными цивилизациями. И, наконец, А. Страус, констатируя сосредоточение превосходящей силы на Западе, в монополюсе, по сути дела никак не доказывает отсутствие другого, пусть пока более слабого, но все же полюса. Причем, А. Страус, решительно отвергая возможность мультиполяризации мира в целом как химерическую, на деле вовсе не исключает новую биполяризацию системы междуна-

родных отношений и даже указывает на Россию и Китай как на ядро второго глобального политического полюса. Правда, в духе идеи о конце истории А. Страус утверждает, что если Запад способен и стремится создать новый конструктивный миропорядок, то оформление другого полюса с ядром в лице России и Китая будет означать "глобальное восстание против мирового порядка", ибо эти две державы возглавят силы хаоса, а не борьбы за альтернативный миропорядок.¹¹

В общем три американских автора, во-первых, рекомендовали остальному миру трепетать¹² перед Западом во главе с Америкой, поскольку сила ныне явно на стороне последнего, во-вторых, посоветовали не тратить время на поиски новой парадигмы мирового устройства, поскольку периферия якобы способна творить только хаос и беспорядок, а также поскольку на Западе уже имеются совершенные или конечные модели и внутреннего устройства государств и отношений между ними. Все три автора получили шумную известность в политических и академических кругах мира именно потому, что четче, откровенней и полнее других выразили сокровенные интересы Запада в новых планетарных условиях. Если оставить в стороне разного рода частности, то они, эти три американских ученых, вместе почти всесторонне и, так сказать, научно, во вполне благопристойной форме обосновали якобы объективное право Запада исключительно по своему усмотрению и исключительно в своих интересах решать все более обостряющиеся глобальные проблемы современности.

Собственно к самоуправству в международных делах Запад стремился всегда, начиная с времен становления колониальных империй. Подлинная новизна в его отношениях с остальным миром ныне состоит в том, что быстрое истощение сырьевого и особенно экологического потенциалов планеты острейшим образом поставило вопрос о путях выживания человечества. Отсюда в теоретических изысканиях обществоведов на Западе получили новое звучание тезисы об исторических и постисторических, т. е. об отсталых и передовых, народах, о Западе как единственном источнике разумного порядка в мире, о необходимости и закономерности выживания именно западной цивилизации, причем любой ценой. При таком подходе и при очевидном силовом перевесе Запада строительство нового мирового порядка по рецептам последнего и под его руководством может вылиться и, если этому не воспрепятствовать, непременно выльется в жесточайший геноцид по отношению к подавляющему большинству человечества во имя благополучного выживания так называемого "золотого миллиарда", т. е. в основном населения сверхразвитых стран, в первую очередь "большой семерки". Есть более чем достаточно оснований полагать, что Запад нацелился именно на такой путь решения проблемы выживания рода людского.

Связь ультраэгоистического подхода "золотого миллиарда" к проблеме выживания с явным силовым перевесом Запада над остальным миром настолько очевидна, что любые надежды на иные пути выхода из положения для большинства народов Земли, кроме быстрого восстановления и наращивания комплексной мощи периферии, представляются крайне опасными, уводящими в сторону от реальных способов решения глобальных проблем современности, особенно проблемы выживания народов, представляющих любую незападную цивилизацию. Новая, благоприятная для интересов большинства народов расстановка политических сил в мире может в конечном счете направить строительство международного порядка в русло конструктивного сотрудничества двух глобальных полюсов, Запада и остального мира, несмотря на глубочайшее различие их жизненных интересов и моральных установок.

Надежда на такой поворот в мировом развитии может более всего связываться с долгосрочным и многоплановым взаимодействием великих держав периферии и с их активной ролью в организации широкого международного отпора Западу, стремящемуся монополизировать управление процессом строительства нового миропорядка. В этом деле по всем объективным данным чрезвычайно весомой и по сути решающей будет роль Китая и России, если, конечно, последняя в обозримом будущем поднимется экономически, не утратив при этом свой второй по мощи ядерный потенциал, если Москва будет неукоснительно проводить курс, ориентированный на всемерное отстаивание российских национально-государственных интересов.

* * *

Практически уже в середине 90-х годов эти две великие державы, так сказать, на высшем официальном уровне изложили свои общие представления о новом мировом порядке и подходы к его строительству. В процессе трех встреч Президента России и Председателя КНР, состоявшихся в период с апреля 1996 по ноябрь 1997 г., они подписали две совместные декларации и одно совместное заявление. В указанных документах зафиксированы единые позиции двух держав по основным глобальным проблемам, их оценки ведущих тенденций мирового развития. В декларации от 25 апреля 1996 г. стороны впервые совместно констатировали, что "развивается тенденция к многополярности мира".¹³ В следующей совместной декларации от 23 апреля 1997 изложили свое видение многополярности и процесса строительства нового международного порядка, а также обязались "в духе партнерских отношений прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка", который должен быть мирным, стабильным, справедливым, рациональным.¹⁴ Наконец, в совместном заявлении от 10 ноября 1997 г. стороны отметили, что "активные действия России и Китая в пользу построения многополярного мира и нового, более совершенного международного политического, экономического и правового порядка встречают широкое одобрение международного сообщества...".¹⁵ В документе подчеркнуто, что "для дела мира и развития важно, чтобы отношения между государствами, особенно крупными, следовали тенденции многополярности и развивались на основе взаимного уважения, равноправия, выгоды для всех и учета интересов всех".¹⁶

Квинтэссенция подхода двух держав к коренному обновлению системы международных отношений содержится в следующем пассаже из совместного заявления от 10 ноября 1997 года: "Россия и Китай исходят из того, что в новом столетии взаимное доверие и равноправное сотрудничество государств, единство в их многообразии обеспечат человечеству мир и процветание. Только коллективными усилиями можно создать обращенную в XXI век структуру глобальной, региональной и субрегиональной безопасности, безопасности равной и неделимой для всех".¹⁷

Независимо от того, насколько сами эти тезисы реалистичны, они совершенно недвусмысленно противопоставляются принципам, соображениям, интересам, которые лежат в основе блоковой политики, политики силы, давления, гегемонизма, проводимой некими, к сожалению, не названными в совместных российско-китайских документах государствами. Более того, Москва и Пекин апеллируют к миролюбивым странам и народам, призывая их тесно сотрудничать с тем, чтобы "совместными усилиями... установить новый справедливый и рациональный международный политический и экономический

порядок, содействовать миру, стабильности, развитию и процветанию как в региональном, так и в глобальном масштабе".¹⁸

Отсюда следует, что многополярность, которая якобы становится главным параметром системы международных отношений, отнюдь не устраняет решающий в современную эпоху факт распада политических сил в мире на две по сути антагонистически конфронтационные категории, т. е. на миролюбивые и немиролюбивые страны, причем среди последних как раз и находятся склонные к глобальному диктату, к блоково-силовой политике государства. В результате получается, что и западная концепция монополярности и российско-китайская теория многополюсности не только не опровергаются, но скорее подтверждают реальный характер политической биполярности современного мирового сообщества.

Думается, что этот парадокс возник не только в результате увлечения Москвы и Пекина дипломатической гибкостью. Тут имеет место некоторая терминологическая нечеткость или сказывается влияние политико-пропагандистских задач. В частности, совершенно очевидно, что смешиваются представления о центрах силы и глобальных политических полюсах. В современном мире существует немало центров силы на Западе и на Востоке, на Севере и на Юге. Но практически все они существовали и в период "холодной войны", а мир тем не менее, по общему признанию, был биполярным. "По определению, о наличии "полюсов" принято говорить, если имеются противоположности".¹⁹ В годы "холодной войны" противоположности были представлены двумя социальными системами. Следовательно, вопрос состоит в следующем: имеются ли противоположности подобного рода в современном мире и сольются ли вновь нынешние центры силы в два глобальных политических полюса в соответствии со своими совпадающими жизненными интересами или произойдет, так сказать, всеобщая мультиполяризация, охватывающая и Запад и остальной мир?

Ответить на этот вопрос достаточно определенно можно, лишь увязав проблему полярности с ведущими тенденциями мирового развития, а главное - с основным противоречием переживаемой эпохи. Последнее же состоит в том, что возник и нарастает острейший антагонизм между сравнительно небольшой группой сверхразвитых государств (не более двух десятков) и многочисленными государствами так называемого "догоняющего развития", антагонизм по поводу условий выживания отдельных народов и человечества в целом. Именно эти две группы объективно должны образовать два глобальных политических полюса.

Один глобальный полюс уже существует и вполне активно и эффективно функционирует. Он фактически в неизменном виде достался нашим дням от прежней биполярной системы. Это Запад. С прекращением "холодной войны", за которое Восток, а фактически в основном социалистическое содружество, заплатил непомерную цену, в мире ожидали, что Запад тоже политически деинтегрируется, распадется на составляющие его центры силы, которые займут в международных делах самостоятельную независимую позицию. Но этого не случилось. Напротив, западный полюс стал демонстрировать свою жизнеспособность и активность в новых условиях, когда фактически исчезла большая и сильнейшая часть его социалистической противоположности, т. е. исчез прежний его противник, своим существованием побуждавший Запад к тесному военно-политическому сплочению.

Последний сохранил свою военно-политическую целостность и свое единство перед лицом остального мира по целому ряду причин. Во-первых, на месте прежнего противника, т. е. Организации Варшавского Договора, а в бо-

лее широком смысле - на месте международного антиимпериалистического фронта во главе с СССР обнаружился новый противник глобального масштаба и значения в лице не западных цивилизаций, стремящихся достойно выжить и развиваться. Но поскольку на земле всем всего в достатке не хватит, это стремление миллиардов людей на периферии мирового сообщества ставит под угрозу самую возможность сохранения Западом высокого уровня благосостояния и вообще своего образа жизни, который почти целиком укладывается в представления о потребительском обществе. Во-вторых, глобализация важнейших аспектов жизнедеятельности человечества позволила Западу все более уверенно и жестко диктовать волю остальному миру, опираясь на свою ставшую явно превосходящей финансово-экономическую, технологическую и военную мощь, на свой отлаженный за десятилетия противоборства с социалистическим содружеством механизм поддержания единства перед лицом общего противника. В-третьих, помимо всего прочего этот механизм остается весьма эффективным, благодаря экономическим интеграционным процессам, интенсивно развивающимся в последние десятилетия в рамках европейско-североамериканской цивилизации. Эти цементирующие Запад процессы выражаются прежде всего в создании транснациональными корпорациями так называемых "стратегических альянсов". В подавляющем большинстве они формируются в треугольнике США-Западная Европа-Япония.²⁰

По большому счету ныне даже наиболее мощные центры силы на Западе не в состоянии функционировать как самостоятельные политические полюса и ввиду наличия общей для них внешней опасности или общего противника и ввиду глубочайших качественных перемен экономического порядка, связавших эти центры в нерасторжимый глобальный политический полюс.²¹ А, так сказать, по малому счету западные центры силы, конечно же, могут и будут вступать в разного рода коллизии, протестовать против чрезмерного лидерского напора и эгоизма Вашингтона, да и последний непременно будет пресекать своекорыстные поползновения других членов "большой семерки", не говоря уже о прочих странах Запада. Но все это не дает никаких сколько-нибудь серьезных оснований надеяться на вспышку межимпериалистических противоречий, способных мультиполяризовать Запад²², противоречий, которые на протяжении большей части XX века весьма облегчали остальному миру решение задач национального и социального освобождения, т. е. задач антиимпериалистической и фактически антизападной борьбы.

Очевидно, все же под влиянием именно этой надежды, игнорирующей и характер главного противоречия переживаемой эпохи и особенности западного капитализма в его нынешней сугубо глобалистской фазе развития, Пекин, а по его примеру, и Москва склонились к концепции многополюсности и, главное, официально приняли ее как руководство к действию. Разумеется, могли быть и другие побудительные мотивы и соображения, сделавшие эту концепцию, так сказать, теоретическим знаменем российской и китайской дипломатии. Они, конечно, заслуживают отдельного рассмотрения. Но для нашего анализа пока важен сам факт принятия Россией и Китаем единого взгляда на главную тенденцию развития системы международных отношений, а также факт выработки ими единого представления о том, какой и как строить миропорядок в XXI веке.

Однако с течением времени адекватность концепции многополюсности реалиям современного мира и перспективным тенденциям его развития вызывает все больше сомнений в отечественном и международном научном сообществе. Они уже имеются даже у аналитических структур, близких к российскому руководству. В докладе "Стратегия для России - 3. Путь в XXI

век", подготовленном Советом по внешней и оборонной политике и поставленном на публичное обсуждение в середине марта 1998 г., говорится, что сейчас "идет переход от двуполярной не к многополярной, а к подвижной и динамичной системе".²³ Характеристика, прямо скажем, довольно туманная, хотя можно понять, что речь идет о процессе становления системы, начальные и тем более конечные очертания которой пока не очень ясны, но которую все же нельзя квалифицировать как многополярную.

Российские ученые, связывающие будущее своего отечества с его глупым вхождением в "общецивилизационный процесс", считают, как правило, что биполярность естественно трансформируется в однополярность, а не в многополярность. При этом некоторые из них убеждены, что предпочтение монополярности и содействие ее утверждению спасет Россию от более серьезной, чем западная, китайской опасности. В частности, такая позиция изложена в недавно изданной монографии А. Д. Богатурова. Он утверждает: "Тезис о "многополярности", повторяемый российским руководством в унисон с китайским, в сегодняшней реальности приобретает для нашей страны более грозное звучание, чем идея отцентрированной на США "однополярности", - при всей неприятности для русского сознания последней".²⁴

Вообще в российских академических и политических кругах, в отличие от китайских, проблема полярности современного мирового сообщества обсуждается достаточно широко и активно. Причем сторонники концепции многополярности, отвергая как научно некорректную идею однополюсности, так или иначе признают биполярность на глобальном уровне фактом нашей эпохи. Об этом можно судить, к примеру, по материалам дискуссий, которые развернулись вокруг упоминавшейся ранее статьи А. Страуса и статьи А. И. Неклессы "Постсовременный мир в новой системе координат".²⁵ Например, участник обсуждения статьи А. Страуса В. Б. Тихомиров считает, что "рассуждения о некоем "однополюсном" мире и "однополярности"..., мягко говоря, вообще некорректны с научной точки зрения... На глобальном уровне система не стала "однополярной" в связи с распадом СССР. Просто место последнего в качестве "сверхдержавы" занял Китай...".²⁶ Что касается статьи А. И. Неклессы, то основной ее тезис звучит следующим образом: "В результате происходящих на планете изменений начинает просматриваться облик устойчивой мультиполярной конфигурации международного сообщества".²⁷ В качестве полюсов автор выделяет шесть геоэкономических зон, пять из которых охватывают периферию. По сути дела многополярность в данном случае равнозначна раздробленности именно периферии. Правда, противореча самому себе, автор пишет: "Однако современный "третий мир" если и сохранил некий единый знаменатель, то именно как совокупный оппонент доминирующей модели цивилизации...". И далее: "Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что вместо распавшегося коммунистического мира возникает новый оппонент западной цивилизации - Новый Восток".²⁸ Более того, этот ученый полагает, что, возможно, бинарность есть "коренное свойство самого мира, прослеживаемое на уровне фундаментальных законов его функционирования".²⁹ Объективно выходит, что многополярность в концепции А. Неклессы есть своего рода архитектурное украшение на фасаде основной биполярной конструкции современного мира. Нельзя не отметить, что хотя и по-своему, но в принципе так же, как и А. Страус, А. И. Неклесса рассматривает периферию в качестве источника деструкции, хаоса, нестабильности в мире, а также создателя некой "альтернативной стратегической оси истории", несущей угрозу "сложившемуся цивилизационному контексту", единственно творчески-конструктивному ныне и в перспективе.³⁰ Между тем, в современных услови-

ях поведение периферии в основном есть реакция, во-первых, на положение, в которое ее поставил общий кризис индустриальной, т. е. фактически западной цивилизации, и, во-вторых, на характер угрозы подавляющему большинству народов, создаваемой эгоистическим "золотым миллиардом", т. е. опять-таки Западом.

С учетом процитированных положений статьи А. Неклессы нельзя не присоединиться к тем участникам дискуссии, которые выразили сомнение в надежности ее прогностического потенциала.

В научных кругах, ориентированных на левую часть политического спектра российского общества, совместное выдвижение Москвой и Пекином концепции многополярности рассматривается в основном как тактический шаг, а точнее как шаг, могущий иметь лишь тактическое значение. Действительно, невозможно представить, что авторы концепции не извлекли уроков из недавнего прошлого и вновь связывают свою стратегию с неотразимой силой общечеловеческих ценностей и интересов и опять обращаются к Западу, существенно укрепившему свои геостратегические позиции, с увещеваниями на счет того, что-де народам и странам "необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не гегемонизм и силовая политика, диалог и сотрудничество, а не конфронтация и конфликты".³¹

Возможно, хотя и маловероятно, что тактический шаг такого рода будет способствовать затягиванию процесса перехода к тотальной схватке между "историческими" и "постисторическими" народами, между западной и остальными цивилизациями. Эта схватка, обещающая быть достаточно долгой, скорее всего начнется с массивного наращивания давления со стороны Запада на периферию преимущественно невоенными средствами³², которые, однако, будут постоянно и мощно подкрепляться угрозой применения силы и ограниченным ее применением. Именно в результате подобной предельно жесткой и многоплановой конфронтации, не переходящей в масштабное военное столкновение, аналогичное мировым войнам, утвердится или западный неокOLONиалистский (мягко выражаясь) порядок или тот порядок, который обрисован в российско-китайских совместных декларациях 1996 и 1997 годов. Кстати сказать, в упомянутых документах практически указаны те же глобальные противоборствующие силы, которые действовали в прежнем биполярном мире, а также почти буквально записаны те же принципы и цели, которые отстаивал и преследовал антиимпериалистический фронт, распавшийся на рубеже 80-90-х годов. Такое тождество основных действующих сил, принципов и целей можно считать одним из важных симптомов неизбежного оформления новой биполярной международно-политической системы.

Фактическая биполярность современного мира, место России и Китая в мировом обществе по сути дела вполне определились. Несмотря на все их долгие и многочисленные реверансы в сторону Запада, последний и ту и другую державу рассматривает как органическую часть остального, враждебного ему мира, причем как часть наиболее опасную, а следовательно и являющуюся объектом главного удара в гегемонистской стратегии Запада, стержнем которой все более явно становится политика геноцида в отношении большинства народов мира.

Именно такая ситуация в мире и такое положение России и Китая в глобальном размежевании политических сил совершенно недвусмысленно диктуют Москве и Пекину строго определенное поведение на международной арене, а также и содержание их стратегии в строительстве нового мирового порядка. Россия и Китай могут успешно сыграть свою историческую роль в благополучном снятии главного противоречия мирового сообщества в интере-

сах всего человечества или - что примерно одно и то же - в строительстве нового демократического и справедливого миропорядка лишь в случае их согласованных действий по всем необходимым направлениям с целью восстановления силового равновесия между периферией и Западом. Иначе говоря, восстановление силового баланса и есть главная синтезирующая стратегическая задача двух держав на долгосрочную перспективу. Никто другой ни поставить, ни решить ее не может. Решению этой задачи должны быть подчинены основные аспекты собственно российско-китайского сотрудничества, а также отношений России и Китая как с другими странами периферии, так и со странами Запада. Во имя решения упомянутой, поистине судьбоносной для двух держав, а в конечном счете и для всего мирового сообщества, задачи Москве и Пекину объективно предстоит осуществить примерно следующие конкретные шаги в ключевых сферах международной жизни.

В сфере идеологического обеспечения борьбы народов периферии против эгоцентрического Запада обе державы призваны использовать свои немалые возможности для пропаганды результатов строго научного анализа тенденций развития мирового сообщества, небывало острых антагонизмов, возникших в нем на рубеже XX-XXI веков. Крайне важно дать народам периферии предельно ясно понять, что мощный Запад при отсутствии уравновешивающей его силы будет стремиться к строительству такого миропорядка, который сведет проблему выживания всего человечества к выживанию пресловутого "золотого миллиарда", и что такой уравновешивающей силой может стать только хорошо организованная и сплоченная периферия, восстающая не вообще против порядка в мире, а против порядка, ведущего к геноциду в отношении четырех пятых человечества. После жестокого поражения периферии в ходе "холодной войны" крайне важно убедительно обосновать возможность успеха в борьбе за новый силовой (в самом широком смысле) паритет с Западом, а также показать сугубо временный характер отката международного антиимпериалистического, антизападного фронта от ранее завоеванных позиций, которые, кстати сказать, и были надежнейшей гарантией строительства демократического и справедливого миропорядка, продолжить которое Россия и Китай ныне предлагают Западу, хотя их позиции как глобальной силы чрезвычайно ослаблены.

Думается, что в рамках идеологического обеспечения борьбы периферии с Западом принятую Россией и Китаем концепцию многополярности следует подавать лишь как вариант структурирования мирового сообщества, благоприятный для более или менее мирного решения проблемы выживания человечества в целом. Несомненно, многополярность как общепланетарное явление, охватывающее и Запад и периферию, предпочтительней предельно жесткого западного диктата над миром или тотального противостояния двух глобальных полюсов. Но весь вопрос как раз в том и состоит, что по объективным показателям мультиполяризация не затронет Запад, не выйдет за пределы периферии, которую западный политический полюс и без того намерен максимально раздробить, в том числе и даже в первую очередь путем развала и ликвидации крупных государств, способных организовать и сementировать антизападный антигегмонистский международный фронт. В свете этого концепция многополюсности в том виде, как она изложена в российско-китайских документах, в сущности благоприятствует Западу, поскольку вообще не ставит вопрос о необходимости и неизбежности сплочения центров силы на периферии в политическую и даже военно-политическую целостность в случае, если центры силы Запада и впредь будут действовать на международной арене как единый глобальный политический полюс.

Думается, что российско-китайский стратегический расчет на дезинтеграцию западного полюса чреват стратегическим просчетом. И едва ли стоит недооценивать эту опасность и, в частности, уповать, как это делают и в Москве, и в Пекине, на то, что якобы появились симптомы мультиполяризации Запада, о чем будто бы свидетельствует, например, образование структуры сотрудничества между Европейским союзом и Восточной Азией в форме Азиатско-Европейского саммита, а также появление некой "оси Москва-Берлин-Париж". По случаю первого Азиатско-Европейского саммита авторитетный пекинский журнал "Международные стратегические исследования" писал, что это событие способно оказать глубокое влияние на мультиполяризацию мира, т. е. в данном случае в основном Запада.³³ Однако следует все же согласиться не с журналом, а с А. Страусом, который утверждает, что даже очень значительное усиление в будущем Европейского Союза скорее превратит его в более мощного союзника США, чем в противника. Примерно так же он оценил долгосрочные отношения набирающей мощь Японии с другими центрами силы в западном полюсе.³⁴ И действительно через активность ЕС у Запада появились дополнительные возможности усиливать контроль и влияние в Восточной Азии. Будет правильно под таким углом зрения рассматривать и российско-французско-германскую встречу на высшем уровне, состоявшуюся в конце марта 1998 года в Москве.

Видимо, одной из актуальных задач в идеологической сфере будет проработка новых представлений об организационных основах глобальных политических полюсов. В частности, логично предположить, что характер основного противоречия мирового сообщества продиктует чрезвычайно жесткую дисциплину внутри полюсов и сведет к минимуму число и роль нейтралов в каждом из них. Во всяком случае на Западе, который в организационном плане издавна опережает периферию, "процесс пошел", и судьба вольностей таких "нейтралов со стажем", как Швейцария и Швеция, уже стоит под большим вопросом. Тем более шатко положение с нейтралитетом Австрии и Финляндии.³⁵

Резюмируя сказанное по поводу российско-китайских задач в идеологической сфере, нельзя не подчеркнуть, что в сложном комплексе направлений конфронтационного взаимодействия периферии с Западом идеологическое направление, более всех способное компенсировать ее материальные и организационные слабости, является первостепенным по значению и эффективности особенно на начальном этапе оформления новой политической bipolarности мирового сообщества.

В сфере мировой и региональной политики Россия и Китай могут и должны постепенно наращивать и ужесточать противодействие гегемонистским устремлениям Запада, опираясь на тесное взаимодействие с другими странами периферии.

В этой связи весьма показателен и обнадеживающ иракский прецедент. Подготовленная Вашингтоном на исходе 1997-в начале 1998 г. вторая операция типа "Бури в пустыне" не состоялась, благодаря прежде всего солидарному противодействию России, Китая и арабских стран. Состоялась первая открытая проба сил между ними и Западом в новых глобальных условиях, все еще крайне неблагоприятных для периферии.

Конечно же, предельно недвусмысленная и активная антигегемонистская позиция России и Китая может более всего стимулировать создание мобилизационной атмосферы и развитие духа наступательности в странах периферии. Ей ныне скорее нужен обнадеживающий и вдохновляющий пример со стороны "своих" великих держав, чем прямая материальная помощь, а тем более такая по масштабам помощь, которая ослабляла бы эти

несущие опоры, эти средоточия мощи самой периферии. Опыт советского интернационализма, явившегося одной из причин перенапряжения экономической системы в СССР, более чем поучителен. И едва ли его можно будет игнорировать.

Первоочередная, стратегическая по значению, нацеленность Запада на борьбу с Россией и Китаем, без которых немислим второй мощный и прочный глобальный политический полюс, должна побудить и сами эти державы и другие страны периферии уже теперь приступить к созданию и укреплению организационных структур, которым предстоит выдержать и отразить тотальное наступление Запада в недалеком будущем. Политические уроки финансового кризиса в Восточной Азии и плачевного состояния российской финансово-экономической системы как раз и предупреждают о настоятельной необходимости такой работы. А ее развертывание и успехи могут в значительной мере остановить бег части стран периферии на перегонки в пресловутое единое мировое хозяйство, где безраздельно командует "большая семерка" и где периферийные страны по большей части обретают не гарантии экономического процветания, а усиление зависимости от Запада и перспективы экономической стагнации и деградации своих народов.

Для России главный урок ее постсоветского существования, а также складывающихся мировых реалий после окончания "холодной войны" состоит в том, что ей пора, наконец, оставить в прошлом свои прозападные иллюзии и надежды и понять простую историческую истину: изначально и по сей день буржуазный либерализм формирует мировое хозяйство и мировое сообщество по неизменной схеме. А она такова: высокоразвитый центр сообщества разными способами обеспечивает себе сохранение обширной питательной среды в лице многочисленных стран так называемого "догоняющего" развития. Но теперь будет правильней говорить не о догоняющих, а в большинстве случаев о неуклонно деградирующих странах. Это вполне убедительно подтверждается состоянием дел не только и, может быть, не столько в так называемом "третьем мире". Пожалуй, ныне еще более важным является положение на обширном постсоциалистическом пространстве, составляющем примерно пятую часть земной суши. Причем позиции и влияние Запада здесь, особенно в странах СНГ, таково, что при необходимости "большая семерка" может в одночасье посеять великий хаос, в частности, в российских финансах, вызвать массовых голод в разных районах России, окончательно добить все еще действующие фрагменты ее реальной экономики.

Для Пекина урок более чем двадцатилетнего периода вхождения Китая в общецивилизационный процесс и упомянутого финансового кризиса в Восточной Азии состоит в том, что передышка в отношениях с Западом для него кончается и начинается полоса расширяющегося и ужесточающегося наступления последнего на специфический "китайский социализм". Урок также состоит в том, что дальнейшее вхождение КНР в общемировую, т. е. капиталистическую, экономику, опасно для страны не только в ее особой социальной, но и в элементарно национально-государственной ипостаси. Похоже все-таки, что даже при всем возможном дальнейшем высоком экономическом взлете Китая едва ли продуктивно сработает стратегический расчет победоносного в конечном счете противостояния "желтого миллиарда" "золотому". Чтобы устоять под ударами Запада, Китаю вскоре потребуются широкая опора на периферию, на сотрудничество с периферийными политико-экономическими структурами как на наиболее действенное средство самозащиты.

Синхронные и однонаправленные действия региональных экономических и иных структур на периферии, скорее всего, и будут в новых мировых

условиях первоначальной формой функционирования второго глобального политического полюса, его воздействия на ход строительства нового миропорядка. Но чтобы эта форма стала действенной и чтобы она вообще состоялась, ведущие государства периферии должны составить лидирующую группу, аналогичную по функциям "большой семерке", однако без, так сказать, единоначальника, подобного США, т. е. группу с демократическим коллективным руководством в лице великих держав периферии и других наиболее авторитетных в незападном мире стран.

Единому, тесно сплоченному Западу может уверенно противостоять только широкий достаточно монолитный фронт стран и региональных структур периферии с четко выраженной мобилизационной политической линией. Надеяться, что Запад теперь, когда он обладает значительным силовым превосходством, будет действовать на международной арене в духе принципов, предложенных совместными российско-китайскими декларациями 1996-97 гг., нет совершенно никаких оснований. Поэтому превращение периферии в сопоставимую с Западом по комплексной мощи глобальную силу есть актуальнейшая и приоритетнейшая историческая задача на ближайшую обозримую перспективу для всех народов, не входящих в "золотой миллиард". Успешное решение этой задачи в огромной, по сути в решающей, степени зависит от активной и умелой организаторской роли великих периферийных держав и, конечно же, от их способности ускоренно наращивать собственную мощь.

Крайне важно некоторую относительную передышку, полученную периферией после окончания "холодной войны", полнее использовать для более энергичного продвижения в жизнь становящейся по истине актуальной идеи сотрудничества по линии Юг-Юг. После этой явно непродолжительной передышки всестороннее сотрудничество по указанной линии приобретет на длительную перспективу первостепенное значение для международных антигегемонистских сил.

Важно иметь в виду, что теперь динамика развития, потенциал всестороннего сотрудничества по линии Юг-Юг существенно иные, чем они были лет 10-15 назад. Согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития, опубликованному в мае 1997 г., доля развитых стран в мировом продукте к 2020 г. упадет до одной трети, а доля развивающихся государств составит две трети, из которых одну треть произведут пять стран - Китай, Индия, Бразилия, Россия и Индонезия.³⁶

Конечно, эти цифры отражают лишь потенциальные возможности стран Юга и периферии в целом. Указанные рубежи могут быть ими достигнуты лишь в случае, если их не остановят так же, как остановили экономически мощный Советский Союз и еще более мощное социалистическое содружество. Чтобы этого не случилось, страны Юга должны верно оценить роль взаимного сотрудничества в жесточайшей борьбе против установления Западом губительного для народов периферии нового мирового порядка.

В военно-политической сфере для России и Китая, для периферии в целом неизбежными будут выработка и осуществление согласованных мер по нейтрализации действий западной дипломатии, которая ныне все больше опирается на угрозу применения и применение военной силы. "Холодная война" окончилась, но началось становление "прохладного мира", т. е. мира обостряющейся вражды двух категорий стран и соответствующего этой вражде политического менталитета. По сути дела в наше время происходит замена весьма жесткого политического менталитета "холодной войны" еще более жестким менталитетом, свойственным современной эпохе - эпохе, поставившей во весь рост перед большинством человечества вопрос - быть или не быть.

К сожалению, не ушли в прошлое и упомянутые в совместном российско-китайском заявлении от 10 ноября 1997 г. времена "направленных против третьих стран союзов и стратегических многоугольников".³⁷ Если бы они действительно ушли, то вслед за Организацией Варшавского Договора исчезла бы и НАТО.

Если не закрывать глаза на международные реалии наших дней, то нельзя не видеть, что Запад уже начал формировать военный механизм с задачами планетарного масштаба. НАТО не только сама неуклонно идет к расширению на Восток, но и раздвигает зону своей ответственности до западных границ Китая, до Персидского залива и Южной атлантики. Иначе говоря, НАТО все более превращается в главный военный инструмент Запада в его борьбе за подчинение периферии. Формирование имеющей практически неограниченную сферу действий военной машины Запада диктуется самим характером конфронтационной связки Запад-остальной мир и активно наступательной позицией Запада в этой связке. Такая позиция определяется, к сожалению, продолжающим увеличиваться силовым перевесом Запада над периферией.

Чтобы в конце концов достойно выжить, страны периферии вынуждены будут принять вызов Запада и в военной сфере. Это, однако, не значит, что они должны втянуться в изнурительную и разорительную гонку вооружений подобно тому, как это делало социалистическое содружество, стремившееся догнать и даже перегнать Запад. Но чем дальше, тем больше внимания и средств им придется уделять повышению качества своих армий, активизации и расширению военного взаимодействия в рамках сотрудничества по линии Юг-Юг. Это особенно относится к великим периферийным державам. По крайней мере в Китае и Индии это и понимают и действуют в духе данного понимания. К примеру, КНР, продолжая выполнять программу сокращения армии на 500 тысяч человек, увеличивает расходы на повышение качества ее технической оснащенности и ее вооружений. Индия в 1998 г. открыла для себя двери ядерного клуба. То же самое сделал и Пакистан. По некоторым данным, Индия "к 2000 году будет иметь высокотехнологичное вооружение нового поколения, и 70 процентов его она будет производить сама". До 2010 г. Индия вступит в ряды "глобальных военных держав первого класса".³⁸ Что касается России, то, видимо, еще до наступления XXI века она выйдет из состояния политического умопомрачения, начнет восстанавливать свой экономический и научный потенциал, влияние в странах СНГ, а главное перестанет делать уступки Западу в вопросах, связанных с ракетно-ядерным разоружением.

Самый опасный для судеб России, Китая, Индии, образующих главный узел сопротивления Западу на периферии, период приходится, похоже, на первую четверть грядущего века. Это и понятно, если учесть, что в "холодной войне" поражение потерпел не только мировой социализм, но и периферия в целом, и что ей требуется немалое время, чтобы упорядочить свои ряды, восстановить и нарастить силы. Запад же не может не стремиться к тому, чтобы в создавшихся для него благоприятных мировых условиях и закрепить и развить свой эпохальный успех в борьбе с остальным миром. Наиболее откровенные идеологи мондиалистских кругов почти не скрывают это стремление. К примеру, Жак Атали предсказывает: "Конфликт наиболее вероятен именно сейчас, когда завершилась "холодная война", а идея рынка одержала триумф. Ж. Атали при этом подчеркивает, что общие для всех правила рыночной экономики могут только стимулировать соблазны решать экономические и политические проблемы с помощью силы."³⁹ Для тройки великих периферийных

держав крайне важно регулировать военно-политические проблемы своих отношений с Западом не только с помощью дипломатической гибкости, зачастую оборачивающуюся элементарной уступчивостью, для которой уже и теперь трудно бывает найти оправдания.

И есть все основания полагать, что, если за предстоящие одно-два десятилетия Запад не сумеет подчинить себе периферию, т. е. прежде всего дезинтегрировать и предельно ослабить Россию, Китай, Индию, то можно надеяться на вступление мирового сообщества в очередную полосу своего внутреннего равновесия. На базе этого равновесия вновь появится возможность сравнительно справедливого решения глобальных проблем современности, в совокупности породивших эпохальную проблему выживания человечества. Поэтому историческим императивом для великих держав не-Запада, в первую очередь для России и Китая, является необходимость безошибочно сыграть свою объективно решающую роль в восстановлении равновесия между глобальными политическими полюсами, без которого новый мировой порядок будет каким угодно, но только не справедливым для большинства народов мира, не стабильным и в конечном итоге не рациональным и не мирным.

1. Ф. Фукуяма. Конец истории? // Вопросы философии. М., 1990. - № 3.
2. Вопросы философии. 1990. №-3. С. 146-148.
3. С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций? // Полис. М., 1994. №-1. С. 33.
4. Там же. С. 47.
5. The Free China Journal. 1998. August 14.
6. Н. Моисеев. Есть ли у России будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. - М., 1996. - С. 116.
7. Космополис. Альманах 1997. М., "Полис".
8. Там же. С. 146..
9. Там же. С. 154-155.
10. Вопросы философии. 1990. №-3. Сс. 148, 145.
11. Космополис. Альманах 1997. - М., "Полис". С. 159.
12. Автор концепции постиндустриализма Дэниэл Бэлл, сравнивая космологические принципы" доиндустриального, индустриального и постиндустриального миров, определил для второго принцип рациональности и прогресса, а для третьего - "страх и трепет". (См. Восток. -1998. - №-1. -С. 37).
13. Совместная российско-китайская декларация. // Проблемы Дальнего Востока. 1996. №3. С. 8.
14. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка // Проблемы Дальнего Востока. 1997. №-3. С. 5.
15. Совместное российско-китайское заявление // Проблемы Дальнего Востока. -1997. №-6. С. 3.
16. Там же. С. 3.
17. Там же. С. 3
18. Проблемы Дальнего Востока. 1996. №-3. С. 8.
19. Б. Тихомиров. "Глобальное супружество": разумное единство противоположностей в мировой системе государств # Космополис. Альманах 1997. -М., "Полис", С. 181.
20. Г. Данилин. Очерки экономического позора России // Молодая гвардия. 1997. №-2. С. 103.
21. На первый взгляд эту нерасторжимость ставит под сомнение, в частности, начавшийся процесс формирования зоны европейского валютного союза. Создается впечатление, что Западная Европа бросила коллективный вызов всесильному доллару. Но общая валюта реально появится в виде денежных знаков только в 2000 году. За это время всякое может случиться, тем более что в союз не вступили и, похоже, не собираются вступать Англия, Швеция, Дания. Иначе говоря, в самой Западной Европе существует и, видимо, будет расти противодействие процессу валютной интеграции. Многие авторитетные аналитики и прогнозисты считают "евро" недолговеч-

- ным. А французский политолог и социолог Тодд Эмануэль, еще в 1976 г. точно предсказавший год распада СССР, считает, что "евро" не просуществует дольше 2005 года. (См. Советская Россия. -1998. - 12 мая).
22. Такую надежду в КНР активно обосновывают разного рода аналитические центры. Особенно последовательную линию в этом вопросе ведет Китайский институт международных стратегических исследований. Она вполне четко отражена в издаваемом им на английском языке ежеквартальнике "International Strategic Studies". Но и в Китае имеются исследователи, скептически относящиеся к подобной надежде. В частности, заведующий сектором Западной Европы Китайского института международных исследований Ван И на конференции в МГИМО МИД РФ в 1996 г. отмечал: "Создание собственной системы обороны ЕС более иллюзорно, чем реально... Европейская безопасность по-прежнему зависит от покровительства США". (Россия и Китай в современном мире. Международная научно-практическая конференция. Москва. МГИМО. 14-15 июня 1996. -М., 1997. -С. 30).
23. Независимая газета. 1998. 17 марта.
24. А. Д. Богатуров. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995). М., 1997. С. 5. Естественно, А. Д. Богатуров оценил как "бесспорные" констатации А. Страуса о принципиальной однополярности современного мира"(См. Космополис. Альманах 1997. С. 174)*
25. Восток. 1997. №-2. Материалы дискуссии по статье последнего опубликованы в первых номерах журнала за 1998 год.
26. Космополис. С. 181-182.
27. Восток. 1997-№-2. С. 48.
28. Там же. С. 40.
29. Там же. С. 44.
30. Там же. С. 42.
31. Российско-китайская совместная Декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. // Проблемы Дальнего Востока. -1997. -№-3. -С. 5.
32. Подсчитано, что тем или иным экономическим санкциям американского правительства подвергается уже две трети населения планеты. Весьма респектабельная английская газета "Файнэншл таймс" отметила, что США ввели против суверенных государств-членов ООН 115 санкций, причем более половины из них -за последние четыре года. (См. Советская Россия. -1998. -15 августа).
33. International Strategic Studies. Beijing, 1996. №3. Р. 1. Первый Азиатско-Европейский саммит состоялся в марте 1996 года в Бангкоке, второй -в апреле 1998 г. в Лондоне.
34. Космополис. Альманах 1997. С. 159.
35. Подробнее см. Сорокина. Скрывшийся полюс // Завтра. 1997. Июль. №-30. Вообще говоря, "заслуженный нейтрал" - Швеция с начала "холодной войны" весьма энергично в ряде вопросов (например, в делах разведки) подыгрывала НАТО. Газета "Свенска дагбладет" со ссылкой на рассекреченные документы писала в августе 1998 г., что вопреки лицемерным заявлениям высших чиновников о свободе страны от участия в каких-либо союзах политическое и военное руководство Швеции поддерживало тесные контакты с НАТО. В 1981 г. министр обороны США Каспар Уайнбергер откровенно заявил: "Я не считаю, что мы имеем нейтральную Швецию". А один из представителей нынешнего правительства США сказал корреспонденту "Свенска дагбладет", что Швеция в течение долгих десятилетий является молчаливым "пассивным членом" НАТО. (Материал из шведской газеты опубликован в еженедельнике "Дуэль":1998. -Сентябрь. -№-29(76).
36. International Studies. Beijing, 1998. №-1-2. Р. 2.
37. См. Проблемы Дальнего Востока. 1997. №-6. С. 3.
38. Сяндай гоцзи гуанси яньцзю. 1996. №-3. С. 29.
39. Жак Атали. На пороге нового тысячелетия. М., 1993. С. 25, 79.

В чем не прав МВФ?

(Опыт преодоления финансового кризиса в Азии:
уроки для России)

© 1998

В. Михеев

Азиатский финансовый кризис, затронувший в 1997-1998 гг. Таиланд, Индонезию, Малайзию, Южную Корею и, в меньшей степени, Филиппины, стал кризисом *краткосрочной частной задолженности*, приведшим к увеличению сверх критического уровня дефицита платежного баланса и вызвавшем обвал регионального финансового и фондового рынков. Финансовый кризис показал опасность завышения курсов национальных валют и сохранения, при любых условиях, их привязки к подорожавшему в 1996-1998 годах американскому доллару. Кризис высветил структурные и технологические слабости экономики азиатских НИС, исчерпавших резервы стратегии «догоняющей индустриализации».

Комплекс мер по преодолению финансового кризиса в Азии включает опирающиеся на помощь МВФ и разработанные под давлением МВФ *меры финансового, экономического и социального* характера. Претворение в жизнь рекомендаций МВФ, позволив добиться определенных успехов, в то же время имело негативные социально-экономические и политические последствия. Усилия стран по их преодолению представляют собой *вторую составляющую* комплекса мер по выходу из кризиса. *Третьим компонентом* стала экономическая дипломатия азиатских государств, нацеленная на обеспечение внешних условий преодоления кризиса. *Четвертым* – поиск руководством стран ответов на два вопроса: кто несет ответственность за финансовый обвал и какова приемлемая цена финансовой стабилизации.

Философской основой политики финансового оздоровления в Азии стала концепция усиления роли государства в стабилизации национальных финансовых рынков при ставке на косвенные методы финансового регулирования и недопущении прямого административного вмешательства.

Реализация комплекса мер по преодолению азиатского финансового кризиса поставило перед мировым сообществом ряд фундаментальных вопросов:

остались ли у азиатских НИС резервы для продолжения ускоренного развития или их ожидает длительная стагнация производства?

каковы наиболее уязвимые места взаимодействия валютного и фондового рынка развивающихся стран с реальной экономикой?

какие угрозы несет развивающимся обществам глобализация мировых финансовых рынков и мировой экономики?

как оценивать роль МВФ в погашении азиатского кризиса и, более широко, в регулировании мировой экономики?

есть ли способы предотвратить расползание финансового кризиса из одних регионов в другие и не настало ли время для глобального регулирования мировых финансовых потоков в интересах стабильности национальных экономик и мировой экономики в целом?

Эти фундаментальные вопросы, навеянные финансовым кризисом в Азии, имеют непосредственное отношение к России. Как представляется, России трудно будет найти выход из нынешней кризисной ситуации – независимо от того, каким будет правительство – без учета последнего экономического опыта азиатских НИС и без ответа на эти вопросы – применительно к России, или, если угодно, с российского угла.

1. *Финансовые меры* по преодолению кризиса, разработанные азиатскими НИС совместно с МВФ, включают:

отказ от привязки национальных валют к доллару и предоставление возможности обменным курсам упасть до «естественного уровня»;

повышение ставки рефинансирования ради укрепления национальной валюты;

проведение жесткой фискальной политики в целях уменьшения дефицита государственного бюджета;

регулирование проблемы частной задолженности национальных финансовых и хозяйственных институтов посредством (а) переговоров с иностранными партнерами о вариантах реструктуризации долга и (б) финансовой помощи национальному частному сектору со стороны государства (в том числе на средства, полученные от МВФ) в погашении внешнего долга;

оздоровление банковской системы путем: (а) ликвидации безнадежных банков или их национализации с последующей продажей крупным национальным или иностранным финансовым институтам, (б) слияния, под диктовку правительства, проблемных, но потенциально жизнеспособных банков с более крепкими, (в) списания плохих частных кредитов и их приобретения государством с последующей рекапитализацией. Для практического осуществления политики банковского оздоровления в НИС созданы специальные государственные агентства по оценке надежности финансовых институтов и разработке и осуществлению мер против слабых и «плохих» банков. Частные финансовые институты должны стать прозрачными для контроля государства и международных финансовых организаций;

полное выполнение обязательств банков перед физическими лицами;

открытие финансового рынка для иностранного капитала в целях развития конкуренции и интернационализации национальных экономик;

осуществление на практике реального, а не только декларируемого – как это существует в Азии – принципа независимости Центральных Банков;

предотвращение «перегрева», т.е. необоснованного вздувания цен на акции, национального фондового рынка и рынка недвижимости.

2. Основанные на рекомендациях МВФ *меры социально-экономического характера* предполагали:

свертывание дорогостоящих экономических проектов и отмену государственных субсидий на любые товары;

изменение взаимоотношений в треугольнике бизнес - профсоюзы - политическая власть, направленное, с одной стороны, на борьбу с коррупцией, клановыми (в Южной Корее и Таиланде) и семейными (в Индонезии) финансовыми льготами, а с другой - на отмену системы пожизненного найма и развитие государственного социального страхования;

реформирование внутрикорпоративных связей (особенно в Южной Корее) с тем, чтобы устранить сложившуюся систему перекрестного кредитования внутри промышленно-финансовых групп и тем самым заблокировать лазейки для появления «плохих» кредитов.

Негативными побочными эффектами реализации рецептов МВФ стали спад производства, массовые банкротства мелкого и среднего бизнеса, крах системы здравоохранения и социального обеспечения, рост безработицы, сокращение импорта, сужение внутреннего спроса, падение жизненного уровня, рост социальной и политической напряженности. *Ответные действия* руководства азиатских НИС концентрировались на следующем:

на снижении, вопреки давлению МВФ, ставки рефинансирования. Малайзия, дабы не усложнять доступ национальных производителей к займам, вообще отказалась от кредитов МВФ. Южная Корея сразу же начала торг и, стабилизировав курс национальной валюты, добилась от МВФ согласия снизить ставку рефинансирования с первоначальных 25% до 10%. Центральные банки в большинстве НИС на деле остаются подконтрольными правительству;

на смягчении тяжелых для наемных рабочих последствий массовых увольнений вследствие реструктуризации крупных корпораций. НИС, несмотря на жесткие бюджетные установки МВФ, увеличили государственные расходы на программы переподготовки уволенных рабочих и притормозили увольнения даже ценой снижения эффективности корпоративных преобразований;

на усилении прямого вмешательства государства в экономику, опять же, несмотря на противодействие МВФ. В Малайзии с сентября 1998 г. отменен плавающий и введен фиксированный курс национальной валюты (на 10% выше рыночного курса), установлен жесткий контроль за национальным и иностранным капиталом. Таиланд неохотно открывает внутренний фондовый рынок иностранцам. В Южной Корее президент использует политическое давление на крупнейшие монополии, добиваясь от них взаимного обмена определенными видами производств с тем, чтобы, скорректировав международную специализацию монополий, повысить эффективность их работы. Индонезии еще предстоит восстановить разрушенную кризисом систему государственного регулирования рынка;

на ускорении научно-технического прогресса и повышении уровня наукоемкости национального производства. Лидером здесь выступает Южная Корея, активно использующая тайваньский опыт создания небольших, но не бюрократизированных венчурных фондов для освоения новых технологий.

3. Важной составной частью мер по преодолению кризиса в азиатских странах стало *пропагандистское* обеспечение реформ. Акцент делается на:

пропаганду идеи сплоченности нации перед лицом общей опасности. В Таиланде и Южной Корее с успехом прошли кампании по сбору золота в государственные фонды, что позволило этим странам увеличить объем экспорта и пополнить золотовалютные резервы. В Малайзии возымели действие призывы экономить продукты питания;

критику и возложение вины за кризис на предыдущие Администрации. В Южной Корее был взят под стражу бывший министр финансов. В Индонезии финансовые провалы списаны на происки семьи Сухарто.

В странах АСЕАН, в первую очередь в Индонезии, негативной стороной пропагандистской кампании, явно или неявно подогреваемой властями, стали притеснения и погромы китайского населения, обнаружившего большой иммунитет к финансовым встряскам – и тем самым вызвавшего ненависть местного населения. Руководству стран не удалось погасить и раздражение населения тем, что международный капитал, США и МВФ, а не национальные политики, играют главную роль в осуществлении экономических реформ.

4. *Политическая* составляющая комплекса мер по преодолению азиатского финансового кризиса связана с кризисом власти, сопровождавшим финансовые потрясения. В Индонезии в мае с.г. под давлением населения ушел в отставку президент Сухарто. В Южной Корее недовольство избирателей провальной политикой бывшего президента Ким Ен Сама стало одним из факторов победы на президентских выборах в декабре 1997 г. оппозиционера Ким Дэ Чжуна. В Таиланде в ноябре 1997 г. кризис привел к отставке кабинета министров. Премьер министр Малайзии Махатхир Мохамад устоял, однако в сентябре 1998 г. ушел в отставку, из-за разногласий с премьером, бывший вице-премьер и правая рука Махатхира Анвар Ибрагим.

Новое руководство НИС столкнулось с застарелыми политическими проблемами, обострившимися во время финансового кризиса, и вынуждено было провозгласить *политические реформы*. В Индонезии новое руководство заявило о готовности дать больше прав регионам, начиная с предоставления «особого статуса с широкой автономией» Восточному Тимору. На расширение полномочий местных органов власти и ослабление зависимости политиков от крупного капитала направлена начатая в середине 1998 г. политическая реформа в Южной Корее. В Таиланде власти решают вопрос, как – в интересах банковской реформы – ограничить авторитет королевской семьи и власть военных, контролирующих два крупнейших, но не рентабельных, банка страны.

5. *Внешиполитическое* обеспечение реформ включало: ставку на укрепление отношений с США, имеющих наиболее весомое слово в МВФ, и с Японией, главным донором НИС;

присоединение к международному давлению на Китай в целях предотвратить девальвацию юаня, чреватую новой волной азиатского кризиса, а также на Токио – с требованием оживить японскую экономику и открыть ее для азиатских товаров;

игру на китайско-тайваньском международном соперничестве, позволившую НИС получить около 4 млрд. долл. помощи от Тайбэя и около 2 млрд. долл. от Пекина.

Попытки АСЕАН скоординировать антикризисные действия и усилить интеграцию внутри Ассоциации *не удалось* по причине того, что не все страны АСЕАН оказались в одинаково тяжелом положении и не все одинаково понимали характер кризиса и пути выхода из него. Наибольшие экономические и социальные трудности испытала Индонезия, тогда как Сингапур сумел избежать кризиса. Таиланд ищет выход из ситуации на рыночном направлении при опоре на МВФ, тогда как Малайзия привержена жесткому государственному вмешательству в экономику и отвергает помощь МВФ. Из-за наплыва беженцев из Индонезии обострились малазийско-индонезийские отношения. Таможенные разногласия ухудшили отношения между Малайзией и Сингапуром. Сингапур негативно отреагировал на отставку Сухарто, что не могло не омрачить отношения с Джакартой.

6. *Результаты* осуществления мер по выводу азиатских экономик из кризиса не однозначны. С одной стороны, советы МВФ повысить ставки ре-

финансирования и ужесточить фискальную политику позволили остановить валютный и фондовый кризис. К середине 1998 г. азиатские валюты и фондовые рынки стабилизировались, хотя и на более низком (на 40-50%, в Индонезии – на 80%) уровне по сравнению в середине 1997 г. В то же время **экономические последствия** политики финансовой стабилизации оказались более тяжелыми, чем ожидалось. Первоначальные предположения, что страны выберутся из кризиса уже к концу 1998 – началу 1999 г., оказались слишком оптимистичными. По последним прогнозам, ВВП азиатских НИС в 1998 г. уменьшится на 5-8%, в Индонезии – на 15%.

Дальнейшая стратегия восстановления экономики НИС предполагает: завершение в течение 1998-1999 гг. структурных реформ финансового, фискального и административного характера,

начало процессов восстановления экономик посредством наращивания экспорта и привлечения иностранных инвестиций в 2000-2001 гг.

переход к фазе роста за счет увеличения внутреннего потребления и аккумулирования частных инвестиций в 2001-2002 гг. На преодоление социально-экономических последствий финансового кризиса уйдет, таким образом, не менее 4-5 лет.

- Азиатский финансовый кризис замедлил на 2-3 процентных пункта темпы экономического роста Китая, Тайваня и Сингапура, чьи большие валютные резервы, положительное сальдо текущего платежного баланса и умеренность в зарубежных частных заимствованиях позволили избежать финансового шока. В то же время уязвимым местом **китайской экономики** стал Гонконг. Экономика Гонконга, построенная на фондовых спекуляциях и реэкспорте, продолжает функционировать под решающим воздействием стагнирующих азиатских рынков. В годы экономического подъема Гонконг мог бы способствовать привлечению иностранных капиталов в Китай. Однако в условиях финансового кризиса в Азии и оттока международных капиталов с рынков развивающихся стран Гонконг, чей ВВП в 1998 г. сократится, по прогнозам, на 2-3%, превращается в угрозу экономической стабильности Китая. Осенью 1998 г. Пекин оказался перед выбором: либо продолжать массированные государственные интервенции на гонконгский фондовый и валютный рынки с целью уберечь их от спекулятивных атак и предотвратить их возможный обвал, либо согласиться на девальвацию гонконгского доллара и смириться с нестабильностью на Гонконгской бирже. Первый вариант был бы оправдан в случае весьма быстрого оживления азиатской экономики – тогда у Китая и Гонконга хватило бы валютных резервов для рыночных интервенций. Однако длительная стагнация в Азии может исчерпать резервы Китая и Гонконга и поставить под удар финансовую стабильность Китая в среднесрочной перспективе. Немедленный же отказ от интервенций в Гонконге чреват оттоком капитала не только из Гонконга, но и самого Китая, с последующей практически неминуемой девальвацией юаня. Китаю потребуются ужесточить контроль за вывозом иностранного капитала и валютными операциями, приостановить реформы банковского сектора и государственной промышленности, чтобы смягчить удар через гонконгское окно.

- Вызванное кризисом сужение национальных рынков в Азии снизило примерно на 1 процентный пункт и без того находящиеся на нулевой отметке темпы роста **экономики Японии**, страдающей сегодня не от нехватки капиталов и валютных резервов, а от неэффективной банковской системы и вялого потребительского спроса. Меры, принимаемые японским правительством по оздоровлению экономики под давлением партнеров по «Большой семерке» и азиатских стран предполагают:

спасение наиболее крупных частных банков за счет средств госбюджета и акцид держателей при полном обеспечении интересов вкладчиков;

создание вне министерства финансов государственной инспекции по контролю за деятельностью как Минфина и центробанка, так и частных банков – на предмет выявления ошибок в их кредитной политике;

уменьшение налогов на население и процентных ставок в целях оживления спроса и стимулирования инвестиций;

выделение больших средств на проведение общественных работ с тем, чтобы уменьшить безработицу и, опять же, оживить спрос;

поиск вариантов развития региональной интеграции по примеру Западной Европы и Северной Америки. Первый пробный шар – с идеей о создании общего рынка – был послан Южной Корее осенью 1998 г. и, в качестве первой реакции Сеула, отвергнут по той причине, что, по мнению южнокорейцев, японцы больше выиграют на корейском рынке в случае либерализации взаимного торгового режима, чем корейцы на японском.

От успеха экономических реформ в Японии зависит будущее остальных азиатских экономик. Если Токио удастся подтолкнуть внутренний спрос, укрепить йену и открыть внутренний рынок, то это может стимулировать выход из экономического кризиса остальных стран Азии. Если йена будет продолжать падать, а японская экономика стагнировать, то Азии вряд ли удастся избежать девальвации юаня и второй волны финансового кризиса.

7. Перерастание азиатского финансового кризиса в кризис общеэкономический заставляет отдельные НИС *изменять свои подходы* к таким, казалось бы, устоявшимся направлениям стратегического развития стран, как экономическая интеграция и глобализация экономики и финансов. Во второй половине 1998 г. в Азии наметилась тенденция к изоляции национальных экономик. К упоминавшимся выше шагам Малайзии по введению валютного регулирования и ограничений на перелив из страны и в страну национальных и иностранных капиталов добавились схожие шаги Гонконга и Тайваня, введших жесткие ограничения на приток и отток краткосрочных капиталов иностранных спекулятивных фондов.

Продолжающая сохранять верность открытой экономике Южная Корея в качестве компенсации в октябре 1998 г. потребовала от МВФ серьезных уступок, которые, по мнению Сеула, должны будут оживить национальное хозяйство. Накопленный к этому времени 40 миллиардный (в долларовом исчислении) национальный валютный резерв позволил южнокорейскому правительству жестко поставить перед МВФ вопрос о дальнейшем снижении процентных ставок, увеличению дефицита госбюджета и денежной эмиссии как средствам оживления внутреннего спроса и запуска новых производственных мощностей.

Если первыми серьезных успехов добьются азиатские НИС, вставшие на изоляционистский путь развития, то это существенно подорвет международные позиции концепций глобализации и либерализации мировой экономики. В любом случае в ближайшее время азиатские НИС должны будут столкнуться со следующими проблемами, решение которых сегодня уже не столь очевидно, как полтора-два года назад:

какую проводить политику в отношении *курса национальных валют*: привязать их к доллару, введя валютное управление, или перейти к свободной плавающему курсу валюты, либо идти по пути создания валютного союза с ведущими региональными экономиками. Каждый из вариантов имеет свои преимущества и недостатки. Привязка национальной валюты к доллару оправдала себя на начальных этапах развития НИС. Введение плавающего

курса помогло остановить последний валютный кризис. Неиспользованным остается последний из упомянутых вариантов – создание валютного союза, на лидирующую роль в котором объективно может претендовать Япония. Однако гипотетически перспективная идея валютного союза Японии, Китая и Южной Кореи или Японии и стран АСЕАН или общеазиатского валютного союза пока остается не реализуемой практически. Одна причина тому – это неспособность Японии выйти из экономического застоя последних лет и стать региональным финансовым лидером, к чему Японию подталкивают другие страны региона. Вопрос в эффективности японской экономической дипломатии и динамизме национальной экономики – чего у Японии пока нет. Другая причина – неготовность партнеров Японии по региону согласиться по политическим причинам с привязкой своих валют к японской йене. Это относится и к Китаю, и к Южной Корее и к странам АСЕАН. Не все страны готовы с валютному союзу и в финансовом отношении, как, например, Китай, сохраняющий свой валютный рынок закрытым для иностранных интервенций;

какую политику проводить по отношению к *иностранному капиталу*: открывать ли для него рынок или, наоборот, резервировать поле для маневра, вводя ограничения на деятельность иностранного капитала на национальном фондовом рынке и в реальной экономике. Плюсы и минусы каждого из решений в каждой стране свои. В Азии, в частности, ожидают, что Китай притормозит либерализацию рынка капитала, пожертвовав эффективностью во имя стабильности;

как *уменьшить финансовую зависимость заемщиков от банков*. В качестве мер в этом направлении предлагается развивать рынок государственных ценных бумаг, рынок акций частных компаний, ипотеку. Решение этой задачи, однако, трудно осуществимо без либерализации условий работы для иностранного капитала, хотя, как мы только что отмечали, такая либерализация представляет угрозу финансовой стабильности;

каким образом подбирать грамотные кадры в области финансов. Сегодня практически все страны Азии сталкиваются с проблемой выбора надежных и компетентных директоров Центральных банков.

Без эффективного решения этих проблем упомянутые выше 4-5-летние сроки окончательного выхода азиатских стран из финансового кризиса, перешедшего в кризис социально-экономический и политический, могут вновь оказаться излишне оптимистичными.

8. Ставя вопрос об *ответственности* за финансовый кризис, МВФ полагает, что ни в коем случае не должны пострадать мелкие вкладчики, а бремя расходов на антикризисные меры должны нести руководители и акцидержатели ненадежных финансовых институтов и политические лидеры. По мнению МВФ, экономический спад является неизбежной *платой* за ошибки и минимальной ценой выхода из кризиса.

На деле, однако, именно наименее обеспеченные слои населения, а также мелкие и средние предприниматели оказались в наибольшем проигрыше от кризиса и от рекомендованных МВФ мер по его преодолению. Сегодня банки отказываются давать кредиты мелкому и среднему бизнесу, концентрируя ресурсы в больших транснациональных корпорациях. В меньшей степени пострадали от кризиса экспортеры, работающие на национальном сырье, и фирмы, не имеющие кредитов в иностранной валюте. Выиграл от реформ по сценарию МВФ крупный иностранный капитал, получивший возможность дешевле и легче, чем прежде, приобрести акции наиболее жизнеспособных азиатских компаний.

9. *Общая оценка рецептов МВФ* по преодолению азиатского кризиса не однозначна. И в самих НИС, и в международных организациях, таких как ОЭСР, и в американских политических и научных кругах распространено мнение, что политика МВФ по завышению ставок рефинансирования и борьба с бюджетным дефицитом не только тормозят рост национального производства, но и опасны для мировой экономики, находящейся сегодня под угрозой попадания в дефляционную спираль своего развития.

Сила предложенных МВФ мер в том, что они заставили азиатские страны меньше тратить, лучше собирать налоги, аккуратнее заимствовать на международном рынке частных кредитов, реальнее смотреть на истинный вес национальной валюты, начать борьбу с административно-политическими и семейно-клановыми препятствиями оздоровлению национальных банковских систем. *Минусы* рецептов МВФ в том, что они не учитывают социально-экономических и политических последствий жесткой монетарной и фискальной политики, не принимают во внимание специфики стран – в Индонезии это спровоцировало народные волнения и, в конечном счете, отставку президента.

МВФ по существу не справился с ролью лидера в оздоровлении азиатских экономик. Его рецепты разработаны экспертами из развитых стран, с устойчивыми финансами и фондовыми рынками и далеко не во всем годны для развивающихся государств и государств, находящихся на стадии становления рынка на основе бывшей социалистической системы хозяйствования. Слепое следование типовым рецептам МВФ может привести к катастрофе.

Скажем, применение жесткой фискальной политики и поддержание высоких процентных ставок в стране, страдающей от бартера и неплатежей, лишает экономику дефицитных денег и усиливает денежный голод, сдерживая равно и спрос и инвестиции. Требования МВФ о дерегулировании, либерализации торговли и инвестиционного процесса, приватизации государственных предприятий без учета экономико-географических характеристик страны и ее историко-психологических управленческих традиций, в такой стране как, например, Россия, делают и без того еще слабый национальный частный сектор уязвимым для иностранного спекулятивного давления и лишают общество возможности справедливо (через бюджет) распределять доходы от разработки национальных богатств (нефти, газа, драгоценных металлов и т.д.).

Вместе с тем азиатский кризис выявил готовность МВФ корректировать свои программы в зависимости от складывающейся ситуации – так было в Индонезии, когда в ответ на коллапс потребительского рынка МВФ снял требование об отмене субсидий на товары первой необходимости. Или – в Южной Корее, когда МВФ все же пошел на уменьшение ставки рефинансирования.

МВФ не сумел также локализовать азиатский финансовый кризис и не допустить распространения финансовых трудностей на другие страны с переходной экономикой. В международных научных кругах существует мнение, что азиатский финансовый кризис является лишь частью более глобального явления – общемирового финансового кризиса. И хотя прочность североамериканской и западноевропейской экономик, производящих более 40% мирового ВВП, не позволяет сегодня безоговорочно согласиться с этим выводом, на повестку дня встает вопрос о *расширении* изложенного выше комплекса мер по преодолению финансового кризиса в Азии применительно к другим кризисным ситуациям. В условиях глобализации мировой экономики и интернационализации финансовых рынков насущным представляется *создание*

механизмов мирового и регионального регулирования финансовых потоков, оберегающих неустойчивые фондовые рынки – будь то в Азии, Латинской Америке, Восточной Европе или СНГ – от спекулятивного роста стоимости ценных бумаг и предохраняющих молодую экономику от опасных для экономической стабильности частных и государственных чрезмерных заимствований.

В связи с такой постановкой вопроса, трудно согласиться с идеями об упразднении МВФ как не справившейся со своими задачами организации. Трудно согласиться и с теми, кто рекомендует свести роль Фонда лишь до роли последнего бастиона обороны для слабых и попавших в финансовую беду экономик. Напротив, представляется, что МВФ мог бы стать базой для предлагаемого к созданию международного центра регулирования мировой экономики. На первых порах МВФ мог бы усилить контроль за потоками спекулятивного капитала и, при сотрудничестве стран, предупреждать проблемные экономики о надвигающейся опасности. В дальнейшем МВФ должен (или, в более мягком варианте, мог бы):

стать центром по разработке и координации осуществления мировой и региональной социально-экономической стратегии развития;

осуществлять свои программы помощи и координации с анализом и учетом социального и политического факторов развития стран;

изменить кадровую политику подбора экспертов Фонда, усилив его штат за счет специалистов по политико-экономическим аспектам развития из стран с переходной и развивающейся экономикой;

в случае увеличения своих финансовых возможностей МВФ смог бы сыграть роль «последнего рубежа обороны» для стран, попадающих в финансовые трудности, таким образом, чтобы не заставлять их завышать процентные ставки ради остановки падения национальной валюты и тем самым обрекать спасаемые страны на долгие годы экономического спада и депрессии, а осуществлять менее болезненные программы помощи за счет больших финансовых вливаний на более проработанных условиях.

Наконец, принимая во внимание, что финансовая и экономическая безопасность в наше время, в период после окончания «холодной войны», становятся не менее, и во многих случаях, более важным фактором международной стабильности, чем военная безопасность, МВФ и мировое сообщество должны пойти на усиление политического контроля за работой Фонда со стороны не только одних США, а всех постоянных членов Совета Безопасности ООН. В этом контексте, кстати, включение Японии и Германии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН было бы весьма аргументированным.

10. **Уроки** преодоления азиатского финансового кризиса для *России* состоят в том, что рецепты МВФ, во-первых, надо применять. Но, во-вторых, применять с учетом российской специфики – убеждая руководство МВФ в обоснованности корректировки типовой модели помощи применительно к российской ситуации и помогая экспертам Фонда глубже понимать не только макроэкономическую, но и социально-экономическую и политическую ситуацию в России.

Причиной нынешнего **финансового кризиса в России**, в отличие от *Азии*, является не кризис краткосрочной частной задолженности, а кризис краткосрочной государственной задолженности, усугубленный, как и в *Азии*, завышенным курсом рубля по отношению к доллару. **Экономический** же кризис в нашей стране вызван не непосредственно финансовым кризисом, а иными факторами: отсутствием смычки между финансовым и реальным секторами народного хозяйства, нехваткой денег в страдающей от бартера и неплатежей российской экономике, дефицитом инвестиций в реальный сектор,

отсутствием промышленной и научно-технической политики, уязвимой структурой экспорта, неразвитым мелким бизнесом, громоздким управленческим аппаратом и т.д.

Непосредственными последствиями нынешнего финансового кризиса в России стали (1) кризис замкнутого на импорт потребительского рынка и (2) кризис доверия населения к политической власти и к банковской системе.

Отсюда: *краткосрочные меры* по преодолению финансового кризиса в России должны быть нацелены на решение *трех задач*: (1) восстановление финансовой стабильности, (2) реформирование банковской системы в таком направлении, чтобы она служила нуждам реальной экономики и способствовала преодолению финансового голода производителей, (3) восстановление доверия населения к экономической политике властей и банковской системе.

Первоочередные меры по восстановлению *финансовой и социально-психологической стабильности в России* (с учетом азиатского опыта и российской специфики) могли бы включать в себя следующее:

возвращение населению всех валютных и рублевых вкладов в частные и государственные банки и всех долгов по зарплате, пенсиям и т.п. с индексацией на рост цен и процентами за принудительное кредитование населением государства;

отмену моратория на выплату иностранных долгов частным российским капиталом; начало переговоров по реструктуризации долга по ГКО с иностранными держателями ГКО (*например, путем перевода ГКО в долгосрочный кредит российской экономике, проценты по которому будут выплачиваться, начиная с 2000 г. и исходя из 5% годовых плюс процентные пункты прироста российского ВВП, а основной долг – начиная с 2003 г. под те же проценты*); полное погашение долгов по ГКО перед гражданами и теми пенсионными фондами, страховыми компаниями и иными держателями ГКО, которые принуждались государством к покупке ГКО; аннулирование обязательств по ГКО перед российскими финансовыми институтами, которые добровольно играли на рынке ГКО;

введение «валютного управления» и привязку рубля к доллару (или евро) по стимулирующему внутреннее производство и экспорт курсу (примерно 20-30 рублей за доллар – *курс вычислен исходя из соотношения валютных резервов России плюс прогнозируемые объемы их пополнения, с одной стороны, и наличной денежной массы, уже находящейся в обращении, плюс денежной масса, необходимая для закрытия неплатежей и долгов по зарплате, - с другой*); отказ от выпуска краткосрочных государственных обязательств; введение ограничений на вывоз российского (но не иностранного) капитала за рубеж; ограничение краткосрочных заимствований как со стороны банков, так и государства, национализация доходов от экспорта газа и нефти, в т.ч. путем национализации тех акций «Газпрома», нефтяных, энергетических и сырьевых компаний, которые были приобретены не на фондовом рынке, а иным, льготным или распределительным путем;

косвенное регулирование государством инвестиционной политики банков, побуждающее их направлять, например, 40% выдаваемых кредитов на поддержку мелкого бизнеса, 10% — на научные исследования и т.д.;

осуществление *направляемой эмиссии* (а не *контролируемой*, ибо термин «контролируемая эмиссия» не лучше, чем «масло масляное», поскольку любая эмиссия, т.е. выпуск государством денег в обращение, есть *контролируемый процесс*): (1) в рамках «валютного управления», (2) с учетом средств, необходимых для возврата индексированных долгов перед населени-

ем и урегулирования ситуации неплатежей между предприятиями и (3) исходя их имеющихся золотовалютных резервов;

мобилизация, экономическими и пропагандистскими, но не административными или силовыми, методами частных вкладов населения на осуществление инвестиций в реальный сектор экономики;

облегчение налогового бремени и расширение налогооблагаемой базы; сокращение управленческого аппарата, армии, упразднение скрытых безработных и направление высвобождающейся рабочей силы либо в сферу мелкого бизнеса, либо на общественные работы. *Государство должно (1) обеспечить легкий доступ к кредитам для новых мелких бизнесменов, (2) подсказать новому бизнесмену что, где и как производить или какую услугу оказывать, (3) ввести простое и стимулирующее работу налогообложение, (4) защитить от рэкета. Главной из общественных работ может стать строительство суперсовременной сквозной автомагистрали и железнодорожной магистрали для поездов на воздушной подушке, соединяющий Дальний Восток с западной границей России. Япония, Южная Корея, европейские страны могут быть заинтересованы в проекте – задача экономической дипломатии России добиться этого. Тактически такое строительство решит проблему занятости. Стратегически – обеспечит прохождение нового шелкового пути из Европы на Дальний Восток не в обход России – через Кавказ и Среднюю Азию, о чем сегодня уже идут переговоры между Евросоюзом, Закавказскими и Среднеазиатскими республиками, а через Россию;*

осуществление мер, которые бы защитили слабый фондовый рынок России от интервенций извне. В этих целях нужно: (1) ввести запрет на заимствования российскими корпорациями в долларах и перейти только на рублевые заимствования, (2) поставить под строгий контроль вывоз рублей зарубеж, (3) увеличивать валютные резервы за счет экспорта и по мере роста валютных резервов, при «привязанном» курсе рубля, вести наращивание рублевых инвестиций в российскую экономику, (4) уменьшить импортные пошлины – в целях защиты завязанного на импорт потребительского рынка от обвала, и защищать национального производителя заниженных курсом рубля, невыгодным для импортеров;

пропагандистское обеспечение реформ важно нацелить на возврат доверия населения к реформам и разъяснение содержания реформ. Нужно доказать людям, что реформы работают на создание в перспективе среднего класса через первоначальный этап социального расслоения, на котором, однако, большинство людей знает, что надо делать, чтобы выйти из бедности. При этом людям надо четко объяснить, что в течение определенного времени большая часть населения будет в основном жить за счет российского производства, тогда как меньшая, наиболее богатая, будет иметь доступ к дорогим импортным товарам. Шанс же каждого гражданина на личное счастье связан либо с его личными успехами и переходом в категорию богатых, либо с повышением качества российской продукции до мирового уровня;

внешнеполитическое обеспечение реформ предполагает сотрудничество с МВФ на отвечающих реальностям России условиях, ставку на финансовую поддержку со стороны Евросоюза и США. Задачу «восстановления» связей с бывшими советскими республиками надо заменить на иную – создание нового разделения труда с учетом реалий экономики России и СНГ;

ключевым моментом во внешнеполитическом обеспечении реформы может стать *стратегическое сотрудничество с Японией*. Перспектива включения экономики России к Востоку от Урала в йеновую зону (тот или иной вариант валютного союза с Японией) может привлечь японские валют-

ные резервы и частные капиталы к пополнению валютных резервов России и инвестициям в Россию. При этом территориальные уступки не являются главным козырем России. В отношениях с Японией сегодня уже можно играть на иных, экономических мотивах, отдавая себе отчет, что Япония, во-первых, имеет большие не востребуемые капиталы, но испытывает кризис внутреннего спроса. А, во-вторых, обеспокоена падением мировой роли йены после введения равносильной доллару европейской валюты евро и готова на многое, чтобы сохранить власть йены, хотя пока и не имеет конкретных планов на сей счет.

На следующих этапах российской экономике предстоит решать задачи роста производства и экспорта с использованием иностранных инвестиций и российских природных ресурсов, научно-технического и интеллектуального потенциала.

10. *Осуществление* данных мер требует от правительства гибкого и грамотного поведения, которое бы позволило вовремя отказаться от привязки рубля к доллару (или евро), скорректировать контроль за инвестиционной политикой банков, придержать эмиссию – если это будет угрожать стабильности рубля. Изменить структурную политику и подправить внешнеполитическое и пропагандистское обеспечение реформ – если в этом возникнет необходимость. Принцип *оперативной корректируемости* проводимой экономической политики в чрезвычайных условиях является не менее важным, чем пропагандистское или внешнеполитическое обеспечение реформ.

Реформа отношений собственности в КНР (к 20-летию 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва)

© 1998

В. Портяков

Реформа отношений собственности является неотъемлемой составной частью общего процесса рыночной трансформации хозяйственной системы Китая, начавшегося в конце 70-х годов и пока далекого от завершения.

Вместе с тем два десятилетия экономических преобразований в КНР дают основания говорить о несколько особом положении реформы отношений собственности по сравнению с другими направлениями и объектами трансформации.

Во-первых, в КНР реформа отношений собственности формально никогда не выступала в качестве центрального звена или главного направления преобразований. Данная ситуация обусловлена, как минимум, двумя обстоятельствами: высокой степенью идеологизированности проблемы реформы собственности в Китае, не полностью преодоленной и по сей день, и особой сложностью самого по себе переустройства отношений собственности, плохо поддающегося какому-либо планированию, да плюс характеризующегося в китайском случае очевидным отсутствием мало-мальски четких ориентиров движения и критериев оценки успешности преобразований (кроме слишком уж общего "содействия развитию производительных сил"). В этом смысле вполне справедливым выглядит вывод некоторых западных исследователей, констатирующих, что "в целом реформа собственности в Китае действительно существенно менее радикальна, чем изменения в роли рынка, международной торговле и т. п., и менее радикальна, чем предложенная приватизация в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе¹."

В то же время опосредствующая роль отношений собственности в большинстве реформ, проводившихся в Китае, чрезвычайно высока. Стимулирующая или, напротив, ограничительная политика по вопросу развития негосударственных или, шире, "необщественных" укладов народного хозяйства непосредственно играла на разных этапах реформы роль либо катализатора роста числа индивидуальных и частных предприятий и т. п., либо своеобразного "прокрустово ложа", в которое, например, не раз стремились "уместить" развитие паевой и акционерной экономики в Китае. Кроме того, вследствие изначальной чрезвычайно разветвленности и всепроникающего характера экономических функций государства в Китае как собственника и управляющего (что усиливалось и особенностями политической системы страны), радикальное решение подавляющего большинства проблем реформы рано или поздно, в большей или меньшей степени, но почти неизбежно начинало затра-

Портяков Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН

Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 97-02-02199

гивать и сферу отношений собственности. Как отметила российский китаевед-экономист Э.П. Пивоварова, сам ход реформы довольно скоро привел китайское руководство «к пониманию того, что желаемый успех в реформе экономической системы не будет достигнут без реформы отношений собственности на средства производства»².

В-третьих, сегодня, два десятилетия спустя после начала реформ, в сфере отношений собственности в Китае сложилась чрезвычайно своеобразная ситуация: внушительный и в принципе более динамично растущий блок необщественных укладов соседствует с все еще занимающим, по крайней мере статистически, командные высоты государственным сектором; в теоретических дискуссиях одновременно существуют почти незауалированные призывы к тотальной приватизации и открытое осуждение частного и иностранного предпринимательства в стране как вышедших по своим масштабам за рамки разумного, наконец, в практике преобразований наличествует иррациональная осторожность на одних направлениях и отсутствие минимального контроля за утечкой государственного имущества при продаже, передаче в подряд или аренду малых предприятий, а во многих регионах — и за сохранением коллективных основ землепользования в деревне.

Объективная пестрота картины порождаёт заметный разноречивый в оценках китайской экономической реформы с точки зрения подвижек в сфере собственности: от утверждений о приватизации де-факто большей части низовых экономических институтов страны (в частности, нередко именно так квалифицируется распространение семейного подряда в деревне, развитие волостных и поселковых предприятий, акционирования и т. п.) до заявлений об имеющем место в экономике Китая «прогрессе без приватизации»³, сохранении до самого последнего времени госсектора в промышленности в качестве некоего бастиона «социалистических привилегий», крайне слабо реагирующего на веяния рынка.

Соответственно, по-разному трактуются и задачи последующих преобразований в сфере собственности. Одни считают первоочередной целью укрепление пошатнувшейся «ведущей роли» экономики, основанной на общественной собственности, другие, напротив, ставят вопрос о ликвидации каких бы то ни было «запретных зон» в деле разгосударствления и приватизации ради замены неэффективного менеджмента эффективным.

На наш взгляд, реформа отношений собственности в Китае, не будучи в целом особенно радикальной, прodelала за годы рыночной трансформации довольно существенный путь. Сегодняшний «плюрализм» форм собственности (официально в КНР с 1992 г. насчитывается девять хозяйственных укладов) разительно контрастирует с намного более однообразной в этом плане картиной дореформенного Китая. В то же время, при всех возможных оговорках, именно отношения собственности сегодня представляют собой наименее реформированный сегмент экономической системы страны, при этом объем, глубина и даже сам характер преобразований в данной сфере объективно являются намного более сложными, чем это казалось на начальном этапе реформы. Несомненно, что именно реформа отношений собственности, причем все более диверсифицированная, многоаспектная, выдвигается в настоящее время на роль глобального объекта реформенного процесса в Китае, стержнем которого, предоставляется, станет приведение системы отношений собственности в соответствие с уже ставшими доминирующими рыночными принципами организации экономической жизни. Сценарий, детальное расписание сроков и темпов преобразований, да и само содержание реформ являются предметом не только острых научных дискуссий, но и, похоже, достаточно жесткой поли-

тической борьбы в стране (приписываемые так называемым левакам подозрения, что речь в конечном счете будет идти о судьбах социализма в Китае, отнюдь не лишены оснований).

Так что какое бы то ни было подведение итогов преобразований в сфере собственности в Китае является, по нашему убеждению, преждевременным. Это, однако, не препятствует определенной "инвентаризации" уже сделанного, осмыслению особенностей современной постановки проблемы реформы отношений собственности руководством и научными кругами страны.

Добротная проработка многих аспектов реформы отношений собственности в Китае отечественными китаеоведами⁴ избавляет автора от необходимости проследивать все перипетии теоретических дискуссий и практических действий и дает возможность сосредоточиться на характеристике основных этапов, главных итогов и наиболее важных задач дальнейших преобразований в данной сфере.

Напомним вкратце основное содержание реформы отношений собственности на различных этапах экономической реформы в КНР.

Период 1979—1983 гг. вобрал в себя следующие процессы: скоротечное крушение в результате массового перехода аграрного сектора на семейный подряд такого детища маоцзэдуновских социальных экспериментов, как "трехступенчатая система собственности народных коммун с собственностью производственных бригад в качестве основы"; первые попытки оживления госсектора за счет расширения хозяйственной самостоятельности предприятий; "теоретическое" уравнивание в правах коллективной собственности с государственной, быстрое развитие нового коллективного уклада в городах как меры по смягчению проблем трудоустройства; объявление индивидуальной трудовой деятельности "полезным дополнением" к "социалистической общественной собственности", выработку первых законодательных актов, стимулирующих привлечение прямых иностранных инвестиций. Весомый вклад в теоретическое обоснование многоукладности экономики в Китае в этот период внесли ученые-экономисты Сюэ Муцяо, Сюэ Дисинь, Дун Фужэн, Хэ Цзяньчжан, Ду Жуньшэн, Юй Гуанъюань.

Период 1984—1988 гг. отмечен первым официальным закреплением в документах КПК (в Постановлении ЦК КПК о реформе хозяйственной системы, октябрь 1984 г.) курса на "развитие многообразных форм экономики и способов хозяйствования" при главенстве общественной собственности на средства производства. На селе наблюдается бурное развитие волостных и поселковых предприятий, индивидуального уклада, в аграрном секторе появляются "новые хозяйственные объединения". Государственная промышленность и строительство апробируют различные формы установления подрядных отношений предприятий с государством. Активно внедряется аренда государственных и коллективных предприятий. С 1987 г. политически разрешено функционирование частных предприятий с 8 и более наемными работниками. Начинаются эксперименты с паевыми и акционерными предприятиями, принимается первый вариант закона о банкротстве предприятий. Создаются первые административные организации по управлению государственным имуществом. Более разнообразный по формам и экономически все более значимый характер приобретает привлечение прямых иностранных инвестиций. Ученые-экономисты молодого поколения подводят к мысли о необходимости радикализации реформы отношений собственности, приведении ее в соответствие с общим направлением преобразований, которое, как декларировалось, должно обрести однозначную ориентацию на рынок.

В 1989—1991 гг. дискуссия вокруг реформы собственности приостанавливается, а сама проблема обретает акцентированное политико-идеологическое звучание в духе лозунга тех лет “только социализм может развить Китай”. Изменение макроэкономических условий хозяйствования вынуждает большинство низовых экономических агентов в промышленности отказаться от подрядных отношений с государством. Усиливаются призывы к укреплению коллективистских начал в организации труда в аграрном секторе.

Призывы Дэн Сяопина к ускорению поступи реформ, критика им левачества в экономической работе как “главной опасности” дали толчок новому раскрепощению сознания в сфере реформы в Китае, включая и преобразования отношений собственности. Взрывной эффект, начиная с 1992 г., был достигнут в привлечении иностранных инвестиций. На новый уровень вышли акционирование и развитие на этой основе рынка акций в Китае. Активизировался поиск путей реформы госсектора. Массовый характер приобрели преобразование мелких государственных и коллективных предприятий в частные и отказ псевдоколлективных хозяйств от “красных шапок”, т. е. формально коллективного статуса. В теории в эти годы идет широкое осмысление (с попытками приложить к китайским реалиям) западной концепции “прав собственности”.

Каковы же основные итоги преобразований в сфере собственности в Китае за два десятилетия реформ?

Прежде всего стало свершившимся фактом формирование в КНР многоукладной экономики, связанное с постепенным, но в целом весьма существенным ослаблением прежнего доминирующего положения госсектора в городской промышленности и коллективного сектора — в сельском хозяйстве, с развитием как в городе, так и в деревне внушительной индивидуальной и частной экономики, с появлением трехсот тысяч предприятий и участием иностранных инвестиций, наконец, с акционированием некоторой части самих государственных и коллективных предприятий.

Только в период с 1992 г. по 1996 г. доля экономики, основанной на государственной собственности, в валовой промышленной продукции страны снизилась с 51,5 до 28,8%, доля экономики коллективной собственности выросла соответственно с 35,1 до 40,4%, а экономики необобществленных укладов — с 13,4 до 30,8%. В общественном розничном товарообороте доли государственной и коллективной торговли снизились за эти годы соответственно с 46,8 до 27,6 и с 35,1 до 19% при росте доли в нем предприятий необобществленной торговли с 21,6 до 53,4%⁵.

Важно констатировать отсутствие резких скачков в “деэтизации” ведущего сектора экономики страны — промышленности. Сдвиг в пользу негосударственных укладов был достигнут относительно постепенно, за счет их более быстрого развития, а не путем форсированного перевода государственных предприятий в негосударственные. Эта очевидная специфика преобразований в Китае в сравнении, например с Россией, на которую неоднократно указывали российские и зарубежные китаеведы, хорошо иллюстрируется данными статистики (см. табл. 1).

Таблица 1.

**Динамика изменения доли различных экономических укладов
в валовой промышленной продукции КНР в годы реформ**

Год	ВВП		Госсектор		Коллективный сектор		Индивидуальный сектор		Прочие уклады	
	млрд.ю.	млрд.ю.	%	млрд.ю.	%	млрд.ю.	%	млрд.ю.	%	
1978	423,7	328,9	77,6	94,8	22,4	-	-	-	-	
1980	515,4	391,6	76,0	121,3	23,5	6,08	...	2,4	0,5	
1985	971,6	630,2	64,9	311,7	32,0	18,0	1,8	11,7	1,3	
1986	1119,4	697,1	62,3	375,1	33,5	30,9	2,7	16,3	1,5	
1987	1381,3	825,0	59,7	478,2	34,6	50,2	3,6	27,9	2,1	
1988	1822,4	1035,1	56,8	658,7	36,1	79,1	4,4	49,5	2,7	
1989	2201,7	1234,3	56,1	785,8	35,7	105,8	4,8	75,8	3,4	
1990	2392,4	1306,4	54,6	852,3	35,6	129,0	5,4	104,7	4,4	
1991	2662,5	1495,5	56,2	878,3	33,0	128,7	4,8	160,0	6,0	
1992	3459,9	1782,4	51,5	1213,5	35,1	200,6	5,8	263,4	7,6	
1993	4840,2	2272,5	47,0	1646,4	34,0	386,1	7,9	535,2	11,1	
1994	7017,6	2620,1	37,3	2647,2	37,7	708,2	10,1	1042,1	14,9	
1995	9189,4	3122,0	34,0	3362,3	36,6	1182,1	12,8	1523,1	16,6	
1996	9959,5	2836,1	28,5	3923,2	39,4	1542,0	15,5	1658,2	16,6	
1997	11212,7	2975,9	26,5	4543,0	40,5	1785,2	15,9	1908,6	17,1	

Примечания. 1. Составлено и рассчитано по данным "Чжунго тунцзи чжайяо 1998" (Краткая статистика Китая 1998), Пекин, 1998, с.99.

2. Абсолютные данные приведены в текущих ценах.

3. С 1996 г. расчет абсолютных показателей валовой продукции промышленности осуществляется по измененной методике.

4. В графе "индивидуальный сектор" отражены суммарные данные по индивидуальному и частному укладам экономики.

Данные таблицы говорят сами за себя и не требуют особых комментариев. Отметим лишь, что изменения долей отдельных укладов в экономике Китая прекрасно иллюстрируют особенности экономической политики руководства страны в тот или иной период. Так, показательно "притормаживание" падения доли госсектора и роста доли индивидуального уклада на этапе "оздоровления и упорядочения экономики" (1989—1991), когда, помимо всего прочего, резко возросла степень идеологизации проблемы обеспечения ведущей роли общественной и прежде всего государственной собственности в народном хозяйстве страны. Статистика этих лет бесстрастно отразила и достаточно прохладное отношение в первые "послечжаоцзыяновские" годы к развитию волостных и поселковых предприятий, вылившееся в сокращение доли коллективного сектора в промышленном производстве с 36,1 в 1988 г. до 33% в 1991 г. С другой стороны, активизация экспериментов с акционированием и расширением масштабов привлечения прямых иностранных инвестиций в экономику КНР после известных решений 1992 г. отразилось в почти скачкообразном росте в 1993 г. по сравнению с предшествующим годом показателей объема производства — на 92,5% в сопоставимых ценах — и доли в общекитайском промышленном производстве (с 7,6 до 11,1%) "прочих укладов"⁶.

Какова же расстановка “экономических сил” в Китае в настоящее время? Оговоримся, что из-за несовершенства и неполноты статистики, размытости границ некоторых хозяйственных укладов, неясности статистической “прописки” довольно внушительной в КНР теневой экономики любые конкретные цифры, касающиеся разграничения экономических укладов, пока носят в известной мере условный характер и отражают скорее тенденции, чем развитое явление. Хотя официальная китайская статистика ныне заметно шире, чем в 80-е годы, отражает многоукладность экономики, она все же далеко еще не полна. Пожалуй, наиболее серьезными упущениями можно назвать отсутствие общих по стране данных по структуре занятости, построенных по “укладному” принципу (они даются отдельно по деревне и городам, причем с несопоставимой разбивкой), и “воздержание” от разбивки производства валового внутреннего продукта и налоговых поступлений в бюджет по различным укладам.

Тем не менее и имеющиеся статистические данные позволяют количественно оценить сегодняшние позиции различных экономических укладов в Китае.

Судя по официальной статистике, экономика общественной собственности сохраняет ведущие позиции в народном хозяйстве страны. Суммарно за последние 5 лет (1993—1997) ее долю в ВВП Китая можно оценить как равную 65%, в том числе долю госсектора — 31% и коллективного сектора — 34%⁷. Ведущие позиции экономики общественной собственности и особенно госсектора становятся еще более весомыми в случае использования новой трактовки общественной собственности, данной XV съездом КПК (сентябрь 1997 г.), а именно: с включением в ее состав государственного и коллективного паев акционерных и паевых компаний — в этом случае доля госсектора в ВВП возрастает на 5, а коллективного на 2 процентных пункта⁸.

В то же время нельзя забывать, что ведущее место экономики общественной собственности и в первую очередь высокие позиции экономики коллективной собственности зиждутся на безоговорочном отнесении в статистике сельскохозяйственного производства к коллективному укладу. Такой подход обосновывается двумя основополагающими моментами — получением крестьянами части доходов от коллективного хозяйства и главное — ведением подрядного хозяйствования на официально сохраняющейся в коллективной собственности земле. Оба эти довода вполне могут быть оспорены. Доходы крестьян, фиксируемые статистически как получаемые от коллективного хозяйства, в настоящее время в целом по стране составляют не более одной пятой их общих доходов; в сфере же землепользования в китайской деревне все более активно разворачиваются процессы, подрывающие на деле коллективный характер собственности на землю. Примером может служить широко распространенный в провинции Чжэцзян найм держателями подрядных участков крестьян из Цзянси и Сычуани на полное выполнение всех сельхозработ. Так что повод для дискуссий если не о ведущем месте экономики общественной собственности в народном хозяйстве Китая, то, как минимум, о его количественной оценке, есть и весьма серьезный. (Хотя, скорее, нужны не дискуссии, а углубленное исследование проблемы).

Центральное место в экономике Китая, на наш взгляд, сохраняет государственный сектор, что определяется его более высокой, чем в ВВП, долей в общественных инвестициях в основные фонды (59% в первой половине 90-х годов и 52—53% в 1996—1997 гг. по сравнению с 65—67% в 80-е годы⁹), сосредоточением в организациях госсектора преобладающей части рабочих и служащих страны (73,4% в 1997 г., тогда как в коллективном секторе —

только 19,2%, в паевой экономике — 3,1 и на предприятиях с участием иностранного капитала — 3,9%¹⁰), доминирующими позициями государственных институтов в промышленной, транспортной, городской, социальной инфраструктуре, финансовой сфере. Так, по состоянию на конец 1997 г. на объектах госсектора было занято: в банковской сфере и страховании 2176 тыс. чел из 3083 тыс. чел. по стране в целом, в системе обеспечения электроэнергией, бытовым газом и водой — 2580 тыс. чел. из 2834 тыс. чел. по Китаю и т.п.¹¹

Важно подчеркнуть, что в период реформ государственный сектор КНР неуклонно рос количественно, причем достаточно высокими, по общемировым критериям, темпами. Кроме 1981 г., “застойными” можно считать только 1989—1990 гг. с приростом производства в государственной промышленности в 3,9 и 3%. Во все остальные годы прирост здесь регулярно превышал 5%, а четырежды — 12%¹². Можно даже, пожалуй, высказать такую крамольную мысль: из всех экономических укладов Китая только госсектор развивался более или менее нормальными, здоровыми темпами, внося минимальную лепту в периодические перегревы народного хозяйства...

Еще важнее то обстоятельство, что в период реформ сам госсектор претерпел достаточно существенную трансформацию, связанную в 80-е годы с постепенным освоением на практике разделения прав владения и хозяйствования (примечательно в этом отношении уже само по себе переименование уклада из “гоин” — “государственное хозяйство” — в “гою” — “государственное владение”), а в 90-е годы и в обозримой перспективе — с учетом в результатах хозяйственной деятельности прав собственника средств производства и хозяйствующих лиц, а также инвесторов с развитием хозяйственной деятельности, связанной не только с чисто производственными функциями, но и с многообразным использованием имущества того или иного объекта госсобственности.

Другое направление трансформации, в какой-то степени стимулируемое оформлением пятизвенной системы госбюджета (центр—провинция—район/город—уезд—волость), заключается в дальнейшей дифференциации госсобственности по административному признаку. На смену прежней дихотомии — объекты центрального или местного подчинения — приходит более дробная шкала, отражающая различия не только в управлении, но и в сфере собственности. Так, китайская статистика уже начала разграничивать самостоятельно изысканные средства для ведения капитального строительства на средства центральных ведомств, провинций, районов (городов), уездов и предприятий и организаций¹³. Явления так называемых корпоративных форм роста на местах, когда административная власть используется для финансирования развития уездов и волостей, выступающих в качестве своеобразных корпораций, отмечают и зарубежные исследователи¹⁴. Это — еще не вычленение уездной или волостной собственности в полном смысле, но уже вполне реальный шаг к нему.

Проблемы и недостатки госсектора так или иначе связаны либо с его далеко не идеальным приспособлением к условиям работы в переходной экономике, либо с громадным бременем социальных задач (пенсионное, жилищное и медицинское обеспечение работников и членов их семей и т. п.). Чрезмерный патернализм со стороны государства и относительно льготная, по сравнению с другими укладами, финансово-кредитная среда (возможность получения бюджетных дотаций и большая доступность кредитов специализированных банков) обернулись неуклонным ростом убыточности государственных промышленных предприятий (с 3,43 млрд. юаней в 1980 г. до 80 млрд. юаней в 1996 г. при расширении сферы убыточности с 10 до 40% действующ-

щих предприятий¹⁵) и усугублением трудностей банковской системы страны, где доля просроченных, плохих и безнадежных долгов достигла, по полуофициальным оценкам, четверти всех выданных кредитов.

Что касается социального бремени, то оно, на наш взгляд, самым непосредственным образом снижает темпы роста в госсекторе, отвлекая на себя средства, которые могли бы пойти на модернизацию и расширение производства. Так, в 1997 г., когда улучшению ситуации в госсекторе китайское руководство стало придавать особое значение, темпы прироста здесь (в промышленности) по-прежнему были ниже, чем в коллективном секторе, на 4,6 процентных пункта, и ниже, чем на промышленных предприятиях прочих укладов, на 6,3 процентных пункта. Прирост объема торговли в госсекторе составил в 1997 г. всего 2,1%, тогда как в коллективном секторе 7,1%, а в частной торговле — 25,1%¹⁶.

В целом в условиях возросшей конкуренции те исторически унаследованные дополнительные обязательства, которые отягощали государственные предприятия, перестали более быть терпимыми. Отсюда — курс на радикализацию реформы госсектора, провозглашенный в 1997 г. и усиленный в 1998 г. Это — необходимое, хотя и трудное решение, коль скоро его последовательная реализация сопровождается беспрецедентным для КНР увольнением рабочих и служащих государственных предприятий (уже к концу сентября 1997 г. было “освобождено с постов” 7 млн. рабочих и служащих госсектора, или около 10% их общей численности¹⁷). В ближайшее время можно ожидать некоторого падения доли госсектора в занятости экономически активного населения Китая при, скорее всего, сохранении его позиций по основным макроэкономическим параметрам (доля в ВВП и т. п.).

Коллективный сектор представлен, по официальной китайской версии, сельским хозяйством, а также частью городской и сельской промышленности, торговли, сферы услуг. На сегодняшний день это, пожалуй, наименее изученный и наиболее контурно размытый экономический уклад страны, сосредоточивший, тем не менее, наибольшую долю занятых — естественно, за счет сельского хозяйства, в котором на конец 1997 г. было официально занято 325 млн. из 460 млн. чел., составляющих “рабочую силу” деревень и волостей¹⁸.

В городской экономике, где численность занятых в коллективном секторе составляла на конец 1997 г. 28,8 млн. чел., позиции коллективных предприятий наиболее сильны в переработке (12,6 млн. чел.), особенно в ряде отраслей легкой промышленности (изготовлении одежды, обуви, кустарно-художественных изделий), строительстве (4 млн. чел.), торговле и общественном питании (около 6,5 млн. чел.). Коллективный сектор городской экономики остается наименее привлекательным с точки зрения уровня оплаты труда: в 1997 г. — 4512 юаней по сравнению с 6470 юанями в среднем по всем категориям рабочих и служащих и 6747 юанями в госсекторе.

Не удивительно, что его роль в трудоустройстве в 90-е годы заметно ослабла (свыше 2 млн. трудоустроенных в 1985 г., 2,35 млн. в 1990 г., 1,7 млн. в 1995 г. и 1,28 млн. в 1997 г.¹⁹). В последнее время в коллективной промышленности отмечается не только падение годовых темпов прироста (добавленная стоимость здесь в 1997 г. возросла на 11,7%, или на 5,7 процентных пункта меньше, чем в 1996 г.), но и сокращение числа предприятий: с 284 тыс. в 1996 г. до 264 тыс., в том числе волостных промышленных предприятий — со 185,2 тыс. до 169,9 тыс.²⁰

Заметно снижается динамика развития волостных и поселковых предприятий, практически непрерывно игравших роль основного “поглотителя” рабочей силы, высвобождавшейся из сельского хозяйства. В результате в

1997 г. на предприятиях этого типа было трудоустроено 4 млн. чел. по сравнению с 6,47 млн. в 1996 г. и 7,17 млн. чел. в среднем за год в 1991—1995 гг. Пятнадцатипроцентного уровня достигла сфера убыточности этих предприятий, а объем их убытков в 1997 г. вырос на треть и составил 60 млрд. юаней²¹.

Так что еще недавно предсказывавшееся волостным и поселковым предприятиям “прекрасное завтра”²² сегодня оказалось под вопросом. Разумеется, судьбы внушительной части экономики (в 1994 г. волостные и поселковые предприятия дали 30% ВВП, 31% финансовых доходов государства, треть валютных поступлений и экспорта товаров²³), к тому же являвшейся великолепным социальным амортизатором, не могут не беспокоить руководство страны, да и сами деревенские и поселковые предприниматели и хозяйственники не привыкли сидеть сложа руки. Похоже, что основной выход из трудностей здесь видится в продолжении преобразования большинства предприятий из коллективных в частные. Этот процесс уже весьма активно развивается в последние несколько лет. Если в 1994 г. 67% волостных и поселковых предприятий официально составляли волостные и деревенские коллективные предприятия, то в 1997 г. 89% общего числа предприятий приходилось уже на индивидуальный и частный секторы (с 49% занятых и 25% основных фондов), в том числе 55% составляли частные предприятия.

Похоже, что в коллективной собственности остались наиболее мощные предприятия: на коллективных предприятиях волостей и поселков, составляющих 2% от общего числа предприятий, сосредоточено 22% занятых и 41% основных фондов; другая категория коллективных хозяйств — коллективные предприятия деревень — насчитывает 4% общего числа предприятий, 22% занятых и 28% основных фондов. Наконец, еще одна группа предприятий — “предприятия дворовых объединений”, занимающие промежуточное положение между коллективными и частными, располагает 4% общего числа волостных и поселковых предприятий, 7% занятых и 6% основных фондов²⁴.

Индивидуальный и частный уклады стали к настоящему времени заметной величиной как в сельской, так и в городской экономике Китая. Характерно, что если еще несколько лет назад китайская статистика нередко приводила данные по этим двум укладам вместе, то в последние год-два преобладает тенденция “развести” их, приводить данные или только по индивидуальному или только по частному укладу. На мой взгляд, это предпринимается для того, чтобы отчасти затушевать развитие частного уклада. Количество занятых в двух укладах к концу 1997 г. достигло почти 68 млн. чел., или около 10% занятых по Китаю в целом (в том числе 35,22 млн. — занятые на индивидуальных предприятиях в деревне и 19,19 млн. чел. — в городе, 6 млн. — занятые на частных предприятиях в деревне и 7,5 млн. — в городе). Основные сферы приложения индивидуального и частного труда — торговля и общественное питание (16,17 млн. чел. занятых из 26,69 млн. занятых по двум укладам в городах), переработка (4,5 млн. чел.), транспорт, а в деревне — еще и строительство²⁵.

Главным фактором развития индивидуального и частного укладов выступала необходимость ежегодного трудоустройства миллионов новых и новых людей, вступающих в трудоспособный возраст, а также “вытесняемых” из государственного и коллективного секторов. В 1991—1995 гг. в индивидуальном и частном укладах в городах было создано 13,74 млн. рабочих мест — больше, чем в любом другом укладе. В ближайшие три года роль данного фактора только усилится: по самым скромным оценкам, из 13 млн. лиц, которые в 1998—2000 гг. будут ежегодно поступать на рынок труда, имеют реальную возможность найти работу только 6,6 млн. чел.²⁶ Так что призывы к политиче-

ской поддержке индивидуального и частного предпринимательства становятся все более частыми в КНР.

Пасвую и акционерную экономику, представленную 36 тыс. предприятий с совокупным объемом капитала в 590 млрд. ю. (для сравнения: объем государственного имущества "хозяйственного типа" на конец 1996 г. составил около 5 трлн. ю.), в последние год-два в Китае стали рассматривать как экономику смешанного типа. При этом позиции государства здесь весьма солидны: располагая 43% собственного капитала, оно контролирует 57% совокупного капитала уклада²⁷.

Не вполне ясен статус выделяемой в самостоятельный уклад "экономики совместного хозяйствования" ("ляньин цзинцзи"). Число занятых здесь не только не растет, но, напротив, на протяжении 90-х годов падает: с 960 тыс. чел. в 1990 г. до 430 тыс. чел. в 1997 г.²⁸

Предприятия с иностранными инвестициями выделены в КНР в два самостоятельных экономических уклада — предприятия с инвестициями из Гонконга, Макао и Тайваня и предприятия с собственно зарубежными инвестициями. Этот сектор экономики, особенно бурно развивавшийся в 90-е годы, играет ведущую роль в формировании китайского экспорта и импорта,²⁹ в обеспечении инвестиционного процесса в стране. Все более заметной становится и его роль в промышленности (см. табл. 2).

Таблица 2.

Некоторые показатели деятельности промышленных предприятий с участием иностранных инвестиций в КНР в 1996 г.

Отрасль	Кол-во предприятий		Имущество		Реализация продукции		Налоги и прибыль	
	штук	%	млрд. ю.	%	млрд. ю.	%	млрд. ю.	%
<i>Промышленность в целом</i>	43542	8,6	1496	16,6	1082	18,7	82,37	16,0
Пищевая	4464	7,4	159	24,5	132	29,0	8,74	22,4
Текстиль, готовая одежда, кожевенно-меховая	10579	19,8	202	24,9	185	28,2	6,61	33,6
Бумажная	945	6,8	33	21,0	18	16,8	1,39	16,3
Нефтепереработка	117	4,5	11	4,8	5	2,0	0,31	1,1
Химическая	2323	8,1	77	12,7	50	12,6	6,33	19,8
Фармацевтическая	803	14,9	31	18,3	18	17,9	3,88	30,5
Химволокно	298	21,7	20	14,1	11	15,1	0,45	7,9
Резиновые изделия	400	8,6	20	21,9	13	19,9	1,05	18,5
Выплавка металлов и производство изделий из них	2763	6,6	106	9,3	74	11,2	2,2	5,6
Пластмассовые изделия	2756	14,2	51	33,6	35	30,6	1,50	25,4
Спецоборудование	1131	5,9	21	7,4	15	8,3	1,22	12,7
Транспортные средства	1322	6,5	109	19,4	77	21,7	8,46	33,2
Оборудование для производства элект-	1990	10,4	92	24,4	72	26,2	4,09	22,8

Отрасль	Кол-во предприятий		Имущество		Реализация продукции		Налоги и прибыль	
	штук	%	млрд. ю.	%	млрд. ю.	%	млрд. ю.	%
рознергии и комплектующих изделий								
Оборудование для электроники и связи	2532	31,7	169	46,3	173	62,3	14,26	67,4
Оборудование для снабжения электроэнергией, горячей водой и т.п.	244	1,9	143	16,5	38	9,9	8,01	12,8

Примечание: 1. Составлено по данным: "Цзинцзи яньцзю" ("Экономические исследования"), 1998, № 5, с. 27
 2. В графах "процент" показана доля предприятий с иностранными инвестициями в общежитайских показателях.

Данные таблицы свидетельствуют, на наш взгляд, о самой тесной связи и взаимозависимости структуры привлечения Китая иностранных инвестиций со стратегией его развития в целом. По своему символично, что по объему имущества и реализации продукции лидируют именно отрасли, олицетворяющие, с одной стороны, ту стратегию развития, которая реально сформировалась в Китае в период 80-х — первой половине 90-х годов — это производство продуктов питания, текстильно-кожевенных и пластмассовых изделий широкого спектра, — а с другой — новую, скорректированную стратегию развития, которую КНР стремится ныне воплотить в жизнь. Это производство транспортных средств, электроники и телекоммуникационного оборудования, характеризующееся к тому же, как видно из таблицы, значительно лучшими, чем среднекитайские, финансово-экономическими показателями деятельности. Данная ситуация не является абсолютной закономерностью: в нефтепереработке, производстве химволокна и металлообработке дела на совместных предприятиях идут хуже, чем в среднем по стране.

Следует подчеркнуть, что сколько-нибудь существенная информация о финансово-экономической ситуации на совместных предприятиях стала открыто публиковаться в КНР лишь в самое последнее время, и многое здесь еще остается не только не изученным, но и просто неизвестным.

Наивысшей территориальной концентрацией предприятий с иностранными инвестициями отличаются провинции Фуцзянь и Гуандун, где в данном секторе сосредоточено соответственно 21,1 и 15,4% рабочих и служащих³⁰.

Формирование в пореформенном Китае многоукладной экономики с самого начала поставило в повестку дня вопрос о *сравнительной эффективности* отдельных укладов. Здесь сложилась и по сей день существует весьма своеобразная ситуация: вопреки официальной позиции руководства страны о ведущей роли экономики, основанной на государственной собственности, в обществе господствует мнение о низкой эффективности работы предприятий госсектора, источник которой априори усматривается в самой госсобственности. Между тем результаты третьей переписи промышленности КНР, проведенной по состоянию на конец 1995 г., в какой-то мере, по моему мнению, развенчивают миф о "первородном грехе" государственной собственности, показывая, что серьезные проблемы с эффективностью есть и у всех остальных укладов китайского народного хозяйства (см. табл. 3).

Таблица 3.

Сравнение эффективности функционирования отдельных экономических укладов Китая по результатам третьей переписи промышленности страны

	Показатели эффективности	В целом по КНР	Гос-сектор	Акционерная промышленность	ПИИ	Предприятия с инв. Из Гонконга, Тайваня, Макао
1.	Соотношение прибыли и доходов от реализации продукции	14,20	15,44	17,82	10,68	11,65
2.	Соотношение реальной прибыли и доходов от реализации продукции	3,09	2,55	7,49	4,93	3,11
3.	Соотношение реальной прибыли и стоимости имущества	2,06	1,40	4,61	3,78	2,27
4.	Соотношение объема прибыли и налогов с доходами от реализации продукции	9,54	11,01	13,56	9,33	6,25
5.	Соотношение объема прибыли и налогов и стоимости имущества	6,37	6,05	8,35	7,17	4,57
6.	Соотношение подлежащих уплате налогов и доходов от реализации продукции	7,62	9,82	7,74	5,26	3,59
7.	Соотношение управленческих расходов и доходов от реализации продукции	56,92	62,45	43,20	60,49	45,56
8.	Соотношение пассивов и активов	65,31	65,81	55,07	55,72	63,35

Примечание: 1. Таблица составлена по данным: Цзинцзи яньцзю, 1998, № 2, с. 51

2. Все данные приведены в процентах.

3. Показатель 1 подразумевает под прибылью всю валовую прибыль, полученную от реализации продукции. В остальных случаях речь идет о чистой прибыли после погашения издержек.

Данные таблицы 3 дают пищу для серьезных размышлений и многочисленных комментариев. Ограничимся лишь подчеркиванием очевидного отсутствия какой-либо непреодолимой пропасти в эффективности между ведущими укладами в промышленности КНР, засвидетельствованного всеми приведенными выше показателями, и акцентированием внимания на повышенной налоговой нагрузке на предприятия госсектора (показатель 6).

Перепись промышленности выявила также, что и убыточность вовсе не является прерогативой одного лишь госсектора, а связана в определяющей

мере с причинами, лежащими вне сферы собственности — в плохом менеджменте, неблагоприятной рыночной конъюнктуре и т. п. Так, убыточными оказались не только 33,8% государственных предприятий, но и 21,1% коллективных, 21,7% паевых и акционерных и 41,1% предприятий с участием иностранного капитала³¹.

Анализ современного состояния экономических укладов в Китае был бы неполон без хотя бы краткого упоминания о *теневой экономике* — явлении, имманентно присутствующем в тех или иных масштабах всем странам и в особенно значительных — переходящим от плана к рынку.

В Китае, где данная проблема только-только начинает обсуждаться открыто, теневую, или, по китайской терминологии, подпольную экономику делят на три основных типа. Это противоправная экономическая деятельность, включающая коррупцию, проституцию, порнографию, кражу женщин, организацию подпольного производства, изготовление фальсифицированных товаров, фальшивых денег, уклонение от уплаты налогов. Незарегистрированная экономика означает хозяйственную деятельность, не прошедшую установленную законодательством регистрацию в органах административного управления (частный извоз — наиболее близкий российским реалиям пример). Наконец, статистически неучтенная экономика, возникающая вследствие либо недостатков статистики, либо сознательного ее искажения в корыстных целях.

Особо широкое распространение получили в Китае такие виды теневой экономики, как самодельная добыча золота, проституция (минимальная оценка численности проституток — 700 тыс.), фальсификация товаров и незаконное использование известных товарных марок. Обследование качества заводской продукции дает в среднем 75-процентное соответствие стандартам, а обследование товаров, реализуемых на рынке — только 55-процентное. Встречается в Китае и паразитирование на государственной собственности и денежных потоках. Один из типичных примеров — предоставление предприятиям кредитов под завышенный по сравнению с официальным банковским процент (например, под 25% годовых на год вместо официальных 10% — до мая 1996 г.)³². Пока надежной статистической основы для сколько-нибудь достоверной оценки общих масштабов теневой экономики в Китае нет. Поэтому уровень в 20% ВВП или более представляется сугубо условным³³. По моему субъективному мнению, доля неучтенной и незарегистрированной хозяйственной деятельности в Китае выше, чем в России, в силу обилия мелкого производства и известной демографической ситуации. Масштабы же противоправной экономической деятельности, связанной с разворовыванием государственного имущества и финансов, напротив, существенно ниже, чем у нас.

Старт современному этапу преобразований отношений собственности в Китае дал доклад лидера КПК и КНР Цзян Цзэминя на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.), содержавший беспрецедентно пространное и детальное для официальных форумов страны видение данной проблемы³⁴.

Внеся ряд серьезных новаций в трактовку вопросов собственности, Цзян Цзэминь тем самым возвестил, как минимум, переход руководства страны к значительно более гибкой, “раскрепощенной”, чем прежде, политике в данной сфере, которая содержит в потенции и возможность развертывания крупномасштабной реформы всей системы и структуры собственнических отношений в Китае уже в ближайшие годы.

Судя по комментариям в КНР³⁵, принципиально важное значение придается следующим моментам:

– отказ от термина “многоукладность” применительно к экономической системе страны. Отныне она трактуется как “совместное развитие экономики

различных форм собственности при ведущей роли социалистической общественной собственности”;

– повышение статуса необобществленных форм собственности, которые провозглашены “важной составной частью социалистической рыночной экономики”, а не простым “дополнением” экономики общественной собственности, как это было ранее;

– включение в состав общественной собственности паев и долей государства и коллективов в паевой и акционерной экономике;

– трактовка ведущей роли государственной собственности как ее способности выполнять контрольные функции в экономике, допущение некоторого уменьшения удельного веса госсектора в народном хозяйстве;

– затверждение идеи о многообразии форм реализации общественной собственности с акцентом на всестороннее развитие акционирования и на выявление остававшейся до сих пор в тени роли капитала в развитии общественных производительных сил. Соответственно, понятие “коллективной экономики” распространено с объединения труда и на объединение капиталов.

Реакция в стране на эти новации оказалась далеко не единодушной. Заметная часть общества восприняла решения съезда КПК как сигнал к окончательному переводу проблемы реформы собственности в стране из сферы политико-идеологической в сугубо управленческо-техническую. В подавляющем большинстве экономических периодических изданий обычными стали рассуждения о путях “капитализации” экономики страны (пока от слова “капитал” — “цзыбэньхуа”), о необходимости отказа от монополии государства в тех отраслях экономики, где она еще сохраняется, наконец, о некоей “реорганизации собственности” в целом, да еще интерпретируемой как “вторая революция”.

В то же время “Жэньминь жибао”, издания пропагандистского и “научно-социалистического” характера делают упор на то, что новая трактовка проблем собственности в Китае никоим образом не подрывает устои социализма и является серьезным вкладом в развитие марксистской теории и практики, подчеркивают необходимость всемерного повышения жизнеспособности и потенциала экономики общественной собственности.

На мой взгляд, в сфере отношений собственности в Китае сегодня существует масса проблем, нуждающихся в первую очередь в нахождении оптимальных управленческо-технических решений и разработке соответствующей им законодательной базы. Это практически все, что связано с совершенствованием управления госимуществом, в том числе с получением должного эффекта от государственного пая в акционерных предприятиях (пока он мало мобилен), с развитием диверсифицированной и нормативно работающей системы треста (до сих пор почти все, что делалось здесь, быстро выходило из “правового поля”), с реализацией имущества saniруемых предприятий.

Однако вряд ли стоит полностью абстрагироваться от политико-идеологической составляющей проблемы реформы собственности: ведь сегодня вероятные варианты ее хода на практике (в том числе и не совпадающие с представлениями на сей счет руководства страны), возможные социальные, экономические и политические последствия явно не просчитаны и не оценены в полной мере.

В целом же, подчеркнем еще раз, сложность, глубина, масштабность преобразований в сфере собственности в Китае в обозримой перспективе имеют все шансы намного превзойти достигнутое здесь в первое двадцатилетие реформ.

1. Louis Putterman. The Role of Ownership and Property Rights in China's Economic Transition. — In: China Quarterly, London, № 144, December 1995, P. 1052.
2. Э.П. Пивоварова. Общая концепция социально-экономического развития КНР. — в сб. Экономические теории и проблемы собственности в КНР. // Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. 1990. № 5. С. 4.
3. Так, например, была озглавлена одна из статей известного американского китаеведа-экономиста Томаса Роски, посвященная реформе государственной промышленности в КНР ("Progress without privatization: the Reform of China's State industries") — Цит. по: China Quarterly, № 144. P. 1048.
4. Следует отметить работы Э.П. Пивоваровой (общие вопросы, акционирование), О.Н. Ворох и В.Г. Гельбраса (теоретические аспекты проблемы, анализ дискуссий китайских ученых-экономистов), А.М. Круглова и А.В. Островского (волостные и поселковые предприятия), Я.М. Бергера, Л.А. Волковой и Л.Д. Бони (семейный подряд и землепользование в деревне), Ю.В. Цыганова (коллективные предприятия), В.В. Карлусова и В.В. Чуванковой (частный и индивидуальный секторы), Л.И. Кондрашовой, З.А. Муромцевой, В.Е. Данилова, В.Н. Ремыги (государственный сектор в промышленности), С.А. Манежева (предприятия с участием иностранных инвестиций).
5. 1998 нянь Чжунго шэхуй синши фэньси юй юйцэ (Китай в 1998 году: анализ и прогноз социальной обстановки). Пекин. 1998. С. 26.
6. Чжунго тунци чжайяо 1998 (Краткая статистика Китая 1998). Пекин. 1998. С. 99.
7. Наша оценка базируется на данных о структуре ВВП Китая по подразделениям общественного производства (Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 17) и экспертных оценках доли в каждом из них государственного и коллективного секторов. Конкретно приняты следующие оценки: средняя за пятилетие доля I подразделения общественного производства (сельское хозяйство и добывающая промышленность — 20%, II подразделения (перерабатывающая промышленность и строительство) — 48%, III подразделения (услуги) — 32%. Доля госсектора в производстве добавленной стоимости в I подразделении оценена как 0,1 (или 10%), во II-м — 0,33, в III-м — не менее 0,4. Для коллективного сектора оценки составляют соответственно 0,5; 0,37; 0,2. Тогда общая доля госсектора в ВВП складывается из 2% в I подразделении, 16% — во II-м и 13% в III-ем, а коллективного сектора — соответственно из 10, 18 и 6%. Данная оценка несколько ниже известных мне китайских оценок доли госсектора в ВВП — 36,8% в 1996 г. (Лю Вэй. Цзинци яньцзю. 1998. № 4. С. 67) и 40,8% "в настоящее время" (Цзи Юйсян, "Максычжуи юй сяньши" — Марксизм и реальность. 1998. № 3. С. 8).
8. Максычжуи юй сяньши. 1998. № 4. С. 7.
9. Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 42.
10. Расчет по: Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 35.
11. Там же. С. 33. Необходимо указать, что в отличие от категории "рабочие и служащие", представленной только лицами с китайским гражданством, в состав категории "занятые" китайская статистика включает и иностранных граждан, работающих в КНР по найму или на совместных предприятиях.
12. См.: Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 99.
13. См.: Там же. С. 45.
14. См. Jean Oi. The Role of Local State in China's Transitional Economy — China Quarterly, December 1995. PP. 1138-1142.
15. Чжунго цзинци шибяо. 1998. 11 июня.
16. Цзинци байпишу. Чжунго цзинци синши юй чжаньван (1997-1998)) (Белая книга по экономике. Экономика Китая в 1997-1998 гг.: ситуация и перспективы). Пекин. 1998. С. 38, 55.
17. Чжунго гоцин голи. Пекин. 1998. № 5. С. 18.
18. Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 87.
19. Там же. С. 33. 40, 36.
20. Цзинци байпишу... С. 38.
21. 1997-1998 Чжунго нунцунь цзинци синши фэньси юй юйцэ (Анализ и прогноз экономической ситуации в китайской деревне в 1997-1998 гг.). Пекин. 1998. С. 3.

22. См., например, доклад Управления волостных и поселковых предприятий министерства сельского хозяйства КНР в газете "Жэньминь жибао". 1995. 18 декабря.
23. Жэньминь жибао. 1995. 18 декабря.
24. 1997-1998 Чжунго нунцунь цзинци синши..., С. 5. На наш взгляд, какая-то часть предприятий просто "поменяла шапку", став частными не только де-факто, но и де-юре. Однако китайские источники вполне подтверждают и саму по себе "распродажу собственности" коллективных предприятий в последние годы. Так, в районе Сунань (юг Цзянсу) было распродано и преобразовано в частные около 30 тысяч коллективных сельских предприятий, а свыше 3 тысяч — официально отказались от "красной шапки". 1998 нянь Чжунго шэхуй синши... С. 363.
25. Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 32-35.
26. Чжунго гоцин голи. 1998. № 5. С. 19-20.
27. 1998 нянь: Чжунго шэхуй синши фэньси... С. 26-27.
28. Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 32.
29. В 1997 г. предприятия с участием иностранных инвестиций экспортировали товаров на 74,9 млрд. ам. долл. из 182,7 млрд., составивших общий экспорт КНР. В импорте их доля еще выше: 77,7 млрд. долл. из 142,4 млрд. долл. общекитайского импорта. // Чжунго тунци чжайяо. 1998. С. 133, 142
30. Рассчитано по: Чжунго тунци чжайяо 1998. С. 35.
31. Цзинци яньцзю. 1998. № 2. С. 53.
32. Чжунго гайгэ бао. Пекин. 1998. 12 и 15 июня.
33. Там же. 1998. 12 июня.
34. См.: Жэньминь жибао. 1998. 22 сентября.
35. См., например, 42-й выпуск "Хроники двадцати лет реформ и открытости", подготовленной корреспондентом газеты "Чжунго гайгэ бао" Юй Цзияном // Чжунго гайгэ бао. 1998. 26 июня.

Российский Дальний Восток

Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии

© 1998

А.Адмидин, Е.Деваева

До середины 80-х гг. внешняя торговля бывшего СССР была традиционно ориентирована на страны Западной и Восточной Европы, в то время как торгово-экономические отношения со странами азиатско-тихоокеанского региона (АТР) значительно отставали по своим масштабам. В этот период на страны Тихоокеанского бассейна приходилось лишь около 10% внешнеторгового оборота страны.

В начале 90-х гг. наметившаяся еще в конце предшествующего десятилетия тенденция активизации экономических отношений Советского Союза со странами АТР получила дальнейшее развитие. Доля стран АТР во внешней торговле России увеличилась с 12% в 1991 г. до примерно 20% в настоящее время. Важными торгово-экономическими партнерами России в АТР являются страны Северо-Восточной Азии, прежде всего Япония, Китай и Республика Корея. В 1996 г. совокупный товарооборот России со странами СВА достиг 12,6 млрд. долл., что составило 12,2% от общего товарооборота России с зарубежными странами. Около 22% внешнеторгового оборота России со странами СВА приходится на долю дальневосточных районов страны.

Несмотря на относительно небольшой удельный вес Дальнего Востока во внешней торговле России, который в период 90-х годов составлял в среднем порядка 4%, необходимо отметить важную роль дальневосточного региона в торгово-экономических отношениях России со странами СВА, прежде всего с Японией и Республикой Корея. Так, например, в 1995 г. на долю Дальнего Востока приходилось 37,0% российского экспорта в Японию и 24,6% импорта из этой страны, соответствующие показатели для Республики Корея составили 33,9 и 42,3%.

Вместе с тем в экономике российского Дальнего Востока экономические связи со странами СВА также играют заметную роль, что объясняется действием ряда факторов.

Адмидин Андрей Генрихович, кандидат экономических наук, заведующий сектором международного экономического сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск.

Деваева Елена Ибрагимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора международного экономического сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск.

Во-первых, российский Дальний Восток обладает значительным природно-ресурсным потенциалом, чем определяется потребность самого Дальнего Востока в развитии связей с сопредельными странами, а также интерес зарубежных партнеров к экономическому сотрудничеству с регионом.

Во-вторых, вследствие своего географического положения Дальний Восток имеет преимущества в развитии экономических отношений со странами СВА по сравнению с другими районами Российской Федерации.

В-третьих, негативные последствия распада СССР и последующего разрыва традиционных экономических связей с европейской частью России и другими республиками бывшего Советского Союза поставили Дальний Восток с его сырьевой монокультурной экономической специализацией в исключительно тяжелое положение и практически не оставили региону другой альтернативы, кроме широкого развития внешнеэкономического сотрудничества. Общий объем внешней торговли Дальнего Востока возрос с 2730 млн. долл. в 1992 г. до 4568 млн. долл. в 1996 г. (в 1997 г., по оценке ИЭИ ДВО РАН, внешнеторговый оборот Дальнего Востока превысил 5 млрд. долл.); соответствующие показатели для экспорта составили 1539 и 2831 млн. долл., а для импорта - 1190 и 1738 млн. долл.

В конце 80-х гг., когда в стране стала осуществляться экономическая реформа, направленная, в частности, на либерализацию и децентрализацию внешнеэкономической деятельности, в результате чего дальневосточные предприятия получили возможность непосредственно выходить на внешний рынок, минуя отраслевые министерства и внешнеторговые объединения. Наиболее популярной формой сотрудничества стали прямые товарообменные операции с северо-восточными провинциями Китая, на долю которых в ряде территорий региона приходилось порядка 70% их внешнеторгового оборота. В то же время в результате резкого сокращения централизованных капиталовложений в экономику региона, серьезные надежды на данном этапе стали возлагаться на инвестиционное сотрудничество, в частности, на создание совместных предприятий с компаниями Японии, КНР, Республики Корея.

В результате произошел значительный рост совокупного товарооборота Дальнего Востока со странами СВА. Так, в 1993 г. внешнеторговый оборот региона со странами СВА, достигнув пика, составил 2,5 млрд. долл. В этот период на долю стран СВА приходилось порядка 80% внешней торговли Дальнего Востока.

На современном этапе внешнеэкономическое сотрудничество Дальнего Востока со странами СВА осуществляется главным образом в таких формах, как внешняя торговля на валютной основе и совместное предпринимательство, которые становятся одним из важнейших факторов выживания региона в условиях перехода к принципиально новым экономическим отношениям.

Для Дальнего Востока в период 1991-1997 гг. Япония стабильно оставалась основным экспортным рынком. В то же время роль Китая как экспортного рынка для Дальнего Востока в 90-е гг. была подвержена серьезным колебаниям, что не могло не сказаться и на доле региона в экспорте РФ в КНР (5,1% от общероссийского экспорта в КНР в 1995 г. по сравнению с 19,9% в 1993 г.). Следует заметить, что в 1996 г. этот показатель вновь заметно возрос - до 15%, что произошло вследствие резкого увеличения экспортных поставок на китайский рынок продукции военно-промышленного комплекса, произведенной на Дальнем Востоке. Однако уже в 1997 г. удельный вес Дальнего Востока в российско-китайской торговле вновь снизился и практически достиг уровня 1995 г.

Что же касается российского импорта, то для Дальнего Востока Китай продолжает иметь относительно важное значение как источник дешевых потребительских товаров (21,8% общероссийского импорта из КНР в 1996 г. приходилось на долю Дальнего Востока). В целом же, Япония, Китай и Рес-

публика Корея продолжают оставаться ведущими внешнеторговыми партнерами Дальнего Востока.

Внешняя торговля и инвестиционное сотрудничество с отдельными странами СВА

Япония.

В настоящее время Россия и Япония находятся на разных витках экономического развития, в результате чего взаимодополняемость экономических систем двух стран постоянно снижается. Вместе с тем наличие проблем политического характера оказывает дополнительное сдерживающее влияние на развитие торгово-экономических отношений двух стран.

Наиболее устойчивое развитие торгово-экономических связей региона с Японией происходило в 70-х-80-х гг., что было связано с осуществлением крупномасштабных проектов по разработке природных ресурсов Дальнего Востока. К концу 80-х гг. на долю Японии приходилось около 65% экспорта Дальнего Востока. С началом 90-х гг., в условиях расширения свободных экономических обменов и диверсификации внешних рынков, удельный вес Японии во внешней торговле региона сократился до 47% в 1992 г.

В дальнейшем развитие внешней торговли Дальнего Востока с Японией характеризовалось положительной динамикой, в отличие от российско-японской торговли в целом, для которой в последние годы была характерна известная неустойчивость. Среднегодовые темпы роста внешнеторгового оборота Дальнего Востока с Японией за период 1992-1997 гг. составили около 5%, однако, как и в российско-японской торговле в целом, наращивание объемов торговли Дальнего Востока с Японией происходило практически лишь за счет увеличения экспортных поставок.

В настоящее время на долю Японии приходится 24% внешнеторгового оборота Дальнего Востока, в том числе около 32% регионального экспорта и 11% - импорта. Относительная стабильность внешнеторговых связей Дальнего Востока с Японией объясняется в первую очередь тем, что японский рынок является основным потребителем традиционных экспортных товаров региона.

Если в экспорте Дальнего Востока Японии традиционно принадлежат лидирующие позиции, то в импорте ей принадлежит только четвертое место. Современная структура импорта региона из Японии, хотя и носит инвестиционный характер, тем не менее не в состоянии оказать должного влияния на осуществление структурных преобразований экономики региона.

С принятием законодательства о создании предприятий с участием иностранного капитала в бывшем Советском Союзе в 1987 г. у японских фирм появились новые возможности для инвестирования в экономику Дальнего Востока.

На Дальнем Востоке, особенно в первый период функционирования предприятий с участием иностранного капитала (1988-1992 гг.), японские инвесторы сравнительно активно пошли на создание совместных предприятий в лесной и рыбной промышленности, цветной металлургии. В 1992 г. на долю предприятий с японскими инвестициями приходилось 22,3% от общего количества зарегистрированных на Дальнем Востоке совместных предприятий, а их удельный вес во внешней торговле Дальнего Востока с Японией составил около 27%, в том числе по экспорту - порядка 30%.

Важно отметить, что для предприятий с японским капиталом вообще характерно большое значение внешнеэкономической деятельности, в особенности экспорта. Так, в 1993 г. на долю компаний с японскими инвестициями

приходилось 47,5% от общего объема внешней торговли совместных предприятий, расположенных в регионе, причем для экспорта соответствующий показатель составил 59,5%.

Объективно, именно предприятия с участием японских фирм внесли в первой половине 90-х гг. наиболее реальный вклад в расширение объемов и товарную диверсификацию дальневосточного экспорта (по сравнению с совместными предприятиями с капиталом из других стран), и на их долю пришла значительная часть финансовых ресурсов и технологий, поступивших через канал прямых иностранных инвестиций в экономику Дальнего Востока.

Вместе с тем вследствие ухудшения общеэкономической ситуации и инвестиционного климата на Дальнем Востоке, как и в России в целом, в последнее время активность японских инвесторов в регионе становится менее заметной, а ряд ранее действовавших предприятий с участием японского капитала ликвидированы.

Определенные импульсы развитию двусторонних экономических связей может дать участие японской стороны в реализации крупномасштабных инвестиционных проектов, в частности в реконструкции Комсомольского нефтеперерабатывающего завода, модернизации порта Зарубино в Приморском крае и ряде других. Однако наиболее важным является Сахалинский нефтегазовый проект. Так, по проекту "Сахалин-1" эксплуатация месторождения начнется с 2002 г. и будет продолжаться в течение 35 лет; в 2010 г. объемы добычи нефти должны составить 25 млн. т. Проект "Сахалин-2" предусматривает максимальный объем добычи нефти в 9 млн. т к 2002 г. Российская сторона также проявляет заинтересованность к возможном участии японских фирм в реализации проектов "Сахалин-3" и "Сахалин-4", предварительные работы по которым ведутся в настоящее время.

Китай.

Особенности развития торгово-экономических отношений между Дальним Востоком России и Китаем в начале 90-х гг. можно определить следующим образом: 1) ведущая роль прямых связей между предприятиями на региональном уровне во взаимной торговле; 2) преобладание бартерных сделок как основной формы экономического сотрудничества.

В 1993 г. доля Дальнего Востока в товарообороте России с Китаем составила около 22%. По экспорту соответствующий показатель составил порядка 20%, а по импорту - примерно 25%. Из приведенных данных видно, что в этот период для Дальнего Востока Кита имел более важное значение как источник импортных поступлений и менее важное - как экспортный рынок.

В 1993 г. Китай вышел на второе место после Японии как экспортный рынок Дальнего Востока (33% от общего объема регионального экспорта) и на первое место в импорте региона (48,4% от всего импорта Дальнего Востока). Этот прогресс выглядел особенно впечатляющим, если принять во внимание тот факт, что в 1985 г. на долю Китая приходилось только 10% от общего объема регионального экспорта, а в 1992 г. - 27,3%.

Быстрому развитию взаимной торговли в указанный период способствовали следующие факторы:

- острый дефицит продовольственных и потребительских товаров на Дальнем Востоке, что в условиях резко сократившейся покупательной способности населения открывало значительные возможности для импорта соответствующей дешевой продукции из КНР;

- наличие на Дальнем Востоке природных ресурсов, представляющих интерес для китайской стороны;

- возможности значительного увеличения экспорта в Китай ряда товаров инвестиционного и промежуточного спроса (машины и оборудование, прокат черных металлов, химические удобрения и т.п.), как производимых на Дальнем Востоке, так и ввозимых из других районов Российской Федерации.

Последнее обстоятельство было особенно актуальным для многих дальневосточных предприятий, которые в условиях резкого сокращения внутреннего спроса на свою продукцию и потери конкурентоспособности на рынках европейской России и других республик бывшего СССР, а также ограниченными возможностями выхода на рынки промышленно развитых стран из-за невысокого качества продукции и несоответствия потребностям этих рынков, увидели в экспорте в Китай одну из немногих реальных возможностей своего выживания.

Указанные факторы, лежавшие в основе быстрого роста торговли Дальнего Востока с Китаем, оказали определяющее влияние и на товарную структуру регионального экспорта и импорта из этой страны.

Так, в 1993 г., который стал пиковым с точки зрения объемов внешней торговли Дальнего Востока и России в целом с КНР, на долю Китая приходилось 91,8% всех экспортных поставок машин и оборудования с территории российского Дальнего Востока (следует, однако, отметить, что в основном это были товары, произведенные в других регионах страны), 67,8% экспорта черных металлов, практически 100 поставок товаров народного потребления, а также 58,4% экспорта цветных металлов.

Что же касается импорта из КНР, то для всех территорий Дальнего Востока доля продовольствия и товаров народного потребления в поставках из этой страны устойчиво составляет от 70 до 80%.

Как уже отмечалось выше, ведущей формой двустороннего торгового обмена на региональном уровне выступили бартерные сделки, несмотря на ужесточение государственного регулирования бартерных операций в 1992 г. и последующее повышение таможенных тарифов по целому ряду товарных позиций.

Основной причиной популярности бартерных сделок как для российских предприятий, так и для их китайских контрагентов являлась нехватка свободно конвертируемой валюты, а также некоторые другие причины, специфические для каждой из сторон. В частности, российские компании получили возможность занижать таможенную стоимость своего экспорта, а получение в обмен китайских продовольственных и потребительских товаров позволяло сравнительно быстро вернуть вложенные средства путем оперативной реализации их на дефицитном российском рынке.

Китайские фирмы смогли приобретать дефицитное сырье, не тратя конвертируемой валюты, а также расширить сбыт ряда традиционных товаров китайского экспорта, причем зачастую не находящих сбыта в других странах из-за относительно низкого качества соответствующей продукции, производившейся в северо-восточных провинциях Китая.

В целом, характеризуя торговые связи Дальнего Востока с КНР в начале 90-х годов, то есть в период быстрого роста двусторонней торговли, можно отметить как положительные, так и негативные моменты, связанные с этим.

Именно широкое развитие торгово-экономических связей с КНР позволило территориям Дальнего Востока устойчиво наращивать объемы своей внешней торговли в 1990-1993 гг., и, по крайней мере частично, компенсировать импортом из КНР резко возросшие издержки транспортировки продовольственных и непродовольственных товаров народного потребления из других районов России и государств СНГ.

Однако с течением времени все более стали выявляться и негативные моменты, связанные с указанной направленностью и структурой двусторонних экономических отношений, что и послужило причиной последовавшего в 1994 г. спада как в торговле России и Китая в целом, так и в торговле между Дальним Востоком и КНР.

Так, в 1994 г. экспорт Дальнего Востока в Китай составил 156,0 млн. долл. по сравнению с 611,5 млн. долл. годом ранее, а импорт - 94,6 млн. долл. по сравнению с 576,8 млн. долл. в 1993 г. Несмотря на некоторое увеличение товарооборота между дальневосточным регионом и КНР в дальнейшем, доля последней в объеме экспорта и импорта Дальнего Востока в 1995 г. снизилась по сравнению с 1993 г. соответственно на 26 и 39%. В 1997 г. произошел очередной спад во взаимной торговле Дальнего Востока и Китая. Внешнеторговый оборот между ними сократился с 926 млн. долл. в 1996 г. до 620 млн. долл., в том числе экспорт соответственно с 707 млн. долл. до 358 млн. долл. В результате удельный вес Китая во внешнеторговом обороте Дальнего Востока в 1997 г. составил лишь 12%, в том числе в экспорте - 11,5 и импорте - 12,2%.

Среди причин дестабилизирующих торговлю Дальнего Востока с Китаем следует назвать ухудшение конъюнктуры китайского рынка инвестиционных товаров и товаров промежуточного спроса, начавшееся со второй половины 1993 г. в связи с действиями китайских властей по борьбе с "перегревом" экономики.

В то же время в России в целом и на Дальнем Востоке резко возросли отпускные заводские цены на экспортную продукцию, а также транспортные издержки, что поставило дополнительные барьеры экспорту в Китай продукции, произведенной в других районах Российской Федерации.

При узкой номенклатуре дальневосточного экспорта в Китай (в 1993 г. на долю четырех товарных групп - машины и оборудование, четные металлы, химические товары и промышленные товары народного потребления - приходилось более 90% всего дальневосточного экспорта в КНР), это вызвало снижение спроса на эти товары, поставило сотни финансово слабых китайских компаний на грань разорения.

Что же касается дальневосточного импорта из Китая, то он снизился по причине насыщения рынков Дальнего Востока и Российской Федерации в целом китайскими товарами относительно невысокого качества, а также усилившейся ценовой и неценовой конкуренцией со стороны импортных товаров из других стран.

В условиях резкого обострения экономического кризиса, многочисленных остановок предприятий, роста проблемы взаимных неплатежей на Дальнем Востоке в период 1994-1997 гг., российские предприятия во все возрастающей степени испытывают дефицит оборотных средств. Соответственно, для них растет привлекательность экспорта за свободно конвертируемую валюту, а привлекательность бартерных сделок резко сократилась. Это обстоятельство препятствует оживлению взаимной торговли и в настоящее время.

В ближайшие два-три года наиболее вероятно некоторая стабилизация объемов торговли между Дальним Востоком и Китаем на современном уровне. Китаю по-прежнему будут нужны дальневосточное сырье и некоторые товары промежуточного спроса, а Дальний Восток продолжает испытывать необходимость в импорте продовольствия и изделий легкой промышленности из Китая. Другое дело - насколько стороны смогут усовершенствовать механизм взаимной торговли и придать ей новые импульсы.

В отличие от внешнеторговых связей, инвестиционное сотрудничество с КНР не имело особо важного значения для экономики Дальнего Востока, несмотря на то, что в 1990-1993 гг. на российском Дальнем Востоке наблюдался

настоящий бум в области создания совместных предприятий с китайским участием, выразившийся в колоссальном росте количества таких предприятий. Так, из общего количества предприятий с участием иностранного капитала, зарегистрированных на Дальнем Востоке в период 1988-1996 гг., около 50% составили компании, созданные с партнерами из КНР.

Однако особенностью предприятий с китайским капиталом явились крайне незначительные масштабы инвестиций и концентрация их деятельности на обслуживании прежде всего внешнеторговых операций и частично - в области розничной торговли и сферы услуг. Так, в Приморском и Хабаровском краях на долю предприятий с участием китайской стороны приходится меньше инвестированного капитала, чем на долю значительно меньшего количества совместных предприятий с участием фирм США или Республики Корея, причем уже с 1993 г. наблюдается тенденция к ежегодному снижению и без того небольших объемов текущих инвестиций из КНР.

В целом, перспективы инвестиционного сотрудничества с КНР представляются весьма неопределенными. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что в дальнейшем деятельность китайских СП на территории Дальнего Востока будет по-прежнему иметь небольшое значение для экономики региона и будет находиться в тесной зависимости от состояния торговли между двумя странами.

Республика Корея.

В отличие от Китая и Японии, сколько-нибудь заметное развитие торговли Дальнего Востока с Республикой Корея началось только с 1992 г. К настоящему времени Республика Корея уже достаточно прочно закрепила свои позиции одного из трех ведущих внешнеторговых партнеров Дальнего Востока, наряду с Японией и Китаем. Более того, в 1994-1995 гг. она вышла на второе место в экспорте региона после Японии и в импорте - после США. В 1997 г. на долю Республики Корея приходилось 15,5% внешнеторгового оборота региона, в том числе 13% экспорта и 19% импорта.

Определенная нестабильность, имевшая место в первые годы в экономических отношениях Дальнего Востока с Южной Кореей определялась во многом тем, что как предприятия и фирмы Дальнего Востока, так и корейские компании в этот период только осваивали новые для себя рынки, в то время как связи Дальнего Востока с Японией имели более длительную историю и носили более устойчивый характер.

Тем не менее в 1994-1997 годы рост как экспорта, так и импорта Дальнего Востока в торговле с Южной Кореей наблюдался практически по всем территориям Дальнего Востока с некоторым опережением в пользу импортных поставок. Этому способствовали следующие факторы:

- стремление корейских фирм диверсифицировать рынки сбыта своей продукции в условиях растущей конкуренции на мировом рынке как высокотехнологичных, так и трудоемких изделий. На Дальнем Востоке южнокорейские товары как по ценам, так и по качеству составляют серьезную конкуренцию китайским и японским товарам;

- определенные возможности расширения традиционного сырьевого экспорта Дальнего Востока за счет поставок в Республику Корея. Так, в структуре дальневосточного экспорта в эту страну в 1993 г. примерно 50% приходилось на долю рыбпродукции, 20% - лесных товаров, 14% - топливно-энергетических товаров и 11% - черных металлов. Такая структура экспорта во многом сходна со структурой поставок в Японию и частично - Китай, что

позволяет Дальнему Востоку достигнуть определенной диверсификации экспортных рынков;

- активное стремление местных органов власти Дальнего Востока развивать отношения именно с этой страной, поскольку, в отличие от отношений с Японией и Китаем, политические моменты (территориальный вопрос) здесь не присутствуют. Как федеральные, так и местные власти в первой половине 90-х г. рассматривали развитие отношений с Республикой Корея как важное средство укрепления своих позиций в отношениях с Японией, которая ранее была практически монопольным торгово-экономическим партнером Дальнего Востока, а также снижения возникшей в начале 90-х гг. чрезмерной экономической зависимости региона от Китая, осложненной некоторыми факторами политического характера;

- с самого начала развития двусторонних торгово-экономических отношений контрагентами российской стороны выступают главным образом крупные компании, которые имеют несомненные преимущества перед мелкими китайскими или мелкими и средними японскими фирмами.

В условиях инвестиционного спада на Дальнем Востоке корейские фирмы заинтересованы прежде всего в увеличении продаж товаров народного потребления на Дальнем Востоке, где они уже составляют серьезную конкуренцию компаниям из других стран. Вместе с тем крупные корейские фирмы, пока в небольшой степени, участвуют в освоении лесных и морских ресурсов на территории российского Дальнего Востока. Однако вследствие организационных сложностей, с которыми сталкиваются корейские компании в России, сохранением проблемы задолженности России в отношениях между двумя странами, а также относительно ограниченного спроса в самой Республике Корея, экспорт Дальнего Востока в эту страну в 1996-1997 гг., несмотря на продолжавшийся рост, по своей величине почти в 3 раза уступал экспорту региона в Японию.

В целом, представляется маловероятным, что Республика Корея может в ближайшей перспективе потеснить Японию и стать ведущим торгово-экономическим партнером Дальнего Востока вследствие высокой конкуренции со стороны последней.

Все более заметной на Дальнем Востоке становится деятельность совместных предприятий с участием южнокорейского капитала. Так, число предприятий с участием южнокорейских фирм на территории Дальнего Востока в период 1988-1997 гг. порядка 7% от общего количества предприятий с иностранными инвестициями, что вывело страну на четвертое место по этому показателю после Китая, Японии и США.

В то же время по размерам инвестиций в экономику Дальнего Востока южнокорейские фирмы, хотя и превосходят предприятия с китайским участием, все еще уступают американским и японским компаниям.

В целом, южнокорейский капитал в настоящее время проявляет большую заинтересованность в инвестировании в развитие внешней торговли между Дальним Востоком и Республикой Корея, нежели в участии в реализации крупномасштабных проектов производственного характера. Такие предприятия, как, например, СП "Светлая", действующее в лесной промышленности Приморского края, являются скорее исключением, чем правилом. В стадии обсуждения находится также проект "Саха-газ", предусматривающий совместную с южнокорейскими компаниями разработку месторождений природного газа в Якутии с последующими долгосрочными поставками газа в Республику Корея. Однако осуществимость подобного грандиозного проекта во многом будет зависеть от участия других стран, в том числе и Японии.

Таким образом, на современном этапе своей деятельности на территории Дальнего Востока южнокорейские компании занимают в целом выжидательную позицию, стремясь закрепить свое присутствие на рынке и создать плацдарм для активизации инвестиционной деятельности при благоприятных обстоятельствах.

Следует отметить, что наряду с фирмами США и частично - Японии, южнокорейские фирмы проявляют определенный интерес к инвестициям не только в добывающие производства, но и обрабатывающую промышленность Дальнего Востока. Примером такого сотрудничества стала организация сборочного производства телевизоров марки "Голдстар" в рамках конверсии на заводе им Гагарина в г.Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края в 1993 г. В настоящее время принято решение о создании на территории СЭЗ "Находка" в Приморском крае промышленно-технологического парка с участием нескольких десятков корейских фирм.

КНДР и Монголия.

Объемы торгово-экономических связей как Дальнего Востока, так и Российской Федерации в целом, с КНДР и Монголией являются крайне ограниченными и не обнаруживают тенденции к росту. Так, в 1992 г. доля КНДР во внешней торговле Дальнего Востока составляла 1,1%, а Монголии - еще меньше. В настоящее время доля этих двух государств во внешнеторговом обороте Дальнего Востока сократилась до 0,2%.

В качестве основных причин, сдерживающих развитие внешнеторгового сотрудничества Дальнего Востока и России с этими странами, можно выделить следующие:

- кризисное состояние экономики в двух странах (особенно это относится к КНДР), обострившееся после прекращения экономической помощи со стороны бывшего Советского Союза;

- практическое отсутствие в КНДР и Монголии конкурентоспособных экспортных товаров, представляющих интерес для дальневосточного рынка (что препятствует развитию бартерного обмена), а также свободно конвертируемой валюты. По большинству же потенциально имеющихся экспортных товаров поставки из этих стран могут быть легко заменены более конкурентоспособным импортом из КНР.

По-видимому, в ближайшем будущем торговое сотрудничество Дальнего Востока с КНДР и Монголией будет оставаться крайне незначительным по объемам и подверженным серьезным колебаниям.

Не получило сколько-нибудь заметного развития и инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока с указанными странами. На долю КНДР и Монголии в настоящее время приходится лишь около 1% от общего количества совместных предприятий, зарегистрированных на территории Дальнего Востока. Незначительное количество совместных предприятий с КНДР находятся в основном на территориях Хабаровского края и Амурской области и заняты в сфере сельского хозяйства и строительства. Что же касается деятельности предприятий с северокорейскими и монгольскими инвестициями в сфере внешней торговли, то их результаты на фоне деятельности совместных предприятий, созданных с другими странами Северо-Восточной Азии, практически нулевые.

В заключение следует отметить, что в целом в пореформенный период внешняя торговля и частично - инвестиционное сотрудничество с зарубежными странами, в особенности с Японией, Китайской Народной Республикой и Республикой Корея, сыграли позитивную роль в достижении относительной

стабилизации экономической и социальной ситуации в регионе. Вместе с тем узость товарной номенклатуры регионального экспорта, относительно небольшая доля инвестиционных товаров в импорте Дальнего Востока объективно ограничивают возможности увеличения роли внешнеэкономических связей в экономическом развитии региона.

Не оправдались и надежды на прямые иностранные инвестиции, в особенности из стран СВА, как фактор модернизации экономического потенциала Дальнего Востока и развития региональной экспортной базы. В ближайшей перспективе совместное предпринимательство на Дальнем Востоке, скорее всего, останется лишь элементом, дополняющим обычную внешнюю торговлю региона. Сырьевая специализация экономики, сложность и неопределенность экономической и политической ситуации в стране, отсутствие достаточных стимулов для иностранных инвестиций, делают регион относительно непривлекательным для зарубежных партнеров в развитии различных форм экономического сотрудничества.

Вероятно, такие страны, как Япония и Южная Корея сохраняют свое значение ведущих экономических партнеров Дальнего Востока. Вместе с тем, учитывая снижение темпов роста экономики этих стран, наличие серьезных проблем структурного характера, а также ориентацию их внешнеэкономических связей прежде всего на США, государства Юго-Восточной Азии и Китая, традиционно сырьевой характер экспорта Дальнего Востока в эти страны, трудно рассчитывать, что даже при более благоприятных условиях развитие отношений с Японией и Республикой Корея будет способствовать структурным изменениям в экономике Дальнего Востока и даже значительному увеличению доходов от традиционного сырьевого экспорта.

Потенциально более перспективным выглядит увеличение масштабов и использование новых форм экономического сотрудничества с Китаем, включая широкое привлечение китайской рабочей силы на Дальний Восток, сотрудничество в области энергетики, транспорта, промышленную кооперацию и т.д. Вместе с тем возможности двустороннего сотрудничества будут во многом зависеть от того, насколько обеим сторонам удастся разработать и реализовать новые подходы к торгово-экономическим отношениям между российским Дальним Востоком и КНР, направленные в конечном счете на более тесное сближение экономических систем российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая с последующим развитием интеграционных процессов.

К 100-летию со дня рождения Лю Шаоци

© 1998

Ю. Галенович

Сто лет назад, 24 ноября 1898 г. на юге Китая в уезде Нинсян провинции Хунань в многодетной семье школьного учителя Лю родился мальчик. Родители, выражая свои надежды на сына, дали ему имя Шаоци, что означает "человек редкостной, необычной судьбы". Пожелания сбылись.

Лю Шаоци с юных лет проявил недюжинный ум, трудолюбие, организованность, неприхотливость и бесстрашие. Он рано с головой ушел в политику, оставаясь при этом близок к реальной жизни. Как и многие молодые люди на его родине, Лю Шаоци был недоволен и положением в Китае, и местом его страны в мире. Он стремился быть среди тех, кто хотел изменить ситуацию, осуществить революционные перемены. Случилось так, что Лю Шаоци вошел в круг китайских коммунистов.

В 1920 г. Лю Шаоци вступил в Социалистический союз молодежи Китая. В конце того же года он оказался в числе молодых людей, отобранных для учебы в Советской России. В 1921-22 гг. Лю Шаоци обучался в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Зимой 1921 г., находясь в Москве, он стал членом Компартии Китая.

В 1922 г. Лю Шаоци возвратился на родину и был назначен секретарем Китайской федерации труда. В 1922 г. он был председателем стачечного комитета во время известной забастовки шахтеров в Аньюане.

Выполняя решение партии, Лю Шаоци в 1923 г. вступил в Гомиьндан. Он вел работу одновременно в двух ипостасях: официально, как представитель партии Гомиьндан, и нелегально в качестве члена КПК на Ханьепинском металлургическом комбинате в провинции Хунань.

В мае 1925 г. Лю Шаоци был избран одним из заместителей председателя созданной тогда Всекитайской федерации профсоюзов. В том же году он был в числе руководителей антиимпериалистического "движения 30 мая" в Шанхае. Затем он участвовал в организации продолжавшейся шестнадцать месяцев Сянган-Гуанчжоуской забастовки 1925-1926 гг.

В 1926-1927 гг. Лю Шаоци принимал участие в Северном походе Национально-революционной армии, руководил профсоюзным движением в Ухане.

На V съезде КПК, состоявшемся в апреле-мае 1927г., Лю Шаоци стал членом ЦК Компартии Китая. Тогда же он был назначен заведующим отделом рабочего движения ЦК КПК. Таким образом, к 30 годам Лю Шаоци был признанным в Компартии Китая организатором рабочего движения в стране.

В 1929 г. Лю Шаоци был переведен на работу в Маньчжурию. Летом 1930 г. он возглавлял делегацию ВФП на V конгрессе Профинтерна, а затем в течение года был представителем ВФП в Профинтерне. Осенью 1931 г. он вернулся в Китай.

В январе 1931 г. Лю Шаоци был заочно избран кандидатом в члены политбюро ЦК КПК; в том же году был введен в состав членов временного политбюро ЦК партии и избран членом ЦИК Китайской Советской Республики. В 1932 -1934гг. Лю Шаоци работал в центральной революционной опорной базе, где был назначен председателем Всекитайской федерации профсоюзов. В январе 1934г. на У пленуме ЦК КПК Лю был переизбран в кандидаты в члены политбюро ЦК КПК. С марта по октябрь 1934 г. был секретарем комитета КПК провинции Фуцзянь. В 1934-1935гг. он принимал участие в Северо-Западном походе Красной Армии Китая.

Значительную часть периода войны сопротивления японским агрессорам (1937-1945 гг.) Лю Шаоци работал в "белых районах", т. е. в районах, находившихся под властью Гоминьдана. В 1936-1937гг. он был секретарем бюро ЦК КПК по Северному Китаю, где сыграл видную роль в организации анти-японского движения за национальное спасение. В 1938 он был назначен секретарем бюро ЦК КПК Центрального Китая. С осени этого года он работал в основном в Яньани, где в 1943 г. стал членом секретариата ЦК КПК и заместителем председателя Революционного Военного совета. В 1945 г. на УП съезде КПК Лю Шаоци был избран в члены Политбюро ЦК КПК.

В 1949 г. с образованием КНР Лю Шаоци стал заместителем председателя Центрального народного правительства. В 1956 г. он был избран членом постоянного комитета политбюро ЦК КПК и заместителем председателя ЦК партии. С 1954 по 1959 г. был председателем постоянного комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей. В 1959 г. Лю Шаоци был избран председателем Китайской Народной Республики.

К началу 50-х годов ситуация в КПК сложилась таким образом, что в партии можно было выделить как бы две составные части: городскую, действовавшую в "белых районах", и сельскую, сложившуюся на территории партизанских "опорных баз" и "освобожденных районов". Лю Шаоци в известной мере олицетворял "городскую", в то время как Мао Цзэдун - "деревенскую" часть партии. В дальнейшем в ходе общей борьбы обе части партии соединились. При этом Мао Цзэдун занял место высшего руководителя - вождя партии, а Лю Шаоци стал вторым лицом в ее руководстве. На его долю выпала конкретная повседневная работа по руководству партией согласно генеральным установкам Мао Цзэдуна.

Пока КПК шла к завоеванию власти между Лю Шаоци и Мао Цзэдун не было значительных разногласий. Имевшиеся расхождения касались отдельных вопросов тактики. Когда же власть была завоевана и в повестку дня встали вопросы поиска путей социально-экономических преобразований, расхождения начали со временем приобретать более существенный характер.

В конце 50-х гг. в результате политики "большого скачка" и "народных коммун", то есть осуществления замыслов, в первую очередь, Мао Цзэдуна, экономика страны была подорвана; в начале 60-х гг. от голода погибли десятки миллионов людей. В этой обстановке под давлением объективных обстоятельств Мао Цзэдун был вынужден отойти на политической сцене на "вторую линию": оставшись председателем ЦК КПК, он перестал занимать пост пред-

седателя КНР, предоставив другим руководителям КПК на время известную свободу в поиске средств преодоления последствий "скачка".

В период с 1959 по 1966г. произошло известное разграничение властных полномочий в руководстве КПК и КНР. Мао Цзэдун сохранил позиции первого руководителя партии и контроль над вооруженными силами. Лю Шаоци стал формально главой государства, продолжая выполнять работу по руководству партийным аппаратом. Возникла противоречащая классическому тоталитарному режиму "двухпиковая" структура власти: одновременно действовали "два председателя" - "председатель Мао" и "председатель Лю".

Именно в этой обстановке на рубеже 50-60-х годов начался последний и, пожалуй, важнейший период в жизни Лю Шаоци. Его деятельность и установки и реально, и особенно в потенции начали все более и более расходиться с идеями и политикой Мао Цзэдуна. Конечно, речь не шла об отказе от марксизма, социализма, существовавшей политической системы.

Процесс накопления и роста разногласий между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном включал различные аспекты политики партии.

В начале 60-х гг. Лю Шаоци в узком кругу говорил, что до "большого скачка" он "страдал болезнью культа личности", то есть преклонялся перед Мао Цзэдуном и слепо следовал его установкам, но после "большого скачка" избавился от этого недуга.¹

По мере выявления последствий "большого скачка" Лю Шаоци неоднократно ставил вопрос об ответственности руководителей партии, включая самого себя, за тяжелейшее положение в стране. В концентрированной форме эта позиция нашла отражение в его докладе на совещании высших руководителей партии в январе 1962 г. Как известно, этот доклад вызвал особое недовольство Мао Цзэдуна.

В это время, Лю как и многим другим руководителям КПК, стало ясно, что нужны немедленные меры по выправлению создавшегося положения. На Лю ввиду его положения в партии лежала особая ответственность. Он, как и другие сторонники изменения курса, осознавал, что прямая критика и открытый пересмотр установок периода "большого скачка" вызовут недовольство и сопротивление Мао Цзэдуна, непонимание большого слоя партийных работников, захваченных "идеями" Мао Цзэдуна и ответственных за их проведение. В этой ситуации он стремился сделать максимум возможного для корректировки прежнего курса, для превращения мер, с которыми Мао Цзэдун был вынужден согласиться как с временными в кризисной обстановке, в долгосрочную политику.

В начале 60-х годов он выдвинул тезис о том, что было бы лучше начать создание "народных коммун" несколько позднее. Мао Цзэдун не мог согласиться с такой постановкой вопроса³.

Используя свой авторитет и положение, Лю Шаоци активно поддерживал предлагавшиеся другими руководителями КПК, такими как Чэнь Юнь, Дэн Цзыхуй, меры по разукрупнению "народных коммун" и введению хозяйственных отношений в организацию сельскохозяйственного производства, возвращение и расширение приусадебных участков, эксперименты по использованию методов закрепления производственных заданий за отдельными дворами. Он поддерживал также мероприятия по упорядочению организации промышленного и ремесленного производства, развитию местных рынков и расширению сферы рыночной торговли⁴.

Разногласия между Лю Шаоци и Мао Цзэдуном касались не только экономики, но распространялись на вопрос о функционировании политической системы. Лю Шаоци, осуждал ошибки в деятельности органов общественной безопасности в ходе кампании борьбы против "правых", развернутой в КНР на рубе-

же 50-60-х гг., и характеризовал их как расширение рамок классовой борьбы.⁵ Он ставил вопрос о том, что нельзя подходить к ошибкам и даже нарушениям закона внутри страны так же, как к подрывной деятельности зарубежных сил.⁶

Лю делал упор на необходимости усиления строительства правовой системы, гарантирования демократических прав народа, подчеркивая, что обеспечение законности вовсе не обязательно сводится к диктатуре. По мнению Лю Шаоци, не следовало допускать, чтобы административные, судебные органы подчинялись указаниям партийных органов, чтобы партийные или правительственные органы вмешивались в принимаемые в соответствии с законами решения органов юстиции.⁷ Он поддержал в 1961-1962 гг. реабилитацию, снятие ярлыков "правых уклонистов", навешенных в предыдущие годы на значительные слои партийных работников, представителей научно-технической интеллигенции, деятелей культуры.

Его действия в этой области не всегда были последовательны. В этом сказывался и груз прежнего опыта и представлений, и давление Мао Цзэдуна и сторонников его курса. Известно, что Мао Цзэдун, выдвинув на X пленуме ЦК КПК (сентябрь 1962 г.) тезис об обострении классовой борьбы, выступил инициатором проведения серии идейно-политических кампаний, в том числе "кампаний за социалистическое воспитание" с целью поставить идеологические и политические преграды на пути дальнейшего пересмотра его установок, с целью нагнетания культа его личности и внедрения его идей. В этих условиях разработанные под руководством Лю Шаоци в 1964 г. установки "кампании за социалистическое воспитание" в городе и деревне, известной также в Китае как кампания "четырёх чисток", несли на себе серьезный отпечаток прежней, маоистской по духу практики решения социально-экономических проблем путем кампаний и "чисток". Ответственность Лю за проведение "четырёх чисток", в ходе которых пострадало большое количество партийных, главным образом, низовых работников, позднее, в 80-е годы отмечали исследователи политической истории Китая в том числе и в КНР.

Мао Цзэдун был недоволен результатами этой кампании. При обсуждении ее итогов в начале 1965 г. он ясно дал понять, что острое "чисток" должно быть направлено против партийных и государственных руководителей, деятелей культуры и образования, стремившихся, несмотря на его давление, превратить меры по исправлению последствий "скачка" в долговременный курс. В духе вынашивавшейся им "теории продолжения революции при диктатуре пролетариата", включавшей идею перманентных революций и "чисток", он назвал своих оппонентов "стоящими у власти и идущими по капиталистическому пути."

Средством установления своего абсолютного всевластия и навязывания всей стране своей схемы политического и социально-экономического развития он сделал пресловутую "культурную революцию".

В литературе об этой "революции" показано, почему ни Лю, ни кто-либо другой из руководителей КПК не смогли предотвратить ее развязывание. Здесь следует лишь отметить, что Лю Шаоци и его сторонники практически с первых шагов этой кампании предпринимали доступные им усилия, чтобы ограничить рамки начавшейся беспрецедентной по масштабам волны новых "чисток", минимизировать последствия этой кампании.⁹ Именно поэтому, а также в силу положения Лю Шаоци в партии, его влияния и широких связей в различных звеньях партийно-государственной машины КНР, чтобы сломить сопротивление начатой кампании Мао Цзэдун объявил его "номером один" среди стоящих у власти "капутистов".

После XI пленума ЦК КПК (август 1966 г.) когда функции Политбюро и секретариата ЦК фактически были захвачены "Группой по делам культурной революции", в которой заправляли ставленники Мао, Лю Шаоци утратил свое

положение в партии и в системе органов власти. Практически после августа 1966г., продолжая жить в резиденции ЦК КПК, он оказался под домашним арестом. Несмотря на усиливавшуюся изоляцию, Лю Шаоци продолжал следить за ходом событий, тяжело переживая свою неспособность изменить их ход. В разговорах дома, со своими родными, он, в частности, говорил: "Нельзя производить обыски в домах (без санкции прокурора. - Ю. Г.); избиения - это нарушение Конституции страны. Я - председатель КНР и должен нести ответственность перед народом по Конституции!"¹⁰

В начале 1967 г. по настоянию Лю Шаоци состоялась его последняя встреча с Мао Цзэдун. Лю Шаоци предложил в обмен на скорейшее прекращение "культурной революции" добровольно уйти в отставку с постов председателя КНР и члена постоянного комитета политбюро ЦК КПК. Мао Цзэдун как бы пропустил мимо ушей предложение Лю Шаоци.¹¹ Но реакция последовала незамедлительно.

Буквально сразу же после этой встречи Лю был полностью изолирован от внешнего мира. Одновременно началась массовая кампания по дискредитации Лю Шаоци. Теперь его поносили не только как "главного сторонника капитализма" в партии, но и как "национального предателя".

В разговорах со своими близкими Лю Шаоци тогда говорил, что он был бы готов поспорить на пленуме ЦК партии, вынести спор в массы, что никогда не занимался приписываемыми ему заговорами и интригами.¹² Кампания "критики" набирала силу. Теперь почти каждый его шаг на длительном пути партийной работы объявлялся "сознательным вредительством" делу партии. Чтобы "объяснить", как же всеведущий Мао не разглядел рядом с собой такого врага, было заявлено, что Мао Цзэдун вел борьбу против Лю Шаоци начиная с 1945г. в течение 22 лет.¹³

Лю держали в его доме, находившемся на территории резиденции руководителей партии, отгороженной от города стеной и сторого охранявшейся. Но именно туда сгоняли отряды якобы хунвэйбинов на "митинги борьбы" против него, превращавшиеся в цепь надругательств и унижений. Сотрудники соответствующих "органов", которые и были участниками этих митингов, били Лю Шаоци кулаками, ногами, таскали за волосы, всячески издевались над председателем КНР, которому было тогда почти 70 лет. Мао Цзэдун и другие организаторы "культурной революции" не могли не знать обо всем этом: такие судилища устраивались с благословения и согласно планам высшего руководства. Со второй половины 1967г. в обстановке, когда стана оказалась на грани гражданской войны, Лю Шаоци был секретно переведен в специальную тюрьму.

Масштабы компании расширялись. За "контакты" с Лю Шаоци были подвергнуты разного рода наказаниям 28 тысяч человек.¹⁴ Четверо родственников Лю Шаоци умерли от издевательств, шестеро были посажены в тюрьму. Супруга Лю Шаоци провела в заключении одиннадцать лет.

В октябре 1968 г. на XII пленуме ЦК КПК 8-го созыва с докладом "О расследовании преступлений предателя, провокатора и штрейкбрехера Лю Шаоци", подготовленной специальной группой, работу которой контролировал Мао Цзэдун, выступил Чжоу Эньлай. В докладе говорилось в основном о деятельности Лю Шаоци до 1949 г. Возможно, составители доклада тем самым стремились увести из поля зрения читателей доклада вопросы разногласий между Мао и Лю Шаоци после создания КНР.

Все обвинения, выдвинутые против Лю Шаоци на пленуме, были надуманными и ложными с начала и до конца. Ярлыки "штрейкбрехера", обвинения в попытках "разрушить Красную армию" и "подорвать НОАК" венчали утверждение, что Лю якобы, через своих родственников установил связи с разведывательными службами США. Пленум проштамповал решение

“навечно исключить” Лю Шаоци из партии и лишить его всех постов, в том числе государственных.¹⁵

Лю Шаоци, находившегося в тюрьме и подвергавшегося изощренным издевательствам, уведомили об исключении его из КПК в день его рождения 24 ноября 1968 г., спустя почти месяц после того, как это решение было принято: такой “подарок” Мао Цзэдун преподнес Лю Шаоци к дню его семидесятилетия.

С того момента, когда Лю Шаоци узнал об исключении его из партии, он не произнес ни слова. Он молчал до самой своей смерти, почти целый год. Видимо, это была последняя доступная ему форма выражения протеста против несправедливости и бесчеловечности Мао Цзэдуна и других членов его “штаба” по руководству “культурной революцией”.

Лю Шаоци был буквально замордован в темнице и скончался 12 ноября 1969 г. Смерть его была мученической. Только через одиннадцать лет, в 1980 г., спустя четыре года после ухода из жизни Мао Цзэдуна, постановление XII пленума ЦК КПК 8-го созыва относительно Лю Шаоци было отменено как “ошибочное”; Лю Шаоци был назван “великим марксистом” и “пролетарским революционером”.¹⁶

Реабилитация Лю Шаоци открыла путь к реабилитации большой группы партийных и государственных руководителей КПК и КНР, осужденных в связи с “делом Лю Шаоци”. Это решение имело тогда и другое существенное значение, тем самым признавалась правильность системы мер начала 60-х гг., означавших пересмотр маоцзэдуновских установок. В этом смысле реабилитация Лю прокладывала путь следующим шагам начинавшейся политике реформ. Авторитет Лю Шаоци и после его смерти послужил интересам китайского народа. Несгибаемым борцом, отстаивавшим свои взгляды и интересы своего народа останется Лю Шаоци в памяти людей.

1. ИБАС, # 2826, 1968, 17 июля; # 2852. 1968, 16 августа.
2. Мао Юньфэй. Лю Шаоци и урегулирование народного хозяйства в 1960-х гг. // Чжунгун данши яньцзю, 1988, # 5. С. 10-12.
3. Чэди фоудин “вэньхуа да гэмин”. Ши цзян /Последовательно и до конца отвергнуть “великую культурную революцию”. Десять лекций. Авторы: Цзинь Чуньмин, Юй Нань, Тан Чунцин, Сюй Майян, Чжао Суфэнь. Издательство: “Цзефанцзюнь чубаньшэ”. Пекин, 1985. С. 134. (Далее сокращенно: Чэди...)
4. ИБАС, # 2653, 1967, 22 декабря.
5. Лю Шаоци сюаньцзи /Лю Шаоци. Избранные произведения/. Т. 2. Пекин, 1985. С. 308.
6. Ян Чуньгуй. Вклад Лю Шаоци в учение о противоречиях внутри народа // Данши яньцзю. 1987. # 6. С. 52-53.
7. Лю Шаоци сюаньцзи /Лю Шаоци. Избранные произведения/. Т. 2. Пекин, С. 452.
8. Чэди. С. 135.
9. Листовка. Пекин, 1966 г.
10. Лиши цзай чжэли чэньсы - 1966-1976 нянь цзиши /История здесь глубоко задумывается - факты 1966-1976 гг. /. Т. 1. Пекин, 1986. С. 7. (Далее сокращенно: Лиши.
11. Лиши. Т. 1. С. 14.
12. Там же. С. 16-17.
13. Дацзыбао. Пекин, 1967, 12 апреля.
14. Чэди. С. 132.
15. Листовка. Пекин, ноябрь 1968 г. ; Лекции по истории КПК. Тяньцзинь. 1983. С. 365.
16. Жэньминь жибао. 1980. 1 марта.

Российско-корейские контакты в Пекине в конце XVII - середине XIX вв. (по дневникам корейских послов)

© 1998

Т.Симбирцева

В южнокорейской историографии период российско-корейских отношений с конца 17 до середины 19 века обычно называют периодом "Енхэнънок" или "Пекинских дневников"¹. Их писали члены корейских посольств, которые ежегодно в соответствии с политикой "садэ керин (почитания сильного государства)" посылали в столицу Средней империи корейское правительство. В Корее существует обширная литература, объединенная общим названием "Пекинских дневников". Китайская столица с давних пор была самым дальним пунктом, до которого обычно добирались корейцы, и записки путешественников вызвали большой интерес как практически единственный источник сведений о географии, культуре, обычаях соседних народов, событиях в мире, политической обстановке, необычных явлениях и пр. Дневники включались в хроники, публиковались отдельными изданиями. Наряду с приложением "Сасин" (Рядовые участники посольств) к "Тонъмун хвиго" (Собранию всеподданнейших докладов), документу по истории дипломатических отношений Корейского королевства в поздний период династии Чосон², "Пекинские дневники" являются, возможно, единственным документальным источником на корейском языке, проливающим свет на более чем 150-летнюю историю российско-корейских контактов в Пекине. Они в какой-то мере восполняют существующий пробел в изучении связей двух стран в период, предшествующий официальному оформлению их отношений, когда шел процесс накопления информации друг о друге.

Впервые этот документ для изучения истории корейско-русских отношений использовал южнокорейский историк Пак Тхэ Гын, представивший перевод отрывков из "Пекинских дневников" вместе со своими комментариями в сборнике "100 лет корейско-русских отношений". В своей статье "Россия в чужих землях на Востоке и корейско-русские контакты до установления дипломатических отношений" он указывает, что возможность непосредственно встретиться друг с другом в мирных условиях у корейцев и россиян впервые возникла после заключения Нерчинского договора (1689 г.), который покончил с военными действиями России и Китая в бассейне Амура. Корейцы, антицинские настроения которых были весьма сильны, с интересом наблюдали за этим противостоянием, и их донесения из Пекина до 1689 года содержали немало информации о ходе боевых действий. По их окончании этот интерес ос-

лабел. По мнению Пак Тхэ Гына, это было вызвано не только изменением политической обстановки, но и тем, что русские для корейцев не являлись носителями передовой западноевропейской цивилизации и, кроме русского меха, у них не могло быть ничего, достойного внимания³.

Первым после заключения Нерчинского договора Пекин посетил Избрант Идес, голландец немецкого происхождения, коммерсант из Немецкой слободы в Москве, личной целью которого при посещении Китая было поправление пошатнувшихся материальных дел путем продажи мехов и других русских товаров в китайской столице. Он надеялся, что его караван будет также удачен, как и предыдущее торговое предприятие Аблина в 1669 г. Одновременно Идес выступал в роли дипломатического посланника российского правительства, ибо имел при себе грамоту Петра I к китайскому императору "о дружбе и любви". В его задачу входило, в первую очередь, узнать об отношении императора Канси к Нерчинскому договору. Ратификация в то время еще не практиковалась, и подобные сведения можно было получить лишь путем личных контактов.

Идес был первым российским посланником в Китае, чьи донесения не легли под сукно Посольского приказа, как, например, в случае со Спафарием, а были опубликованы. Они увидели свет сначала на голландском языке в Амстердаме в 1704 г., а затем многократно были изданы на английском, немецком и французском языках прежде, чем были опубликованы на русском языке Н.И.Новиковым во втором издании "Древней Российской Вивлиофики" в 1789 г. В этом издании автор был назван Эбергардом Избраннедесом⁴.

Избрант Идес не был образованным человеком и свои записки писал на немецком языке, который не слишком хорошо знал. В том, что его дневник вышел на голландском языке в хорошей редакции главная заслуга принадлежала Николаусу Витсену - известному путешественнику и исследователю Сибири, автору книги "Северные и Восточные татары" (1692), которая считается первой дошедшей до России книгой, где упоминается Корея⁵. У Витсена были личные основания посвятить свое время и силы редактированию труда своего соплеменника. В 1690 г. он преподнес царям Петру и Ивану составленную им в 1687 г. карту Северо-Восточной Азии, приложив к ней свой проект развития торговли с Персией через Каспийское море и с Китаем через Сибирь. Цари благосклонно приняли подношение и наградили его благодарственной грамотой, скрепленной печатью. Эта карта оказалась в руках Идеса в 1692 г., когда он выезжал в свою китайскую экспедицию. Он нанес на карту Витсена свой маршрут и кое-где, по его словам, исправил широты нанесенных мест после наблюдений высоты солнца над горизонтом. Его записки во многом похожи на пояснения к карте. Несколько раз Идесом упоминаются Корея, корейцы и Корейское море:

"Переехал речку Лунго, текущую с запада на юго-восток в Корейское море"⁶.

"Город Тунчжоу велик, многолюден и полон лавок, ибо отсюда идет торговый путь в Японию, в Нанкинскую провинцию и Корею... Джонки - довольно большие, крепко сбитые суда. По словам жителей, в такой джонке за три или четыре дня при попутном ветре они могут достичь Корейского моря"⁷.

"Пояс, или Хребтовые горы мира, берет начало от Печорского озера и тянется вплоть до Великой китайской стены и далее на восток, до Корейского моря"⁸.

Пак Тхэ Гыну предстает употребление Идесом названия "Корейское море" особенно примечательным⁹. Однако интересно, что Идес, передавая в дар Петру I первое издание своих записок, где была помещена и

исправленная карта Витсена, сформулировал свое посвящение следующим образом: "Великому и могущественному государю российскому императору Петру Алексеевичу, повелителю большей части земного шара от северного полюса и всего Татарского (Ледовитого) океана до Японского (курсив мой - Т.С.) моря и пограничных областей Северного Китая, Каспийского и Черного морей и окрестностей Балтийского моря, владетелю многих других царств и областей, государю-победителю и триумвиратору - Эверард Избрант Идес"¹⁰.

Идес прибыл в Пекин 13 ноября 1693 г. и пробыл там до 1 марта 1694 г. Находившийся там в то же время корейский посланник в 4-ом ранге тонджи чонса Рю Мён Чхон в своем отчете кратко записал, что, поскольку в городе находился русский представитель, его поселили не в обычно предоставляемом корейскому посольству посольском дворе, а в буддийском храме Чихваса¹¹.

В течение почти 40 лет между Нерчинским и Кяхтинским (1727 г.) договорами корейские и русские посольства обычно по очереди пребывали в одном и том же посольском дворе, который назывался "Хведонгван" (т.е. общее место для собраний). Судя по названию, он вообще предназначался для любых чужеземных посольств. Спафарий сообщал, что "в том подворье стаивали разные послы. Первое голландцы, которые были при Байкове (глава первого российского посольства в Пекин. Находился там в марте-сентябре 1656 г. - Т.С.), также другие им же тому лет с десять; также португальцы и иные послы поставлены были..."¹². В Пекине было несколько посольских подворий¹³, но, судя по всему, между ними существовала определенная специализация по государственному признаку. Через год после Идеса Пекин посетил посланец Нерчинского воеводы Матвея Гагарина боярский сын Агапит Плотников. По его словам, он, а до него Избрант и Спафарий стояли на одном постоялом дворе. Двор этот называется "Хойтунгуань" (кит., по-корейски Хведонгван - Т.С.)¹⁴. Здесь же останавливались корейские послы. Совпадения в пребывании по времени, как во время посольства Идеса, были редки. Это случилось, например, когда в Пекине находился российский посол Лев Измайлов. об этом эпизоде есть упоминание в донесении корейского посла (тонджиса) Ли Ый Хена, который написал, что из-за русских, которые заняли Окхагван (другое название Хведонгвана - пояснение Пак Тхэ Гына) ему пришлось остановиться в Пуккыкса¹⁵. Этим исчерпывается первая информация о русских, которую можно почерпнуть в "Енхэньнок".

От Спафария мы знаем, каким был Хведонгван: "Двор велик, только строение старое и уже много развалилось. А кругом того двора сделана стена каменная вышиной сажени в пол две. А на посольском дворе палаты каменные, поземные, крыты черепом, а в палатах подволоки деревянные и связей в палатах железных нет. Также на посольском дворе садов и иных каких диковин нет, и место самое кручинное, бытто тюрьма. А как поставили на посольский двор, тотчас приставили караул крепкой..."¹⁶.

В соответствии с 5-й главой Кяхтинского трактата, Хведонгван по настоянию русской стороны был передан России и переименован в Арасагван, то есть "русский дом".

После отбытия посольства Измайлова из Пекина в Хведонгване семнадцать месяцев пребывал Лоренц Ланге, постоянный российский торговый представитель, который, как пишет Пак Тхэ Гын, первым представил русскому правительству информацию о политике, внешних сношениях и торговле корейского королевства. В российской историографии пальму первенства в этом вопросе традиционно отдают Николаю Милеску Спафарию, который в 1674-1675 гг., находясь в Китае с дипломатической миссией, собрал обширный

материал о дальневосточных странах и по возвращении в Москву представил в Посольский приказ "Описание первой части вселенной, именуемой Азией, в ней же состоит Китайской государство с прочими его городами и провинциями"¹⁷.

Пак Тхэ Гын же считает, что относительно Кореи Спафарий всего лишь представил ее карту, да и та была им заимствована из труда иезуита-миссионера М.Мартини "Novus atlas Sinensis", опубликованного в Амстердаме в 1655 г. Донесения Ланге, касающиеся Кореи, были, по мнению Пак Тхэ Гына, действительно оригинальными и стали первой достоверной информацией, которую российское правительству получило о Корее. Отбывшее 4 марта 1721 года из Сеула посольство во главе с саынса (посланник, направляемый для выражения благодарности) Чо Тхэ Чхэ, поскольку в Хведонгване пребывал Ланге, остановилось в буддийском храме Хынъюнъса, а помощник посланника - пуса Ли Джон Син по пути из Ведомства церемоний в этот храм 1 мая видел русского у ворот Хведонгвана¹⁸. Несомненно, это был Ланге или кто-то из его людей, заключает Пак Тхэ Гын.

Заключение его скорее всего верное, но не следует забывать, что кроме Ланге и его спутников, в Пекине в то время находились и другие русские. В 1685 году многотысячное, хорошо вооруженное войско императора Канси сломало сопротивление казаков, оборонявших Албазин - русскую крепость на правом берегу Амура - и разрушило его. Остался в живых небольшой отряд защитников этого острога. Им было суждено навсегда остаться в Китае. Приведенных в Пекин албазинцев Канси причислил к наследственному военному сословию, включил их в свою гвардию под названием Русской сотни. Им отвели квартиры, назначили жалованье, дали в жены китайок и предоставили право исповедовать свою религию. В селении албазинцев на северо-востоке Пекина (жители называли ее по-своему - улица Сипайская¹⁹) селили и беглых крепостных с Нерчинского завода, предпочитавших жизни в неволе жизнь на чужбине. В китайском окружении вскоре дал о себе знать процесс языковой и духовной ассимиляции. Сохранение православия противостояло этому процессу. В 1685 году священник о.Максим, прибывший с другими албазинцами в Пекин, начал службу в бывшей буддийской кумирне, переделанной в православную часовню и получившей название Никольской. Более четверти века поддерживал он родную веру в сородичах, привлекая к ней и китайцев. Позже по приказу Тобольского митрополита Игнатия ему в помощь были присланы верхотурский священник Григорий и тобольский дьякон Лаврентий.

Петр I дальновидно оценил также и государственное назначение присутствия в столице православной общины и в своем указе от 18 июня 1700 г. повелел писать к Киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому), чтобы он "поискал в малороссийских своей области городах и монастырях из архимандритов и игуменов или иных знаменитых иноков и ученых и благого жития человека, которому бы в Тобольску быть митрополитом, и мог бы Божию помощью в Китае и Сибири в слепоте и идолослужении и прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение истинного, живого Бога, и привел бы с собою двух или трех человек, которые могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научиться"²⁰.

В 1713 году было принято решение об отправке в Китай 1-й русской православной миссии во главе с архимандритом Илларионом (Лежайским). Она прибыла в Пекин в 1716 г. и пробыла там до 1728 г. Известно, что глава миссии в 1717 г. скончался, однако службы в церкви Св.Николая продолжали вести прибывшие вместе с ним другие священники. В записках Джона Белла, посетившего Китай в составе посольства Л.В.Измайлова, сохранились свиде-

ния о том, что 6 декабря 1720 года, в день св. Николая, эту церковь посещал российский посланник и “слушал там обедню”²¹. Таким образом, люди, которых видел пуса Ли Чжон Син у входа в Хведонгван могли быть и русские священнослужители или жители русской слободы в Пекине.

Отбывший из Сеула 17 октября 1721 г. посланник в ранге чинджу чучхонъ-тонджиса Ли Гон Мён, поскольку в Хведонгване пребывал Ланге, остановился в Сиппанвоне²². 16 января 1722 года Ланге принял у себя лиц из свиты Ли Гон Мёна. Таким образом он стал первым русским, лично встретившимся с корейцами, пишет Пак Тхэ Гын²³. В “Пекинских записках” (Ханпходжэ ёнхэнънок) Ли Гон Мёна нет упоминания о встрече с Ланге. Его заместитель Юн Ян Нэ записок о пребывании в Пекине, видимо, не оставил. Трудно сказать, писал ли что об этом секретарь посольства Ю Тхак Ки, но в составленном им сборнике документов посольства “Чису Чэджип”, записки о пребывании в Пекине отсутствуют. Пак Тхэ Гын не теряет надежды, что они все-таки будут найдены²⁴. Однако это представляется весьма сомнительным, поскольку корейские посланники в эпизоде с Ланге явно предстают нарушителями определенных правил, установленных для них китайской стороной. Вряд ли они стали докладывать о своем проступке начальству, тем более что для них он прошел без особых последствий. Во всяком случае никаких документов с жалобой на послов из Китая в Корею послано не было. С Ланге обошлись по-другому.

16 июня 1722 года (28 июля по солнечному календарю) он был выслан из Китая. Как одна из причин этого упоминается его несанкционированная встреча с корейскими представителями, которая вызвала серьезное недовольство китайского правительства. Одновременно с высылкой Ланге была прервана и сухопутная торговля, предусмотренная по Нерчинскому договору, и китайско-русские отношения впали в крупнейший после договора кризис. Побывавший в Пекине в 1725 году переводчик Ким Ген Мун указывает на симптомы нормализации отношения Пекина к России: “Уже прошло 3 года с тех пор, как Китай закрыл пограничные кордоны и полностью перекрыл всю торговлю, по настоятельной просьбе “большеносых” вскоре, вероятно, опять ее откроет”²⁵. Это краткое донесение тем не менее очень точно, ибо действительно тогда прошло три года со дня высылки Ланге, которая, судя по всему, и стала сигналом к прекращению китайско-русских отношений, пишет Пак Тхэ Гын.

Интересно, что вплоть до начала XIX века в донесениях корейских посланников из Пекина русские неизменно именовались “тэби” или “тэби тальджа”, что означает “большеносые” или “большеносые татары”, а в Европе татарами называли китайцев и корейцев. Это видно из названия труда Н.Витсена “Северные и восточные татары”, а также из содержания записок Идеса, который, в частности, писал: “Северные татары населяют собственно Китай, который состоит из пяти провинций, а именно: Пекин, Шаньдун, Шаньси, Шэньси и Хэнань - или даже семи, если к ним причислять Ляодун и полуостров Корею”²⁶. Пак Тхэ Гын отмечает, что это выражение - “татары” - было уничижительным. Корейские посланники в Пекине чаще всего употребляли это выражение по отношению к проживавшим там монахам из российских православных миссий. По мнению южнокорейского ученого, это было закономерно, поскольку “их общий уровень был низок, и они не пользовались таким уважением, как скажем, иезуиты. Их религия была непонятна, а кроме того, они предавались пьянству и часто прибегали к рукоприкладству”²⁷.

Ссылаясь на публикации Института новой истории при Академии наук Китая, он сообщает, что состоявший во второй (1729-1735) духовной миссии

Иоасаф Ивановский однажды ворвался в присутственное место и избил пытавшегося остановить его чиновника. Его коллега по той же миссии Иоанн Филимонов, поспорив с главой миссии архимандритом Антонием Платковским, нанес ему ножевое ранение в руку, за что был выслан из страны по решению китайского правительства. Стажер шестой (1771-1781) миссии Яков Коркин нанес телесное повреждение китайцу, за что был подвергнут наказанию²⁸. "Глава третьей (1736-1745) миссии Илларион Трусов вел себя непристойно, переодеваясь для смеха в одежду китайянок и появляясь в таком виде на публике. Он не соблюдал церковной службы, неоднократно подвергал нижестоящих поруганию, за что китайцы называли российскую духовную миссию "вертепом". В начале 1741 г. московское правительство приняло решение об отзыве Трусова после того, как бывший стажер Россохин и стажер Владыкин сообщили по инстанции о его бесчинствах. Трусов отзыва не дождался, ибо умер 17 марта 1741 г."²⁹. Китаеведов среди русских было мало - Россохин, Владыкин, Леонтьев, сообщает Пак Тхэ Гын. Когда стажеры миссии переводили, перевод был крайне неудовлетворительным.

Южнокорейский исследователь приводит в переводе на корейский язык несколько выдержек из донесений и записок корейских послов, где они рассказывают о своих встречах с русскими в Пекине. Указывая авторов, их должностную принадлежность, название литературного произведения, он, к сожалению, почти не сообщает выходных данных источников, откуда они извлечены. Поэтому и в данной статье выдержки и комментарии к ним приводятся в том виде, как их публикует Пак Тхэ Гын.

"Путевые заметки" Ли Юн Сина из свиты посланника, носившего титул "накчхангун". Запись от 20 октября 1735 г. по лунному календарю (11-ый год правления Енъджо)³⁰.

Окхагван - "Павильон яшмовой реки" - место, где пребывают корейские посланники. Недалеко от него живут "большеносые татары". Шестеро их пришли к нам и мы вместе пили чай и водку. Их страна находится к западу от Китая. Ее западный край от Китая отдален на 20 тысяч ли, а восточный лежит недалеко от Монголии, на расстоянии не больше 60 дней хода от Китая. Дорога к ним лежит от ворот Окмунгван вдоль реки Рангьмунха. С китайцами они заключили братский договор и вот уже 6 лет находятся здесь посланниками, видно, заложники. По одежде они как китайцы, по виду большие и некрасивые. По их словам, их страна больше Китая... Есть крепости, а также государь и подданные."

Комментируя отрывок, Пак Тхэ Гын пишет, что это первое упоминание в корейских документах Кяхтинского договора, который автор заметок ошибочно толкует как "братский". Впервые встретившись, люди доселе неведомых друг другу стран естественно хвалят свою родину, поэтому-то русские и сообщили, что их страна больше Китая. Желая подчеркнуть, что их страна цивилизованная, они упомянули о крепостях и государе, считает Пак Тхэ Гын.

"Дневник о путешествии в Пекин (Енхэнь ильги)" Хонъ Чханъ Хана, сопровождавшего во время визита в Арасагван направленного для изъявления благодарности китайскому императору и получения календаря посланника - чиновника 4 ранга (саын-тонджиса), носившего титул "наккун", а также вице-посланника Мин Хэнь Иля. Записи от 15-16 января 1741 года по лунному календарю (40-й год правления Енъджо).

"Большеносый", с которым мы встречались накануне, очень обрадовался и, препроводив нас в комнату, три раза подряд предложил испить водки и чаю. Поставив на резной маленький столик и наполнив три рюмки водки, он лично поднес ее каждому из нас. Всякий раз, когда мы брали водку, он на-

клонял голову, стараясь максимально соблюсти обычаи вежливости. Он очень хвалил и со вкусом ел вяленые морские ушки и палтус, а затем выложил перед нами маленькие квадратные ручные зеркала, серебряные деньги с изображением людей и маленькие медные монеты штук шесть-семь, а также по ножницам на каждого.

Хотя он упраскивал нас не уходить, но с заходом солнца мы встали. Он проводил нас до центрального выхода. Переводчик переводил плохо, от чего у него было тоскливое выражение на лице. Он сказал, что несказанно рад, что дважды встретился с людьми из неведомой страны.

На следующий день вице-посланник послал в благодарность за прием "большеносому" бумагу, веера и вяленый палтус, а я отправил ему со слугой два рулона бумаги, пять разноцветных вееров и двое щипцов для выдергивания волос. "Большеносый" очень обрадовался и в благодарность послал два зеркала, два кремня и десять медных монеток. Пуса получил зеркало, украшенное несколькими десятками жемчужин, и кожаный кошелек. Их зеркала очень хороши".

Комментируя это донесение, Пак Тхэ Гын отмечает обходительность русского человека по отношению к корейским гостям и выражает мнение, что в этом дипломатическом документе отразилась красота человеческих отношений и естественная радость людей при встрече³¹.

Судя по дате, "большеносым" в данном случае был вышеупомянутый архимандрит Илларион Трусов.

"Тамхон енги (Записки Тамхона о путешествии в Пекин)" Автор - Хонъ Дэ Ен (псевдоним Тамхон) - сопровождал в Пекине посланника, носившего титул "суныйгун", чиновника 4 ранга, направленного для выражения благодарности и получения календаря от императора. 2 ноября 1765 года по лунному календарю.

"Большеносые татары" живут в России и являются одним из племен монгольской расы. Все они большого роста, отвратительные и свирепые, за что в нашей стране их и зовут "большеносыми". Их страна находится далеко за пустыней, и оттуда вывозят на продажу меха и зеркала. Все, что наши люди покупают из этого на пекинских рынках - это именно их товары. Они живут в Окхагване. Я несколько раз собирался туда пойти, но не пошел, поскольку и в Амуне (министерстве - Т.С.), и переводчики меня отговаривали. По их словам, 10 лет назад несколько "большеносых" на рынке совершали насилие, неуважительно себя вели по отношению к женщинам. Уговоров они не слушали, а дрались, из-за чего произошло смертоубийство. Император услышал об этом и приказал их схватить и казнить. Несколько лет назад один переводчик пошел к ним купить меха, но "большеносые" спустили на него собак, так что ему пришлось отбиваться ножом.

Как-то раз один переводчик пошел к ним и увидел один механизм - круглый, гладкий по краю, с множеством нарисованных кружочков..., из которого доносился тихий звук. Он не знал, для чего это нужно, но предположил, что это разновидность часов. Их обычаи донельзя глупы и невежественны, так что странно, что у них могут быть такие механизмы."

Пак Тхэ Гын отмечает, что написавший это донесение сирхакист Хонъ Дэ Ен считал, что в отличие от европейцев, о которых он судил по священникам, с которыми не раз встречался, посещая католические храмы, русские являются варварами³². В том интересе, который проявляли корейские гости Арасагвана к зеркалам и мехам из России, южнокорейский исследователь видит некоторые зачатки торговли³³.

Хон Дэ Ен посетил Пекин во время пребывания там 5-й (1755-1771) духовной миссии, которую возглавлял архимандрит Амвросий (Юматов).

С начала 19 в. из "Ёнхэнънок" постепенно исчезает уничижительное прозвище "большеносые татары", что, по мнению Пак Тхэ Гына, во многом было связано с ростом авторитета миссии, расширением непосредственных контактов. Представляется, что здесь немалую роль сыграл глава девятой (1807-1821) духовной миссии в Пекине, архимандрит Иакинф (Бичурин). Это был блестящий знаток китайского языка, культуры и обычаев, выдающийся ученый, которого также с полным основанием можно считать и основоположником научного корееведения в России. Он первым перевел на европейский (русский) язык ряд китайских древних летописей, в которых была и часть, посвященная Корее. Корейские посланники, встречавшиеся с Бичуриным, вряд ли знали о его научных изысканиях, но то, что русский монах изучал корейский язык, явно не могло не произвести на них большого впечатления. Как писал о.Иакинф в письме обер-прокурору Синода А.Н.Салтыкову в феврале 1810 г., "время позволяет мне учиться сверх китайского и манджурского еще по несколько мунгальскому, тибетскому и корейскому"³⁴. Очевидно, что именно Никита Яковлевич Бичурин может считаться первым русским, изучавшим корейский язык.

Пак Тхэ Гын не приводит никаких выдержек, свидетельствующих о том, что глава девятой русской духовной миссии встречался с корейскими посланниками. С некоторой долей неуверенности он сообщает, что есть сведения, что 8 апреля 1821 г. человек по имени Ли Ю Хо(?) из свиты Ли Чжо Вона, чиновника в ранге чинха-саынса (в его обязанности входило выражение соболезнований в связи со смертью императора³⁵ и участия в похоронах), встречался с Иакинфом в Арасагване, а до этого с ним встречался сын Ли Ю Хо. Судя по всему, это произошло в то время, когда Иакинф сдавал дела своему преемнику, главе девятой миссии Петру Каменскому, ибо Пак Тхэ Гын сообщает, что в тот же день Ли Ю Хо виделся и с последним³⁶.

Вероятно, контакты Бичурина с корейцами не ограничились вышеупомянутыми. В составленном им "Описании Пекина" есть отрывок, позволяющий предполагать, что он если не лично посещал их подворье, то проявлял к условиям и обстоятельствам их жизни определенный интерес.

"В подворье "Гаолигуань", или Корейском подворье, останавливаются корейцы, приезжающие ежегодно с данью китайскому двору. Подворье худо выстроено и содержится еще хуже. Приезжающие корейцы по большей части делают для себя в покоех рогоженные шалашики, в которых и проводят зиму. Даже первый посланник занимает места не более полукомнатки перегороденной"³⁷. Корееведческое наследие Бичурина еще ждет своих исследователей.

Ссылаясь на русские материалы, Пак Тхэ Гын кратко упоминает о встрече 3-4 апреля 1821 г. чиновника Министерства иностранных дел, пристава Е.Тимковского с переводчиками корейского посольства Ваном и Чэ, которые продемонстрировали ему некоторое знание о российско-китайской торговле в Кяхте. Корейский исследователь приводит как официальное мнение следующее высказывание Тимковского, сделанное им после этой встречи: "Наша Северо-Американская компания при счастливейших обстоятельствах могла бы войти в торговые связи с Кореей, основав новый порт где-нибудь на берегу Восточной Азии"³⁸.

"Ю Ен Го (Черновые записки о путешествии в Пекин)". Хонъ Сок Мо из свиты чиновника 4 ранга Хонъ Ый Чжуна. Посетил русскую духовную миссию 23 декабря 1826 г. по лунному календарю (20 января 1827 г.)

“В комнате находился седовласый старец в черном головном уборе и в черной одежде. Судя по внушительному поведению - старший. Фамилия - Па. Возраст, сказал, 63 года. Еще сказал, что Ке и Ле приблизительно по 30 лет... Старец приказал молодым подать водку и предложил ее, выказав чрезвычайное почтение к гостям. Все книги, лежавшие на столе, были западные.

Я спросил о российских размерах, географии, обычаях, товарах, крепостях, государе и подданных, в ответ на что переводчик Ке, едва писавший иероглифы, дал такой ответ. Нашу страну правильно называть “Насоа”, а китайцы называют “Араса”. Это неправильное название. Размеры нашей страны от Балтийского моря на западе до Великого моря на востоке свыше 50 тысяч ли, а от северного моря до южной границы - свыше 10 тысяч ли. Восточная граница нашей страны не так далека от Кореи - не больше 2-3 тысяч ли, и если из вашей страны плыть морем, можно достичь нашей страны. Знаете ли вы Амур? Эта река течет из северо-восточной части нашей страны через ее границу. Также в нашей стране много знаменитых гор - это Урал, Кавказ, Сибирские горы. Есть и большие реки, среди которых особенно известны Волга, Днепр, Дунай, Енисей, Лена, Обь, Северная Двина, Западная Двина. Товары не слишком отличаются от китайских, но чая и женьшеня нет. Чиновных рангов всего 14, фамилия императора Романов. Он два года назад взшел на престол”.

Как указывает Пак Тхэ Гын, это записки Хонъ Сок Мо, автора “Тонъ-гук сесиги” (Хроника Восточного государства). В Пекине он сопровождал своего отца Хонъ Ый Чжуна. Его сообщение изобилует подробностями и отличается точностью - отличительная черта писателей-приверженцев движения за реальные науки “сирхак”. Автор точно передал русские имена и географические названия, а упоминаемый император - это 14-ый правитель рода Романовых Николай I (1825-55). Его собеседниками, разговор с которыми велся на бумаге по-китайски, были глава десятой (1821-1830) духовной миссии Петр Каменский и стажеры Климский и Захар Леонтьевский. Фамилия “Па” образована от имени Петр. Ке - Климский, Ле - Леонтьевский.

“Пуен ильги” (Пекинские записки) неизвестного автора, принадлежавшего к свите посланника в ранге чинхаса, носившего титул “намджонгун”. Посетил русскую духовную миссию 25 июня (по лунному календарю) 1828 года.

“Осматривая здание, мы прошли какой-то закоулок, и увидели строгого вида варвара с кистью в руках. Очень крепкого телосложения и с большой бородой. Он сел, откинувшись на стул, и сказал, что его зовут Кан-по-ла. В миссии он уже 8 лет, возраст - 63 года, его страна по величине составляет 28 тысяч ли и что через два года он возвращается домой. Он давал мне книгу, но я отказался. Тогда варвар сказал: “В нашей стране эту книгу читают высокопоставленные чиновники и образованные люди”. Поскольку я принял от него угощение - яблоки и другие фрукты, то в благодарность за прием дал ему лекарство от сердечной болезни и табаку, но они отказались, сказав, что не курят. Принимая нас, они были очень обходительны, показывая вежливость от самого входа. Все эти люди уже давно находятся на чужбине, видно, тоскуют от одиночества. На простолоудинов не похожи. Привычки их странные. Почему, находясь в Китае, они не улучшили свои плохие обычаи? Их учение чрезвычайно странное и непонятное. Странное и здание церкви. Она бросается в глаза, но ее посмотреть тоже нельзя. Определенно, перед возвращением домой я буду настоятельно просить наших людей, прибывающих в Пекин, не посещать Арасагван. За воротами Сонмумун в восточной части у стены находятся еще один “западный дом” и церковь. Снаружи кажущееся величественным и причудливым это здание лучше Окхагвана. Говорят, там

есть много достойного того, чтобы посмотреть. После "синю саок"³⁹ никто из корейцев в эту церковь не ходил. "А-ра-са" (Россия) - по-китайски звучит как "О-ра-са". В нашей стране зеркала называют "о-ри-све". Они считаются русским товаром. Может и название страны "О-ра-са" пошло отсюда?"

И этот автор встречался с Петром Каменским. Пак Тхэ Гын выражает сожаление, что он проявил большой консерватизм и не только не побеседовал подробнее с русским монахом и отказался от его подарка - книги, но и даже счел посещение миссии напрасным⁴⁰.

"Симджонго" (Записки Симджона) Пак Се Хо из свиты посланника (тонджиса) Хонъ Ги Соба, посетившего Арасагван 3 января (по лунному календарю) 1829 г.

"Арасагван находится рядом с Окхагваном, и если пройти через двое внутренних ворот, там стоит высокий павильон с многоярусной крышей, посреди которого висит картина с изображением умирающего голого мужчины с распущенными волосами и закрытыми глазами. Мы ей немало удивились. Мы спросили, кто их бог, на что нам ответили, что это наследный принц, сын царя России, убитый китайцем и ставший духом, а еще вроде сказали, что это изображение убитого Маттео Риччи⁴¹. Так чему верить? Зеркала - особый товар в этой стране, и они очень хороши. Внутри Арасагван очень опрятный, и все внутри убрано роскошно. Навстречу нам вышел какой-то человек и с трудом произнес приветствие на нашем языке. На столе было много книг на маньчжурском и китайском языках. Они были переведены на русский язык аккуратным почерком, и буквы похожи на санскрит. Также на столе находились часы с боем, очень изысканные.

Я спросил у русского: "Каково расстояние отсюда до вашей страны?" Он ответил, что больше 20 тысяч ли. Я спросил, каков размер страны, и он ответил, что раза в три больше, чем Китай. Та страна прилегает к северному морю и ее ширина и длина очень велики."

Судя по этому отрывку, в миссии Петра Каменского продолжали изучение корейского языка. Пак Тхэ Гын называет его единственным местом в "Енхэньнок", свидетельствующим об изучении корейского языка русскими монахами в Пекине. Пытаясь объяснить смысл запутанной фразы о картине и русском боге, Пак Тхэ Гын предполагает, что двойной ответ подразумевал, что там висело два портрета - императора Николая I и его супруги⁴².

Нет сомнения, что Пак Тхэ Гын внес немалый вклад в изучение начального периода российско-корейских контактов, переведя на современный корейский язык выдержки из "Пекинских дневников" и прокомментировал их содержание. Тем не менее, комментарии этого ученого противоречивы, а подобранные факты оставляют впечатление заданности и тенденциозности. Он остается в рамках традиционных представлений корейской историографии, где вот уже много десятилетий принято писать о России только с отрицательной стороны⁴³.

Неоднократно подчеркивая положительный аспект встреч корейцев и русских в Пекине на протяжении почти 150 лет и придавая им большое познавательное значение, Пак Тхэ Гын тем не менее заостряет внимание на "пьянстве и рукоприкладстве" в русских духовных миссиях, выдавая единичные примеры за правило, и неоднократно пытается объяснить поведение своих далеких предков с точки зрения современного южнокорейца старшего поколения, историка, воспитанного на английских и японских материалах в условиях "холодной войны" и закона об антикоммунистической деятельности. Он настаивает, что "русские для корейцев не являлись носителями передовой западноевропейской цивилизации и, кроме меха, у них не могло быть ничего,

достойного внимания". Но представлялась ли Западная Европа корейцам, жившим в 17-19 веках в обстановке, где все было пропитано "садэджубый" - преклонением перед "старшим братом" - Китаем, носительницей передовой цивилизации? Вряд ли. Иначе бы судьба дальневосточных государств в XIX веке сложилась по-другому.

Авторитет русской духовной миссии в глазах корейцев в XIX веке возрос не столько потому, что число случаев недостойного поведения ее членов уменьшилось, сколько потому, что по мере развития общества в обоих странах стала размываться четкая и резкая обособленность, какая существовала в средневековье между "своими" и иностранцами; что к началу XIX века в русской миссии были накоплены огромные знания, позволявшие лучше ориентироваться в политической ситуации внутри Китая и за ее пределами; что в обеих странах стало активно развиваться стремление к познанию мира вокруг себя (не случайно многие из авторов "Пекинских дневников" были сторонниками передового движения "сирхак"), что производительные силы подталкивали к большому торговому обмену. Если бы Пак Тхэ Гын с меньшей предубежденностью читал те русские и китайские материалы, которые приводятся в сносках к его статье, он бы узнал, что русская духовная миссия в Пекине была уникальным религиозным, культурным, научным и дипломатическим учреждением, аналогичных которому не имело больше в Китае ни одно другое государство.

Цинские сановники очень считались с мнением сотрудников миссии и часто обращались к ним за справками по самым разным вопросам. В период гонений на католиков во второй половине XVIII века китайское правительство предлагало русским миссионерам занять ученые посты, занимавшиеся ранее католическими учеными. Предложение это неоднократно повторялось. Среди членов миссии было достаточно ученых, которые могли бы с успехом занять эти посты, но русские миссионеры отклонили от себя высокую честь, опасаясь быть втянутыми в придворные интриги⁴⁴.

Православная миссия долгие годы была своего рода школой высших практических и научных знаний во всех областях китаеведения. Многие именитые русские синологи, лица духовные и светские, провели в этой школе долгие годы, изучая языки и письменности, религии, нравы, обычаи, историю, литературу народов Дальнего Востока - Китая, Маньчжурии, Тибета, Монголии. Из учеников и членов Миссии вышли первые российские профессора китайского и маньчжурского языков - архимандриты Сивиллов (1798-1871), О.П.Войцеховский (1793-1850), К.А.Скачков (1821-1883), И.И.Захаров (1816-1885), Д.А.Пещуров (1833-1913). Членом-корреспондентом Петербургской академии наук с 1819 г. был ученик 8-й миссии (1793-1808) и начальник 10-й миссии (1821-1830) архимандрит Петр (Каменский). Глава 9-й миссии (1807-1821) архимандрит Иакинф (Бичурин) трижды был удостоен Демидовской премии, состоял членом-корреспондентом Петербургской академии наук (с 1828 г.), членом Азиатского общества в Париже. Автор большого китайско-русского словаря и многих капитальных трудов по истории Китая и Монголии, истории религий Китая архимандрит Палладий (Кафаров) с перерывами работал в миссии на протяжении почти 40 лет⁴⁵. И этот список можно продолжать. Нельзя забывать и о той высокой моральной, духовной роли, которую играли члены миссии как пастыри православной русской общины, волею судеб оказавшейся далеко за пределами России.

Что же касается фактов, которые приводит Пак Тхэ Гын, то они действительно имели место. Опубликованы они и в русской исторической литературе⁴⁶. Но жизнь - это не торная дорога, и люди в ней - не собрание из му-

зая восковых фигур. Тяготы быта и долгие годы жизни, проведенной на чужбине, нередко трагически сказывались на судьбах русских миссионеров, но их лучшая часть несмотря ни на что продолжала служить Вере и Отечеству. Жаль, что южнокорейский исследователь, посвятивший немало времени изучению корейско-русских контактов в Пекине, не захотел или не смог этого понять.

1. Пак Тхэ Гын. Росиа-ый тонъбан кёнъян-ква сутё иджон-ый ханно кёсоп (Россия в чужих землях на Востоке и русско-корейские контакты до установления дипломатических отношений) // Сб. "Ханно кванге 100нёнса" (100 лет корейско-русских отношений). Сеул: Общество по изучению корейской истории, 1984. С. 32-33. Далее: Пак Тхэ Гын...
2. "Тонъмун хвиго" был составлен Ведомством посольских дел (Сынъмувон) по приказу короля Чонъджо в 1784-1788 гг. Первоначально он состоял из основной части (60 книг в 129 томах) и приложения (36 томов) и охватывал период с правления короля Инджо (1623-1629). В дальнейшем был дополнен материалами за 1787-1881 гг. "Свод" включает не только собственно дипломатические донесения и правительственные директивы, касающиеся визитов корейских послов к китайскому двору и в министерства по случаю национальных торжеств, для приветствий и поздравлений, выражения соболезнований, осведомления о здоровье и т.д., но и информативно-пояснительные материалы относительно межгосударственного торгового обмена, пограничных вопросов, лунных и солнечных затмений, календаря, необычных событий и прочего.
3. Пак Тхэ Гын. С. 20.
4. Казанин М.И. Комментарии к "Запискам о русском посольстве в Китай (1692-1695)", Идеса И. и Бранда А. М., 1967. С. 374.
5. Концевич Л.Р. Росиа-есой чонтхонъджогин хангукхаг-ый пальчонса, хёнхванъ-гва мундждечом (История традиционного корееведения в России, современное положение и проблемы) в сборнике трудов корейского общества билингвизма (Иджунъ оно хаххведжи) № 11. 1994. С. 129.
6. Идес И. и Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692-1695). С 196. Далее Идес И. и Бранд А...
7. Там же. С. 205.
8. Там же. С. 295.
9. Корейцы болезненно относятся к современному названию моря к востоку от полуострова "Японское", отстаивая ту точку зрения, что в старинных документах оно называлось "Корейским" или по меньшей мере "Восточным", как это принято в современной корейской картографии.
10. Идес И. и Бранд А. С. 370.
11. Пак Тхэ Гын. С. 21.
12. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай. 1675-1678 гг. СПб, 1906. С. 61.
13. Идес И. и Бранд А. С. 310.
14. Статейный список пребывания в Китае сына боярского Агапита Плотникова. "Дополнения к Актам историческим". X. СПб. 1867. С. 279.
15. Пак Тхэ Гын. С. 21.
16. Статейный список посольства Н.Спафария в Китай. 1675-1678. СПб, 1906. С. 61.
17. Пак Б.Д. Россия и Корея. М. 1979. С. 27-28.
18. Ли Чжон Син. Рёгонъ юго (Записки, оставленные Рёгоном). Тт. 7-8, "Ёнхэньнок"; Пак Тхэ Гын. С. 22.
19. Идес И. и Бранд А. Примечания. С. 317.
20. Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. Вып. 1. СПб., 1993. С. 6. Далее: Православие на Дальнем Востоке. Вып. 1.
21. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1700-1725. М., 1978. С. 526. См. также Новгородская Н.Ю. Роль и место Российской духовной миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (конец XVII-XVIII в.) Сб. "Православие на Дальнем Востоке". Вып. 1 С. 10.
22. Ли Гон Мен. Ханпходже ёнхэньнок. Ханпходже - псевдоним автора.

23. Несмотря на то, что биографические данные Ланге чрезвычайно скудны, скорее всего он был шведом, родом из Стокгольма. См. Staffan Rosen. *Lorens Lange and Early Russian-Korean Contact*. Доклад на международной конференции в С.-Петербурге "100 лет Петербургскому корееведению", 14-16 октября 1997 г. (приложение). Таким образом, Ланге был первым русским чиновником-инностранцем, встретившимся с корейцами.
24. Пак Тхэ Гын. С. 22.
25. Пак Тхэ Гын, там же. Тонгмун хвиго. Том 4. Приложение "Сасин".
26. Идес И. и Бранд А. С. 246.
27. Пак Тхэ Гын. С. 27.
28. Там же. С. 23-24.
29. Там же. С. 27.
30. Тонгмун хвиго. Дополнения. Т. 5. "Сасин".
31. Там же. С. 25-26.
32. Весьма любопытное замечание, поскольку по китайской традиции (а корейцы им строго следовали) любые иностранцы, в том числе и европейцы, назывались "варварами". Почему высокопоставленный чиновник и верный подданный Хонь Дэ Ен выпадает из этой традиции, остается загадкой.
33. Пак Тхэ Гын. С. 27.
34. Тихвинский С.Л., Пескова Г.Н. Выдающийся русский китаевед о.Иакинф (Бичурин) (к 220-летию со дня рождения) Сб. "История Российской духовной миссии в Китае". М.: Изд-во Свято-Владимирского братства. 1997. С. 171.
35. Китайский император Цзяцзин (1796-1821).
36. Пак Тхэ Гын. С. 28.
37. Иакинф. Описание Пекина, с приложением плана сей столицы, снятого в 1817 году. Спб., 1829. С. 50. См. также Идес И. и Бранд А. С. 310.
38. Timkovskij E. *Travels of the Russian Mission through Mongolia to China, and residence in Peking, in the years 1820-1821*. London 1827. 2 vols. vol. 2. Pp. 94-104. Пак Тхэ Гын. С. 28.
39. Принятый к корейской историографии термин для обозначения первого гонения на христиан в Корее в 1801 году.
40. Пак Тхэ Гын. С. 30-31.
41. Риччи, Маттео (1552-1610)- итальянец, иезуит, первый проповедник христианства и основатель первых христианских общин в Китае.
42. Пак Тхэ Гын. С. 32.
43. Подробнее об этом см. Симбирцева Т.М. Некоторые оценки южнокорейскими историографами характера российско-корейских отношений в XIX веке // Сб. "100 лет петербургскому корееведению". Спб., 1997. С. 73-79.
44. Ипатова А.С. Празднование 250-летия Российской духовной миссии в Китае (1935 г.) // "Православие на Дальнем Востоке". Вып. 1. С. 81.
45. Вышеуказ. сборник. С. 6-7.
46. См., например, История Российской духовной миссии в Китае. С. 162.

Культура

Образ Китая в России (до 1917 года)

1998

А. Лукин

(Окончание. Начало см. в ПДВ № 5, 1998 г.)

Русские ученые-востоковеды о Китае

Подход большинства русских ученых-востоковедов к Китаю в XIX веке существенно отличался от радикально-западнического подхода и по ряду вопросов был противоположен ему. Изучение Китая в России имеет многовековую историю: его зарождение можно отнести к первым посольствам, направляемым в Китай с XVII века.¹ Однако комплексное оригинальное изучение Китая, пожалуй, началось с Бичурина. Он заложил основу российской китаеведческой традиции, которая характеризовалась недоверием ко вторичным западным описаниям, стремлением к работе с оригинальными источниками и глубоким уважением к культуре изучаемой страны, которое порой переходило в ее идеализацию.²

Линию Бичурина продолжили многие известные востоковеды: В.П.Васильев, С.М.Георгиевский, А.О.Ивановский и другие. Их позиция резко противостояла мнениям и рекомендациям Пржевальского. Одной из своих важнейших задач они видели в том, чтобы разрушить распространенные стереотипы о застойности китайского общества, господство которых они объясняли некритическим заимствованием расхожих европейских представлений. В книге "Важность изучения Китая" Георгиевский писал: "Заявление некоторых синологов, что Китай есть историческая окаменелость, пришлось по вкусу европейцам вообще, так как отсутствие конкуренции льстило их самолюбие, и европейским философам в особенности, так как давало им возможность нестесненнее располагать исторический материал и подгонять его под априорно выведенные формулы".³ Он критиковал русскую публику, за то, что она "была расположена относиться с сочувствием к тем журнальным и газетным статьям, в которых (малярно-карикатурным образом) Китай обрисовывался государством полудиким, уродливым, застоявшимся" и высказывал мнение, что изменить ситуацию может издание большего количества научных

* Лукин Александр Владимирович, доктор политологии, научный сотрудник Центра международных исследований МГИМО МИД РФ и Центра восточно-азиатских исследований Гарвардского университета, США.

Автор выражает благодарность за содействие в подготовке материала доктору исторических наук Е.Б.Поршиевой

трудов по Китаю.⁴ Он высоко оценивал китайскую культуру и не считал ее препятствием для прогресса.⁵ Видя перспективы развития Китая, он, в отличие от Пржевальского, положительно оценивал китайскую политику России и выражал убеждение, что лучшее знакомство с китайской культурой приведет к изменению взгляда на население Китая, государства «многовекового, многомиллионного, связанного с нами узами той дружбы, которою в будущем может обеспечиваться мир всего мира, на благо живущих в нем племен и народов». Он даже предвидел «то время, когда всякие комбинации политических владычеств будут обуславливаться в мире соизволением двух громаднейших соседних империй, связанных узами неразрывного мира и тесной дружбы».⁶

Еще более оптимистично оценивал роль Китая в будущем В.П.Васильев. Он признавал отсталость Китая от Европы, однако считал, что Китай отстал не во всех областях. Культура, литература, моральная философия, социальное и политическое устройство в Китае развито не меньше, а, может быть, и больше, чем на Западе. «Надобно знать китайскую литературу, чтобы видеть, как много китайцы разработали общечеловеческие вопросы, углублялись в смысл каждой буквы тех книг, которые их затрагивают. Гуманность, правда, порядок, развитие умственных сил, честность — вот самые существенные вопросы китайских теорий», — писал Васильев.⁷ Китайскую политическую систему, по мнению Васильева, нет оснований считать самой деспотической, напротив, «по принципам китайское правление едва ли не самое образцовое»⁸. Согласно Васильеву, в Китае в правители выбираются самые даровитые и образованные лидеры, руководство открыто для контроля, отсутствует цензура. Хотя там и нет формальной конституции, «едва ли не все китайские законы подтверждают эту конституцию на деле».⁹

По мнению Васильева, Китай отстал от Запада в области современных науки и образования. Причина этого отставания — курс маньчжурских властей Китая на закрытие страны, действия правительства, которое два с половиной века держало народ в «неведении о том прогрессе, который совершался в материальной обстановке других стран». Именно в этом кроется тайна китайского застоя.¹⁰ Развивая эту идею, Васильев указывал: «Запад силен не своей общественной жизнью, но своими уставами и наукой. Эта-то наука и должна быть перенесена на китайскую почву... Китайцами, равно как и всем человечеством, должны быть усвоены все новейшие европейские усовершенствования и открытия в области физики, механики, химии, технологии, мореплавания, астрономии и т.п.»¹¹

На этом пути Китай уже сделал определенные успехи. Анализируя развитие Китая после проникновения туда Запада, Васильев подчеркивал успехи Китая на пути прогресса: развитие промышленности, образования, рост внешней торговли и т.п. Конечно, отмечает Васильев, китайцы не усвоят всех особенностей европейского быта, что им и не нужно, но они рано или поздно возьмут из европейской культуры все лучшее. По мнению Васильева, «Китай имеет все данные, чтоб достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне. Китайская ученость старого времени, хотя и не удовлетворительна, но она приучила их к критике, к глубокой, тщательной разработке предмета. Тысячелетнее существование нации, устраивавшей всю жизненную обстановку собственными средствами, собственным соображением,

придумыванием, обещает, что и новейшие открытия других народов по физическим предметам найдут в них усердных продолжателей и изобретателей".¹²

Васильев убежден, что "китайцы могут отличиться и в артистическом и художественном отношении." Больше того, "нет ремесла, нет промысла, нет ни одной торговой ветви, в которой за китайца можно было бы бояться, что он отстанет от других. И так как все это будет сделано тщательно и дешево, то мир может быть завален китайскими товарами." В результате дело может дойти до того, что "китаец захватит все рынки и промыслы всего света."¹³ По мнению Васильева, китайская армия вскоре также сможет превратиться в сильнейшую в мире, так как в Китае для этого незачем даже производить рекрутские наборы: желающие всегда найдутся. В отличие от Пржевальского, Васильев считал китайских солдат нисколько не менее мужественными, чем европейских, а поражения китайской армии от европейских объяснял отсталым вооружением. Он утверждал: "вместо лука и сабли дайте в руки китайскому солдату штуцер, и, поверьте, он будет стрелять из него так же проворно, как и английский солдат."¹⁴

Васильев предсказывал, что бурное развитие Китая может привести к росту политического могущества страны. После того как будут заселены пустующие земли, которые входили в Китайскую империю, "явится обширная империя с миллиардом народа развитого и деятельного". Китай вполне "сможет захватить острова Восточного океана" и "угрожать России и Индии, Америке и Западной Европе". Васильев предсказывал даже, что "при силе у него достигнет бессердечия вырезать всех непокорных, хоть весь мир", и "весь мир будет населен одними только китайцами."¹⁵ В то же время, Васильев предусматривает и перспективу продолжения китайского застоя, к которой может привести отказ страны от принятия достижений западной науки и продолжение деградации населения под влиянием курения опиума.¹⁶

Имея в виду перспективу превращения Китая в мощную державу, Васильев считал, что враждовать с ним не следует. Кроме того, по его мнению, сильный и промышленно развитый Китай не будет угрожать России, так как он будет нуждаться в экономическом сотрудничестве с ней. В связи с этим российский китаист, интересы которого были необычайно широки, не только в научных исследованиях, но и в докладах, направляемых в правительственные учреждения, решительно отстаивал курс на добрососедские отношения с Китаем. Он выступал (хотя и не всегда последовательно) за возвращение Китаю Илийского края и его центра Кульджи, оккупированного Россией в 1871 году. Позднее Васильев возражал против строительства КВЖД и ее продолжения до Порт-Артура. Указывая, что захват Порт-Артура российское правительство оправдывало захватом Англией Вэйхайвэя, Васильев предсказывает, что вскоре Китай окрепнет, и заставит Англию освободить Вейхайвэй, "тогда мы и сами добровольно уйдем и из Порт-Артура и с железной дороги".¹⁷ Наконец, Васильев составил проект российско-китайского договора, который фактически представлял собой договор о стратегическом союзе. Проект начинался словами: "Два великих соседних государства представляют для всего света небывалый пример самых дружеских, не нарушенных ни разу в продолжении 230 с лишком лет сношений", а первый пункт гласил: "Друг одного государства будет другом и другого, враг одного будет врагом другого".¹⁸

Взгляды, высказываемые Георгиевским, Васильевым и другими согласными с ними востоковедами можно определить как умеренно-западнические. Они не расходились с Соловьевым или Пржевальским в вере в европейский прогресс, но считали, что некоторые восточные общества, прежде всего любимый ими Китай, способны не только воспринять достижения

европейской цивилизации, но и, используя их в соответствии с собственными традициями и нуждами, возможно, превзойти Европу. Предсказания Васильева о будущем мира, в котором Китай будет доминировать, лишь по форме похожи на апокалипсические предсказания Соловьева. Китай будущего в описании Васильева, это вовсе не варварская племенная масса, сметающая на своем пути цивилизацию, но цивилизованная держава западного типа, лишь превышающая другие державы населением, мощью армии и эффективностью управления.

Русские востоковеды значительно поколебали представление крайних западников о том, что прогресс возможен лишь в Европе. В специальной рецензии на книгу Соловьева "Китай и Европа", А. Столповская, например, писала, что "прогресс, несомненно существовал и существует в Китае, хотя он и не захватывал там со времени появления конфуцианства в одинаковой степени всех сторон народной жизни".¹⁹ По ее мнению, конфуцианство задержало духовное развитие Китая и сделало общий прогресс культуры односторонним: он шел в области социальных и семейных отношений. В то же время это одностороннее развитие дало "необыкновенно-значительное повышение уровня нравственных понятий у многочисленной китайской народной массы. Оно-то и дает Китаю, несмотря на недостатки духовной стороны его культуры, огромное преимущество перед другими государствами и заслуживает подражания всех народов в мире". В настоящее же время развиваясь и совершенствуясь "при свободных сношениях с иноземцами все полнее и многостороннее, культура Среднего царства может рассчитывать на самый блестящий, но, вероятно, оригинальный прогресс в будущем; залогом его служат хорошие основы китайского социального строя и громадная сила и выдержка национального характера необыкновенно многочисленного народа".²⁰

Представления о Китае западников-"китаефилов"

Мнения о Китае, высказываемые большинством российских китаеведов, наиболее близки позиции тех, кого можно условно назвать западниками-"китаефилами". Западники-"китаефилы", в целом разделяли концепцию западного прогресса и утверждали, что западная цивилизация является высшей и превосходит другие культуры. В то же время они признавали значительные достижения китайской культуры в прошлом и верили в ее широкие возможности в будущем. Яркими представителями этой позиции были знаменитые русские ученые Д.И. Менделеев и Ф.Ф. Мартенс.

Д.И. Менделеев постоянно следил за событиями в Китае. Великий ученый, интересы которого были необычайно широки, заинтересовался восточной страной еще в студенческие годы. Он подробно изучал китайские систему образования и сельское хозяйство, а также читал более общие работы, прежде всего своего коллеги по Петербургскому университету В.П. Васильева.²¹ Благодаря постоянному интересу к общественной жизни Менделеев становится консультантом по экономическим вопросам при министерстве финансов и постоянно дает рекомендации министрам И.А. Вышнеградскому (до 1891 г.) и С.Ю. Витте (после 1891 г.) Среди записок по разным вопросам, которые Менделеев направлял царю и Витте, была записка по китайскому вопросу, озаглавленная "Попытка понять китайские события". В ней ученый выступал за дружественные отношения с Китаем и против иностранного вмешательства в этой стране. Хотя по данным исследователей, Витте не успел воспользоваться этой запиской для обоснования своего мнения при дворе (как он поступал с

другими записками Менделеева) она, вероятно, оказала на него определенное влияние.²²

Суть своих взглядов на Китай Менделеев сформулировал в вышедшей в 1905 г. книге “Заветные мысли”. Он указывал на огромное значение для России Китая, население которого составляет “около четверти населения всей земли”, и граница с которым “длиннее, чем какая бы то ни была иная сухопутная грань двух государств”.²³ Развивая идеи Васильева, он пишет о долготелней дружбе и взаимовыгодных отношениях между двумя государствами. В 1859 г. Китай отдал России берег Амура, однако ущерб, нанесенный этим отношению китайцев к России был “с лихвой” наверстан “благодарным возвратом Кульджи”. С точки зрения Менделеева, было бы, лучше, если бы Россия не занимала Маньчжурии, вызвав тем самым “невольной горечи у китайцев”, однако Россия ушла отсюда по Портсмутскому договору с выгодой для Китая, благодаря чему положение было восстановлено. Россия — самая сильная из соседних с Китаем стран, и мудрые китайцы должны понимать, что союз с Россией выгоден им для защиты от будущих угроз. Такой союз был бы естественным, так как “у русского народа нет и тени того высокомерного отношения, с каким к китайцам относятся большинство других европейцев, и китайцы, сколько пришлось узнать, когда различают “варваров”, к русским дружат больше, чем к иным народам. Это потому, конечно, что русские по природе уживчивы, миролюбивы и благожелательны, как сами китайцы... Китайцы и русские миролюбивы, семейственны, покладисты, выносливы, монархичны и к учению склонны.”²⁴

Считая Китай отсталым в материальном отношении, Менделеев, также как и русские китаисты, был убежден, что в духовном плане Китай стоит выше Европы. С его точки зрения, взаимный обмен опытом принесет значительную пользу как Китаю, так и России, так как “у русских есть то преимущество, что они раньше китайцев прорубили окно в Европу, а у китайцев то, что они раньше и тверже всех народов стали следовать за мудрецами, проповедовавшими великое влияние добрых нравов, не заразившись никакой слащавостью, а потому твердо, даже до жестокости встречая зло и борясь с ним.”²⁵ Менделеев высоко оценивает некоторые технические достижения китайской цивилизации. Он считает, что Китай закоснел в последнее время, и винит в этом маньчжурскую династию, господство которой сравнивает с еще более жестоким вариантом монголо-татарского ига. В другой работе Менделеев пишет, что “в будущем от Китая можно ждать новых вкладов в историю мирового промышленного развития людей, конечно, только после того, как там установится общий гражданский порядок, лучший, чем могли установить маньчжурские его властители до сих пор.”²⁶

Менделеев полемизирует с В.Соловьевым, писавшим о “желтой опасности”. Он считает, что опасность эта может всплыть лишь временно, “толкаемая японцами, а выполняемая китайцами”. Чтобы обезопасить себя, России необходимо вступить с Китаем в союз: “чем теснее будет наш союз с Китаем, тем менее вероятности в торжестве японского задора”.²⁷ Там самым Менделеев, не оспаривая мнение Соловьева о возможности японо-китайского нашествия, видит в тесном российско-китайском альянсе средство не дать Китаю подпасть под японское влияние и обезопасить Россию. Кроме того, в борьбе за влияние на Китай Россия должна опередить другие державы. Договор с Китаем необходим еще и потому, что “науськивать противу нас китайцев не преминут, вероятно, и кое-какие другие народы, особенно если договорами обяжутся кое в чем помочь китайцам, денежки достанут.”²⁸

Менделеев, который так же, как и Васильев, верил в будущее величие Китая, подчеркивал, что для России союз с ним важен и в долгосрочной перспективе. Ведь “если всегда подражательная Япония лет в 20-30 доросла до той силы, которую выказала в войнах с Китаем и с нами, то всегда бывший оригинально самостоятельным Китай может вырасти еще более сильно, и нам это будет пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени.” Российско-китайский союз был бы чисто “мирным и охранительным”, так как, помимо природного миролюбия, у обеих сторон “целая бездна настоятельных потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств.” В результате этот союз может стать “предтечей общего мирного союза”.²⁹

Другим влиятельным представителем группы был неперемный член министерства иностранных дел, известнейший специалист по международному праву профессор Ф.Ф.Мартенс. Мартенс, на идеи которого ссылался Пржевальский, вовсе не считал, что с китайцами нужно обходиться, как с дикарями. Он действительно писал о неприменимости к неразвитым народам тех принципов, которых придерживаются цивилизованные народы в отношениях между собой. Подобные высказывания вполне соответствовали духу европейских международно-правовых понятий XIX века, и вовсе не были характерными только для России (Мартенс вообще многие свои работы публиковал за границей по-французски). Но примечательно, что он вовсе не относил Китай к категории неразвитых народов. Правда, в брошюре “Россия и Китай”, изданной сначала по-французски, и переведенной на русский язык в 1881 году, есть одно место, вероятно, послужившее основой для ссылки Пржевальского. Мартенс указывает, что принципы международного права “не могут быть применены безусловно к государствам крайнего востока, в особенности к Китаю”, так как китайцы “не вполне понимают юридические принципы, на которых основываются отношения между цивилизованными народами”, в связи с чем “более требуется *материальных обеспечений* для исполнения международных обязательств”.³⁰ Однако Пржевальский совершенно вырвал эту мысль из контекста. В действительности Мартенс не считал такое положение нормальным. Работа Мартенса писалась в период, когда отношения между двумя странами резко ухудшились после того, как китайское правительство отказалось ратифицировать подписанный его представителем Ливадийский договор. Договор предусматривал сохранение за Россией части Илийского края, который она ранее обещала вернуть Китаю. Мартенс старается оправдать подход России к Китаю, которая, по его мнению, была вынуждена угрожать силой, чтобы заставить Китай выполнять условия подписанного договора. Однако он указывает, что неуважение к европейским правилам исполнения международных договоров было вызвано в Китае самими европейцами, которые своей политикой провоцируют ненависть к себе и своей цивилизации. Будучи западником, Мартенс убежден в превосходстве европейской цивилизации над китайской. Однако по его мнению, в связи с неразумными и безнравственными действиями европейских держав в Китае, эта высшая цивилизация открывается его жителям лишь своей жестокой, безнравственной и эгоистической стороной. Особенно жесткой критике Мартенс подвергает права экстерриториальности, которыми злоупотребляют западные консулы, деятельность христианских миссионеров и английскую торговлю опиумом. Мартенс пишет, что сохранение стабильности в Китае отвечает интересам всех европейских держав, заинтересованных в расширении торговли с ним. Поэтому европейцы должны всегда оставаться по отношению к китайцам “представителями цивилизации высшей, чем китайская, представителем-

ми умственной и нравственной культуры, порождающей более благ, чем слепое подчинение Конфуцию. С этой точки зрения, европейские и американские правительства не должны были бы никогда покровительствовать действиям, осуждаемым нравственностью и справедливостью, ни способствовать нарушениям самых неоспоримых прав".³¹ Но при этом необходимо, чтобы "христианские державы отказались от мысли, что только одна грубая сила в состоянии убедить китайскую нацию в превосходстве европейской культуры, чтобы державы всегда памятовали, что в Китае существует сорокавековая цивилизация, существенно отличная от культуры христианских народов, но имеющая, несмотря на то, право на уважение, по крайней мере в Китае. Цивилизованные народы не должны никогда упускать из виду, что они — непрошенные гости в Срединной империи, что они силою взломали запоры, за которыми китайцы думали сохранить святость своих традиций, власть своего правительства, чистоту своих обычаев и неприкосновенность своих национальных идеалов. Надо же признать, что народ в 440 миллионов душ имеет неотъемлемое право жить у себя, как ему хочется."³²

Таким образом, оценка китайской культуры здесь скорее противоположна позиции Пржевальского: превосходство Запада хотя и признается, но и Китай описывается как оригинальная цивилизация, с которой необходимо считаться, а отнюдь не как варварская и дикая страна. Мартенс предупреждает, что непонимание этого и продолжение политики, возбуждающей ненависть к иностранцам, может вызвать народное восстание и хаос в Китае, из-за чего европейские интересы пострадают. России Мартенс предлагает "следовать по пути искренней дружбы, доброго соседства и сердечного согласия по всем вопросам, обещающим обеспечить мир между двумя империями". Причем он, в духе всех сторонников такого пути, пишет, что именно такой якобы и была политика России на протяжении двухсот лет. Из рассуждений Мартенса следует, что он выступал против территориальных захватов в Китае, хотя и считал, что Россия при необходимости может "защищать свои права и свое достоинство всеми силами и средствами".³³ Возвращение Кулджы Мартенс предлагает обставить определенными условиями (что в результате и было сделано по Петербургскому договору). К таковым, в частности, относились гарантии российской безопасности и ее торговых и консульских интересов, а также отказ Пекина от возмездия мусульманскому населению.

В 1900 г., в разгар восстания ихэтуаней, Мартенс вновь обращается к китайской теме, на этот раз в записке "Европа и Китай", направленной в министерство иностранных дел. В ней Мартенс развивает свою критику западной политики в Китае, перечисляя все прежние европейские грехи, к которым прибавились еще и территориальные захваты. "В виду таких обстоятельств, — пишет он, — странно удивляться, если китайскому народу европейская цивилизация представляется произведением ада и христианская религия — удобным средством в руках "заморских чертей" для уничтожения порядка, благосостояния, добрых нравов и многовековой культуры китайцев".³⁴ С точки зрения Мартенса, политика европейских держав спровоцировала совершенно новую "народную" войну против иностранцев. Победа в этой войне еще возможна, однако она "не разрешит нынешнего кризиса, ибо она не будет окончательною победою над Китаем", так как "никакие победы над китайскими войсками не в состоянии будут уничтожить нацию в 430 милл. людей и вырвать с корнем сорокавековую цивилизацию".³⁵ В связи с этим Мартенс считает, что России не нужно участвовать в территориальном разделе Китая. Напротив, он полагает, что "поддержание принципа полной неприкосновенности Срединной империи требуется высшими интересами России".³⁶

Мартенс предлагает России настаивать на подписании международного договора, который бы подтвердил территориальную целостность Китая и отказ всех иностранных держав от территориальных приобретений за его счет. Хаос в Китае опасен для России, да и для других держав, так как "только при существовании в Пекине твердого правительства цельность Китая может быть поддерживаема и претензии иностранных держав могут быть удовлетворены".³⁷ В связи с этим, в противоположность Пржевальскому, он указывает, что российская политика в Китае должна отличаться от политики других держав: "Для последних Китай есть колония, которую нужно эксплуатировать всеми средствами. Для России же Китай есть великое государство, которое имеет полное право на самостоятельную жизнь. Россия не может согласиться смотреть на китайцев как на короля Макоко на берегах реки Конго. Нужно, чтоб европейские державы отказались от такого ошибочного взгляда на сплоченную Китайскую империю, народ которой составляет целую треть всего человеческого рода".³⁸

Антизападники о Китае

В XIX веке сама концепция однолинейного прогресса и связанный с ней евроцентризм был подвергнут в России резкой критике мыслителями, считавшими Россию цивилизацией, отличной от европейской и ценной самой по себе. Роль Китая в рамках этого направления была переоценена уже в трудах основоположника славянофильства А.С.Хомякова.³⁹ Значительный интерес представляет понимание Китая одним из наиболее последовательных и систематических теоретиков этого направления Н.Я.Данилевским, впервые противопоставившего однолинейной теории исторического прогресса глубоко и систематически разработанную теорию многолинейного развития различных культурно-исторических типов. Согласно Данилевскому, прогресс "состоит не в том, чтобы идти в одном направлении..., а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности, во всех направлениях".⁴⁰ Китай, как и российско-славянская цивилизация, был для Данилевского отдельным и самоценным культурно-историческим типом, наряду с романо-германским (европейским) и восемью другими. Каждый из них был уникален и "вносил свой вклад в общую сокровищницу".⁴¹ Данилевский разделял господствующее в то время представление о застое в развитии Китая. Однако он относил этот застой лишь к последним столетиям развития китайской цивилизации, и объяснял его ее "уединенностью" китайской цивилизации. Так же, как и многие востоковеды, Данилевский считал, что и "уединенные культурно-исторические типы развивали такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперникам, и тем содействовали многосторонности проявлений человеческого духа, в чем, собственно, и заключается прогресс".⁴² Описывая достижения китайской цивилизации более ранних периодов в таких областях, как земледелие, мануфактурное производство, садоводство, искусство, наука, книгопечатание, социальная организация, Данилевский указывает, что все это не вышло из головы первого китайца "как Минерва из головы Юпитера", но было "таким же результатом постепенно накопившегося умственного и физического, самостоятельного и своеобразного труда поколений", как и в Европе. Таким образом, в XIX веке для Данилевского, как и для других сторонников самостоятельного пути России, Китай стал одним из символов возможности существования цивилизации и прогресса, отличных от европейских.⁴³

Еще дальше Данилевского пошел публицист и дипломат князь Э.Э.Ухтомский. Ухтомский был долгое время близок к наследнику престола, будущему царю Николаю II и сопровождал цесаревича в путешествии по Азии. Ухтомский считал самодержавную Россию в культурном отношении более близкой Азии, чем Европе. По его мнению, страны Азии, включая Китай, обладали уникальными культурами, не уступавшими западной, и являлись естественными союзниками России в противостоянии Западу. Как и В.П. Васильев, он, например, считал, что разбуженный западными материальным прогрессом и насилиями, Китай поборет Запад его же оружием, «оперedit и приведет к разорению».⁴⁴ Ухтомский высказывал интересные предвидения в отношении западного колониализма. Он писал, что «постепенное вооружение туземцев сначала друг против друга в целях успешной колониальной политики англичан и тех, кто им захочет подражать», приведет в конце концов к тому, что «эти же наемники будут стрелять в ненавистного им «белого» человека».⁴⁵ Западную политику территориальных захватов в Китае он считал крайне недалеконвидной, так как «бесприммерно униженный народ... в конце концов должен встрепенуться и всколыхнуться всею своею громадою», и тогда «воспламяются целые гигантские области».⁴⁶ Распространение западных технических достижений в Китае также в конечном счете обратится против Запада, так как «если китайцу дадут возможность работать в технически однородных условиях с европейским рабочим, — он, при своей сметливости, выдержанности, бережливости и довольстве малейшими земными благами, явится опаснейшим конкурентом того, кто и теперь со скрежетом зубовым несет «бремя капитализма»».⁴⁷ Ухтомский предсказывал: «Какой бы толчок извне, какие бы внутренние неурядицы ни вывели «Срединное царство» из так называемого застоя, — вполне разумного и нормального для государства, которое прожило немало веков, — новая мировая жизнь, без сомнения, втянет его в свой стремительный водоворот, искусственно расшевелит и раздражит по природе добродушного великана, — в результате чего этот в данное время сильно обездоленный народ, справедливо гордящийся многочисленными благами своей стародавней культуры, и сам захочет относительной власти, славы и богатства, успеха и значения в сонме других наций, преобладания на Тихом океане.»⁴⁸

Вторя русским востоковедам, Ухтомский критикует популярное в Европе карикатурное изображение китайцев как «фанатиков порядка» и «чуть ли не подобие маленьких безделушек из слоновой кости» и предвидит, что такое высокомерие «когда-нибудь жестоко отомстит опрометчивым отрицателям чужой духовной мощи».⁴⁹ Он, как и Васильев, считает, что «конфуцианский принцип глубокого уважения к науке, привычка народа трудиться над усвоением премудрости, не стесняясь числом лет, служит отчасти ручательством, что в восточной Азии со временем может народиться просвещеннейшая нация».⁵⁰

Задачу России Ухтомский видел не в том, чтобы нести западную цивилизацию в Китай и в Азию, а в признании собственной азиатской сущности и слиянии с Азией в единое самодержавно-антизападное пространство. Он писал, что для России «нет другого исхода: или стать тем, чем она от века призвана быть (мировой силой, сочетающею Запад с Востоком), или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы для русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменники».⁵¹ Как и Пржевальский, Ухтомский считал территориальное расширение России в Азии естественным. Он писал, что «в Азии

для нас в сущности нет и не может быть границ, кроме необузданного, как и дух русского народа, свободно плещущего у ее берегов необъятного синего моря".⁵² Однако он думал не о военных захватах, и решительно выступал против вооруженных операций Запада в Китае, полагая, что Россия участвовала в них по "великодушию" и "недоразумению".⁵³ Он пишет о духовном единстве с Востоком, так как русские испытывают "инстинктивное тяготение в сторону прочной и обоюдно полезной приязни с дальним Востоком", "нет ничего легче для русских людей, как ладить с азиатами".⁵⁴ Миссию России Ухтомский видит не в насаждении западных ценностей в странах Востока, а в распространении ценностей самодержавия, которые он находил близкими восточной политической культуре. По его убеждению, "Восток верит не меньше нас и совершенно подобно нам в сверхъестественные силы русского народного духа, но ценит и понимает их исключительно поскольку мы дорожим лучшим из завещанного нам родною стариной: Самодержавием. Без него Азия не способна искренне полюбить Россию и безболезненно отождествиться с нею. Без него Европе, шутя, удалось бы расчлнить и осилить нас, как это ей удалось относительно испытывающих горькую участь западных славян."⁵⁵

Проблема китайского населения российского Дальнего Востока

К концу XIX — началу XX веков Китай был для России не только теоретической, но и острейшей политической проблемой. Бурное развитие Дальнего Востока обусловило необходимость строительства транссибирской дороги, включая ее часть, проходившую по китайской территории (КВЖД). Для этих целей у Китая была приобретена "полоса отчуждения", на которой вырос крупный русский город Харбин. За этим последовало строительство военно-морских баз в Дальнем и Порт-Артуре и железнодорожной ветки, соединявших их с транссибирской магистралью. Все эти меры одновременно решали и военно-стратегические задачи, укрепляя позиции России на Дальнем Востоке. Непосредственная военная опасность со стороны слабого Китая в то время не считалась реальной. Однако угроза возможного заселения китайцами российского Дальнего Востока уже тогда беспокоила самые различные круги общества. Боязнь "желтой опасности" была особенно сильна на самом Дальнем Востоке, лишь в 1860 году отошедшем к России и принявшем значительное количество самовольных переселенцев из Кореи и Китая. С 70-х годов XIX века китайских рабочих из соседних провинций стали выписывать на постройку Владивостокской крепости и порта, Уссурийской железной дороги и для работы на частных предприятиях.

Уже в докладе о путешествии по российскому Дальнему Востоку в 1867-1869 годах Пржевальский призывал принять административные меры в отношении китайского населения Уссурийского края, в частности, провести перепись и обложить его поземельной податью. Он надеялся, что это "заставит китайское население смотреть на себя как на подданных русской земли" и "уменьшит прилив новых манз из Маньчжурии в наши пределы, а может быть даже заставит некоторых из живущих у нас уйти обратно восвосяси".⁵⁶ Автор опубликованного в 1901 доклада о положении на Дальнем Востоке И. Левитов писал: "Если посмотрим теперь на Амур, Уссурийский край, Приморскую область и вообще на всю площадь между Байкалом и границей Маньчжурии, то легко заметим, что русского там очень мало. Русский элемент в этой площади — это ничтожная горсть людей среди подавляющей массы желтокожих." В докладе выражалось опасение, что "волна желтой ра-сы зальет" Россию.⁵⁷

Правительство не оставалось глухим к подобным настроениям. В рамках программы освоения восточной части России правительство Столыпина приняло меры по стимулированию заселения Дальнего Востока русскими, гарантируя переселенцам ряд льгот. Меры эти проводились в рамках общего курса Столыпина на ослабление общинного землепользования и развития частного землевладения. Однако стратегические соображения играли в этой политике важную роль. Так, выступая в 1908 году в Государственной Думе, Столыпин, говоря о Дальнем Востоке, предупреждал: «природа не терпит пустоты. ...Отдаленная наша суровая окраина, вместе с тем богата, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры. И при таких обстоятельствах, господа, при наличии государства густонаселенного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной. В нее прососется чужестранец, если раньше туда не придет русский, и это просачивание уже началось. Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками и когда мы проснемся, может быть, он окажется русским только по названию».⁵⁸ В результате этих мер шло постепенное заселение русскими Дальнего Востока. Так с 1900 по 1908 годы на Дальний Восток переехало 172 тысячи крестьян из европейских губерний России.⁵⁹

Были также приняты меры, ограничивающие китайскую миграцию. Но, хотя закон от 21 июня 1910 года запретил нанимать иностранных подданных на казенные работы, количество китайских рабочих все равно увеличивалось. С 1910 по 1914 годы численность китайцев на Дальнем Востоке составляла 80-100 тысяч человек, причем они были сосредоточены в основном в Приморской и Амурской областях. Росло также число корейцев и японцев.⁶⁰ По официальным данным, в 1916 году во Владивостоке проживало 88 576 человек, из них китайцев — 28 770, то есть около трети. В городе активно действовало Главное китайское торговое общество и даже «китайская полиция» — подразделение городской полиции, специально занимавшаяся преступностью среди китайцев, часть сотрудников которого были китайцами.⁶¹ Многие общественные деятели отмечали, что правительственные меры по ограничению китайской иммиграции недостаточно действенны. Так, в работе «Китайцы в Уссурийском крае», написанной в 1914 году, известный писатель и исследователь Дальнего Востока В.К.Арсеньев вновь привлек внимание правительства к «желтому засилью» и призвал принять последовательные меры: «о конкуренции нашего мужика с китайским рабочим не могло быть и речи, и поэтому правительственная власть должна была прийти на помощь русскому переселенцу».⁶²

Понимание экономической полезности китайского присутствия заставляла некоторых делать самые различные предложения. Например, уже упоминавшийся Левитов, признавая необходимость использования квалифицированного и дешевого труда китайцев и отмечая существенный вклад, который они уже вносят в российскую экономику, предлагал создать в забайкальской России своеобразную «Желтороссию», подобную европейским колониям. Туда можно было бы беспрепятственно впускать китайцев, но «за то на Байкале устроить строжайшую регистрацию, также как и французы устроили ее в Сайгоне». По мнению Левитова, «Амур и Уссурийский край превратятся в русскую Индию. Бог нам дал египетских рабов, которые так охотно предлагают нам свои услуги, так почему же нам не воспользоваться ими. Я не вижу не малейшей опасности от китайцев, при условии, если только ни один китаец не будет пропущен через Байкал».⁶³ Этому своеобразному плану, однако, не суждено было осуществиться. В начале XX века, особенно в годы первой миро-

вой войны, китайцы распространились далеко за Байкал и их активно вербовали на стройки по всей России. Китайские рабочие трудились на золотых приисках Сибири, на предприятиях Петрограда, на Северном Кавказе и даже на севере европейской России. Так, на строительстве Мурманской железной дороги было занято около 10 тысяч китайцев.⁶⁴

Не все, однако, опасались китайского проникновения в Россию. Стронник азиатского и противник западного влияния Ухтомский, например, считал большим преимуществом России то, что «одна Россия не знает, что значит ежегодно высылать за свои пределы, в мертвящую даль, тысячи сынов, не находящих себе пропитания и убежища среди избытков богатств и труда, выпадающего на долю соотечественников». Он был убежден, что, в то время, когда многие страны принимали антииммиграционные меры, опасаясь за рабочие места для своих граждан, «у нас всякому найдется еще дела на сотни лет, у нас всякий, у кого есть рабочие руки, — желанный гость на восточных, или, точнее, юго-восточных окраинах, где еще неиссякающим родником бьет здоровая жизнь и манит вольная волюшка».⁶⁵

Мода на Китай на рубеже веков

Заслуживает упоминания еще один элемент образа Китая в дореволюционной России: не имеющее отношение к политике увлечение восточной культурой вообще и китайской в частности. Порой это увлечение, возникшее на фоне кризиса официальной идеологии и морали, приобретало уродливые формы моды на экзотику, на поверхностно понимаемый восточный мистицизм, буддийский иррационализм, гадание, предсказания и т.п. Однако даже такие формы интереса к Китаю привели к расширению притока информации, открывая более самостоятельным личностям доступ к действительным достижениям китайской мысли и культуры. Интерес к китайской духовной культуре проявляли в тот период многие русские писатели и ученые. Наиболее яркий пример — Л.Н.Толстой, находивший в Дао Дэ Цзине мысли, близкие к собственному пониманию жизненного идеала: жизни в труде и единении с природой. Составленная Л.Толстым книга «Круг чтения», состоящая из тех высказываний мыслителей всего мира, которые, по его мнению, должен прочитать каждый человек, содержит многочисленные цитаты из Дао Дэ Цзина и других китайских произведений.⁶⁶ Толстой внимательно изучал изречения древних китайских философов, посвятил несколько работ и редактировал переводы их произведений. В публицистических статьях он часто приводил пример Китая как аграрной цивилизации, развивавшейся как альтернатива европейскому техническому прогрессу. В 1862 году в статье «Прогресс и определение образования» он писал: «Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни на минуту не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества, и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками и ружьями идем внушать китайцам идею прогресса».⁶⁷ В 1906 году в «Письме к китайцу» Толстой, призывая китайцев покончить с деспотизмом власти богдыхана, в то же время предостерегал их от следования европейскому прогрессу и советовал продолжать жить «мирной, трудолюбивой, земледельческой жизнью, следуя в поведении основам своих трех религий: конфуцианству, таосизму, буддизму».⁶⁸

Российская публика с интересом читала информацию и рассуждения о Китае. Большой успех в конце XIX века имели статьи о реформах в Китае (политика самоусиления), печатавшиеся в «Вестнике Европы». Многие из них

были написаны учеником В.П.Васильева П.С. Поповым, который с 1886 по 1902 год служил генеральным консулом России в Пекине. Попов, вслед за своим учителем, высоко ценил китайскую культуру и оптимистически смотрел на перспективы китайской модернизации. Статьи Попова публиковались также в газете "Восточное обозрение", редактор которой Н.М.Ядринцев уделял Китаю большое внимание. Ядринцев считал своей задачей "приучить русскую публику интересоваться судьбами Азиатского Востока". Задачу эту он считал весьма тяжелой "при существующем предубеждении к Азиатским странам и утвердившемся мнении, что эти государства мертвые, обреченные на застой, в противоположность европейской цивилизации." В своей газете Ядринцев стремился показать, что в странах Востока "есть жизнь, движение, своя культура и свой прогресс...может быть им готовится своя роль в истории человечества".⁶⁹

В то же время в российских газетах были часты и статьи антикитайского содержания, выдержанные в тонах западников-"китаефобов". Некоторые из них поддерживали политику захватов, призывали к присоединению Маньчжурии и даже к разделу Китая по примеру Турции. Обычно вспышки газетного энтузиазма возникали в связи с какими-либо крупными событиями, подрывавшими стабильность Китая: китайско-японской войной, восстанием ихэтуаней, Синьхайской революцией и т.п. Так, автор передовой статьи в газете "Новости" от 20 января 1895 года писал: "Китайский вопрос имеет несомненную аналогию с восточно-европейским вопросом. Если оказалось возможным разделить значительную часть Турции и создать из некоторых ее провинций самостоятельные государства, то тем более это возможно относительно Китая". 28 января того же года "Новости" писали: "Теперь-то и представляется вполне удобный случай разом и без хлопот покончить с Китаем, разделив его между главными заинтересованными европейскими державами".⁷⁰ Новые вспышки газетных призывов к присоединению китайских территорий отмечались в 1900 и в 1911 годах.⁷¹ Анализ печати и общественных настроений в России на рубеже веков приводит к выводу, что "идеи территориальных приобретений в Корее и Маньчжурии, идея участия в разделе Китая и даже план превентивного нападения на Японию носились в воздухе".⁷² В результате войны с Японией эти планы потерпели крах и Россия потеряла многие из своих приобретений на Дальнем Востоке.

Российские представления о Китае в общеевропейском контексте.

Хотя образ Китая в России был, естественно, отмечен уникально российскими чертами, его в то же время нельзя понять вне общеевропейского идеологического контекста того времени. К представлениям российских западников, например, было бы неверно подходить, как к свидетельству специфически российских страхов или исключительно-российского уничижительного отношения к Азии. Если рассмотреть их в общеевропейском контексте, то легко увидеть, что идея бесплодности, отсталости и застойности культуры Востока была достаточно распространена в Европе. Гердер, например, называл Китай "мумией, завернутой в шелковую ткань и исписанную иероглифами", а Гегель считал, что Китай стоит "на самой низшей ступени самопознания всемирного духа".⁷³ Примерно в том же ключе писал о Китае и Кант. Дж.С.Милль в "Принципах политической экономии" дал классическую картину экономической основы "азиатской деспотии" — "государства-эксплуататора", основанного на господстве государственной собственности.⁷⁴

Заимствовавший эту схему Милля К.Маркс подробно описывал застойную Индию, разбуженную британским завоеванием.⁷⁵ Эти мысли развивали господствовавшее представление о том, что европейский путь представляет собой единственно возможный естественный способ развития цивилизации (будь то в области религии, духа или материальной сферы). Они стали общим местом европейской мысли и публицистики в XIX веке и уже через Европу распространились в России. Для тех в России, для кого все значимое в общественном развитии было связано лишь с европейской цивилизацией, ценности, которые в Европе либо были неизвестны вовсе, либо не относились к важным, не считались ценностями вообще. Русские западники, стремившиеся спасти Россию путем ее подключения к потоку мирового развития, вырвать ее из застойного Востока, естественно, отличались своим радикализмом в отрицании дурно влиявшей на Россию восточной культуры.

Не вызывает сомнения, что идеи противостояния Востока Западу, Азии - Европе почерпнуты классически образованными Герценом, Соловьевым, Мережковским и их последователями из европейской традиции. В Европе они существовали еще с Древней Греции. Как отмечал М.Волошин, на В.Соловьева, как на христианского мыслителя, оказали непосредственное влияние апокалипсические предсказания отцов церкви и первых христианских мыслителей о близком конце Рима под ударами восточных варваров и грядущей эпохе торжества Азии над Европой.⁷⁶ Однако у русского философа они наложились на чисто русскую интеллектуальную традицию: воспоминания о татаро-монгольском нашествии, возрожденную в XIX веке теорию "Москва — Третий Рим", а также на реальную политическую ситуацию конца двадцатого века. Все это вкупе создало уникальный теоретический симбиоз.

Экспансионистский европоцентризм Пржевальского, идея насаждения европейских ценностей силой оружия среди непонятливых варваров для их же блага, так же не является российской привилегией. Подобные представления весьма характерны для европейской идеологии периода территориальных захватов: достаточно лишь вспомнить Р.Киплинга. Можно согласиться с мнением, что Пржевальский был "империалистом в классической европейской традиции XIX века", которым двигало "сильное чувство цивилизатора".⁷⁷ Русский путешественник лишь пытался поставить свою страну в один ряд с прогрессивной Европой, хотел добиться, чтобы она не отстала от остальных "цивилизаторов" и обеспечила собственные интересы.

Сама по себе идея "желтой опасности", включая ее иммиграционный аспект, также не была привилегией России. Страх перед массовой китайской иммиграцией во второй половине XIX века не в меньшей степени, чем на Дальнем Востоке России, существовал, например, в Австралии и в Калифорнии, где местные власти принимали меры по ее ограничению и активно требовали принятия таких мер от Лондона и Вашингтона. Так, в 1882 году в США был принят закон, запрещавший иммиграцию китайских рабочих и лишавший китайцев права получения американского гражданства, а в 1888 году президент Г.Кливленд публично заявил, что китайцы — "элемент, невежественный в отношении нашей конституции и законов, не подлежащий ассимиляции с нашим народом и опасный для наших мира и благосостояния".⁷⁸ В Австралии аналогичные чувства привели к принятию в 1901 году Закона об ограничении иммиграции, который получил известность как "Политика белой Австралии".⁷⁹ Даже мода на восточную мистику также скорее не возникла в России сама по себе, а пришла из Европы.

Позиция антизападников также сохраняла значительную родовую связь с распространенной в то время европоцентристской идеологией, с пред-

ставлениями о застойности восточного общества. Ни борец с европоцентризмом Данилевский, ни певец китайской культуры В.П.Васильев не отрицали превосходства европейской культуры и цивилизации (по крайней мере в ряде вопросов). Они не отказывались и от самой идеи "прогресса культуры", представления о превосходстве одной культуры над другой. Сторонники этой линии лишь считали, что европейская цивилизация не во всем превосходит китайскую, а в некоторых вопросах, возможно, даже уступает ей. Кроме того, они считали европейское превосходство временным. Даже в высказываниях провозвестника евразийства Ухтомского видно понимание истинного просвещения как явления европейского. Конфуцианство, с его точки зрения, само по себе не есть высшая образованность, а может лишь способствовать ее приобретению китайцами. Тем не менее, антизападнические подходы к Китаю были уже в гораздо большей степени оригинальным русским явлением. Их распространение было обусловлено как особенностями исторического развития и географического положения России, так и развитием в XX веке в России таких общих антизападнических теорий, как славянофильство, антипрогрессизм К.Леонтьева и официальная концепция уникальности российского самодержавия.

Дискуссии о Китае XIX века и современность

Дискуссии о Китае и китайской политике в дореволюционной России, безусловно, велись в контексте исторической ситуации, сложившейся в то время в стране. Тем не менее, темы многих из них выходят за конкретные исторические рамки, а многие мнения и сегодня поражают своей актуальностью и даже возрождаются в новых формах. Так, коренной спор между западниками и антизападниками велся в скрытом виде и в советское время, сегодня же он выплеснулся на поверхность в популярных дискуссиях между "атлантистами" и "евразийцами". В СССР за теорией "азиатского способа производства" по сути скрывалась старая идея о том, что эффективное "нормальное" развитие возможно исключительно по западному пути. Как только стало возможно, сторонники этой концепции открыто записали Россию в "азиатские деспотии", призвали ее уйти от застойной "китайщины" и вступить в "цивилизованный" западный мир. Достаточно прочитать книгу Е.Гайдара "Государство и эволюция", чтобы понять, насколько важное место подобные идеи занимают в мышлении западников, весьма далеких от восточковедения.⁸⁰ С другой стороны, сторонники "особости" России ныне вновь используют образ Китая, как пример возможности эффективного, но не западного способа развития.⁸¹

Большой интерес сегодня представляют различные, часто противоположные мнения, высказывавшиеся в прошлом веке о способности Китая воспринять европейскую культуру, осуществить, как сказали бы сегодня, модернизацию. В краткосрочном плане, казалось бы, прогнозы таких пессимистов, как Пржевальский, оказались более верными. Русский путешественник определенно более реалистично, чем профессора-востоковеды, оценивал способность цинской империи воспринять достижения европейской цивилизации. Зная дальнейшую историю Китая, можно только поражаться точности некоторых его оценок, в частности, его критики поверхностного характера политики "самоусиления", неверия в возможность проведения модернизации. армии без реформы общества и культуры в целом (с этой критикой, кстати, выступали и многие китайские реформаторы). Его предсказания того, что развитие европейской промышленности разрушит традиционное хозяйство и создаст массовый и взрывоопасный социальный слой — пролетариат (не в марксист-

ском, а в обычном понимании) поражает своей точностью. Мнение о том, что китайские культурные традиции и национальный характер препятствуют модернизации, стало доминирующим как в самом Китае в период движения 4 мая, так и в зарубежном китаеведении, и сохраняло свои позиции до самого последнего времени.

Лишь значительные успехи политики реформ, проводящейся в КНР с конца 70-х годов этого века, заставили многих как в Китае, так и за его пределами изменить свое мнение. Сегодня представление о том, что конфуцианство не только не является тормозом, но может быть и стимулом модернизации, порой высказывается теми же авторами, которые несколько лет назад придерживались обратной позиции. В самом Китае и на Дальнем Востоке широкую популярность получили теории превосходства конфуцианской этики, ее позитивной роли в общественном развитии. Наконец, среди специалистов по внешней политике растут опасения относительно укрепляющейся мощи Китая, его будущего доминирования на Дальнем Востоке, превращения "Большого Китая" в ведущую мировую сверхдержаву. Однако именно эти, или весьма близкие к ним, идеи высказывались многими русским учеными и политическими деятелями, призывавшими к дружбе с Китаем, уже в конце прошлого века. Выводы В.П.Васильева, Д.И.Менделеева, Э.Э.Ухтомского и других о том, что именно конфуцианская этика, многовековая традиция уважения к труду, учебе и знанию, будет способствовать тому, что Китай не только успешно воспримет достижения европейской цивилизации, но и обойдет Европу по эффективности и дешевизне труда, в результате чего Китай завалит европейские рынки товарами, поражает любого, кто бывал сегодня в европейском или американском торговом центре. Наконец, их предсказания о том, что Китай рано или поздно превратится в мощную в военном отношении многомиллионную державу, способную угрожать своим соседям, уже давно не представляются несбыточными многим специалистам. Таким образом, мнение тех, кто в конце XIX века смотрел на развитие Китая оптимистично, через столетие представляются более актуальными, чем мнения пессимистов. Кто же победит в этом историческом споре - может показать лишь дальнейшее развитие Китая.

1. См.:Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения, М., 1977. С. 14-88.
2. См.: Иакинф (Н.Я.Бичурин). Китай в гражданском и нравственном состоянии. СПб., Типография военно-учебных заведений, 1848.
3. Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. СПб., 1890. С. 275.
4. Там же, с.268-269.
5. См.: Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб. 1888.
6. Георгиевский С.М. Важность изучения Китая. С.271.
7. Васильев В.П. Китайский прогресс. :Открытие Китая и другие статьи академика В.П.Васильева, СПб., 190С. с. 148.
8. Там же. С. 152.
9. Там же. С. 153.
10. Там же. С. 154.
11. Васильев В.П., Открытие Китая. // Открытие Китая и другие статьи академика В.П.Васильева. С. 10.
12. Васильев В.П. Китайский прогресс. С. 162-163.
13. Там же.
14. Васильев В.П. Открытие Китая. С. .12.
15. В.П. Васильев. Китайский прогресс, с. 163.
16. Там . С. 163-164.
17. Цит. по. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 229-230.
18. Там же. С. 228.

19. Столповская А. Несколько слов по поводу статьи г. В.С.Соловьева "Китай и Европа" // Столповская А. Очерк истории культуры китайского народа. С. 473.
20. Там же. С. 473-474.
21. См.: Екимов А.А. "Менделеев о Китае" // Советское китаеведение, 1958, №4. С. 230-235.
22. Там же. С. 238.
23. Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995ю С. 374.
24. Там же. С.374 и 375.
25. Там же. С. 375-376.
26. Менделеев Д.И. Учение о промышленности. Т.1. Ч.2 (6-9). Цит. по А.А.Екимов. Менделеев о Китае. С. 238.
27. Менделеев Д.И. Заветные мысли. С. 375-376.
28. Там же. С. 375.
29. Там же. С. 376.
30. Мартенс Ф.Ф. Россия и Китай. СПб., 18. С. 79.
31. Там же. С. 83.
32. Там же. С. 82.
33. Там же. С. 83.
34. Записка .Мартенса Ф.Ф. "Европа и Китай // Красный архив. 1927. Т .1 (20). С. 180-181.
35. Там же. С. 175-176.
36. Там же. С. 184.
37. Там же. С. 185.
38. Там же.
39. См.: Сербиненко В.В. Китайская тема в "Семирамиде" А.С.Хомякова." XVI научная конференция "Общество и государство в Китае. Тезисы и доклады. М., . 1985. Т. 2. С. 198-204.
40. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. С.-Пб. Типография брат. Пантелеевых. 1888. С. 115.
41. Там же. С.91.
42. Там же. С.92.
43. Подробнее о взгляде Данилевского на Китай и его дискуссии по китайскому вопросу с В.Соловьевым см.: Сербиненко В.В. Место Китая в концепции культурно исторических типов Н.Я.Данилевского. XIV научная конференция "Общество и государство в Китае". Тезисы и доклады. М., 1983. Т. 2. С. 225-231.
44. Кн. Ухтомский Эспер. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. С.Петербург. "Восток", 1900. С. 71.
45. Там же.
46. Там же. С. 72.
47. Там же. С. 71-72. См. также: David H. Schimmelpenninck van der Oye, *The Asian Vision of Prince Ukhtomskii*, in: S.Evtulov, B.Gasparov, A.Ospovat, M. Von Hagen, eds. *Kazan, Moscow, St.Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire* (Moscow: O.G.I., 1997), P.188-201.
48. Ухтомский Э. Указ. Соч. С.58.
49. Там же. С.57.
50. Там же.
51. Там же. С. 85.
52. Там же. С. 84.
53. См. Кн. Ухтомский Э. Из китайских писем. СПб., 1901.
54. Ухтомский. К событиям в Китае. С. 74 и 82.
55. Там же. С.86-87.
56. Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. СПб. 187. С.92.
57. Левитов И. Желтая Россия. СПб., 1901. С. 24 и 37.
58. Столыпин П.А. Речи в Государственной Думе (1906-1911). Типография министерства внутренних дел (Пг., 1916. С. 132-133.

59. Носов М. Российский Дальний Восток и Китай. Доклад, представленный 28 июня 1995 г. На семинаре "Проблемы безопасности и национальной идентификации в постсоветском пространстве". Московский центр Карнеги. Москва, 1995. С. 9.
60. Ткачева Г.А. Иммигранты на Дальнем Востоке России в 20-30-е годы XX века. // Вестник ДВО РАН, 1997. №5. С. 99.
61. Буйков Алексей. Каждый китаец мечтал стать полицейским // Владивосток, 19 апреля 1996. С. 9.
62. Цит. по: Трубин В. Исторические корни миграционной ситуации в дальневосточном регионе. Доклад на семинаре "Проблемы миграции и гражданства в постсоветском пространстве", Москва, 19.09.1995, Московский центр Карнеги. Фонд Карнеги за международный мир, М., 1995. С. 11.
63. Левитов И. Желтая Россия. СПб., 1901. С. 50.
64. Стручков А.А., Устинов В.М. Яркое проявление пролетарского интернационализма. // Советское китаеведение, 1958. №4. С. 16.
65. Ухтомский Э. К событиям в Китае. С.84.
66. См.: Толстой Л.Н. Круг чтения. М. // Слово, 1923. Т. 1-2.
67. Цит. по Шифман А.И. Лев Толстой и Восток. М., 1971. С. 40.
68. Там же С. 76.
69. Цит. по: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. С. 238-239.
70. Там же. С. 46-47.
71. См.: Белов Е.А. Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911-1915 гг. М., ИВ РАН, 1997. С. 60.
72. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке, с. 50.
73. См.: Скачков. Очерки истории русского китаеведения, сс. 101 и 232.
74. John Stuart Mill, *Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy. Collected Work* / Ed. J.M. Robson (Toronto, 1965). Vol.II, P. 13-18.
75. См., например : К.Маркс и Ф.Энгельс. Британское владычество в Индии. Сочинения. Второе издание. М., 1957. Т. 9. С. 130-136.
76. Волошин М. Предвестия Великой революции // Волошин М. Жизнь — бесконечное познание. М.: "Педагогика-Пресс", 1995. С. 253-254.
77. Скиммельпенник ван дер Ойе. Неизвестный Пржевальский. С. 219 и 217.
78. Jonathan P. Spence, *The Search for Modern China* (New York: W.W.Norton, 1990). P. 215..
79. Bill Hornage, *The Yellow Peril: A Squint at Some Australian Attitudes towards Orientals* (Dubbo, N.S.W.: Review Publications, 1976). P. 9.
80. Гайдар Е. Государство и эволюция. Москва // Евразия, 1995.
81. Проханов Александр. Китайский ответ // Завтра, №43(151), 1996. С. 5 и №42(150). С. 5.

Ушу и цигун : "агенты влияния" или зеркало современной культуры ?

© 1998

А. Юркевич

Среди феноменов восточной культуры, нашедших свои "экологические ниши" на Западе, заметное место принадлежит китайским боевым искусствам *ушу* и психотехнике *цигун*. Многим памятен беспрецедентный интерес к ним, охвативший наше общество в конце 80-х годов.

Но прежде чем китайские "искусства" добрались до России, они процветали по западным странам.

Этот марш начался в 50-е годы. Массовая миграция из Китая, прежде всего в США, сделала "чайнатауны" заметной частью западной городской жизни. Общины китайской диаспоры начали активно интегрироваться в окружающую экономическую, социальную и политическую среду. Одним из признаков этой интеграции стал прием неких китайцев за плату в закрытые ранее китайские школы традиционных боевых искусств - "квоны" (диалектное произношение кит. *гуань* - "двор", или *угуань* - "двор боевых искусств"). Интерес к этой экзотической практике был стимулирован впечатляющими выступлениями японских каратистов и появлением сети школ каратэ на Западе. Как аналог каратэ было воспринято и китайское "кунфу" (искаженное прочтение транскрипции кит. *гунфу*).

Вместе с китайскими боевыми искусствами определенную популярность стали завоевывать сопутствующие им методики психофизиологической саморегуляции. В китайских системах тренинга эти методики оказались более изоциренными и разнообразными, чем в каратэ. Уже первые энтузиасты "кунфу" много внимания уделяли управлению "энергетикой" организма, дабы обеспечить сокрушительную силу удара, устойчивость к ударам противника и "энергетическое" воздействие на уязвимые места его тела.

Родство дыхательно-медитативных методик, благодаря которым достигается эта способность, с "даосской йогой", о которой писали еще в 20-е годы Р.Вильгельм и К.Юнг¹, стало очевидным для энтузиастов "самосовершенствования" на китайский манер в 60 - 70-е годы. Этому способствовали, в частности, публикации культуртрегерского характера². Китайская психопрактика начала постепенно приобретать популярность как альтернатива индийской йоге, уже отчасти приевшейся любителям экзотики. Параллельно рос интерес широкой публики к восточной медицине, по-сути китайской, практиковавшейся на Западе как в исконной форме, так и в японской, вьетнамской и иных версиях. Фразеологией, способами объяснения патогенеза и затейливостью практических методик она сильно напоминала вошедшие в моду восточные "тайные искусства".

Пик популярности китайских боевых искусств, психопрактики и медицины на Западе пришелся на конец 70-х и 80-е годы. Он был в известной степени подготовлен гонконгской по преимуществу киноиндустрией, наводнившей мир фильмами жанра "кунфу", но обусловлен был скорее тем, что в пропаганду "китайского мифа" включились мощности государственных машин Тайваня и КНР.

В гоминьдановском Китае, правопреемником которого считают себя власти Тайваня, традиционные боевые искусства носили название *гошу* - "национальное (букв. "государственное") искусство". Длительное национальное унижение побуждало гоминьдановских идеологов искать в своей истории и культуре то, что могло бы стать опорой чувству патриотизма и единства государства-нации. В качестве такой опоры воспринимались боевые искусства, ставшие "национальным искусством" по аналогии с "национальным языком" (*гоюй*), "национальной живописью" (*гохуа*) и т.п. Тайваньские власти, вынужденные уступить КНР право представлять Китай в ООН и других международных организациях, лишившиеся дипломатических отношений с ведущими государствами мира, в 70-е годы активизировали усилия по созданию альтернативной системы международных связей. В числе патронируемых Тайванем интернациональных организаций культуры и спорта оказались созданная в 1975 г. Международная федерация *гошу*, а также Объединенная федерация кунфу (китайского *гошу*) Северной Америки. Они развивают традиционные направления боевых искусств, так же как другая крупная организация китайского *ушу* - Международная федерация боевых искусств (кунфу), которой покровительствуют влиятельные круги диаспоры. В рамках международных федераций китайских боевых искусств действуют "академии" и "университеты", многочисленные клубы и секции. Система аттестации в них часто предусматривает не только технические критерии мастерства, но и экзамены по "теории" и истории *гунфу*, основам китайской медицины, традиционным правилам "боевой морали" (*у дэ*) - системе идейно-нравственных установок и т.п.

КНР широко развернула подобную активность чуть позже Тайваня. Страна, избавлявшаяся от последствий "культурной революции", энергично подправляла свой международный имидж, показывая заботу о национальном культурном наследии - прежде всего о тех его сторонах, которые могли быть интересны Западу. Упор был сделан на развитие искусственно стандартизованных форм *ушу*, приближенных к современным критериям спортивности. Практически наново формировалась разрушенная в 60 - 70-е годы система государственного *ушу* как массового вида физического воспитания и спорта. В 80-е годы во многих странах мира с успехом прошли красочные показательные выступления китайских ушуистов. В ряде стран, в том числе США, СССР, Франции, Польше и других возникли национальные федерации *ушу*, ориентированные на методики, созданные в КНР, а в 1991 г. была учреждена Международная федерация *ушу*. Власти КНР покровительствуют также общественным организациям, практикующим традиционное *гунфу* и имеющим международные структуры. Это Ассоциация утонченных боевых искусств (Цзинъу), ведущая свою историю с 1909 г. и воссозданная в 80-е годы, и Международная ассоциация шаолиньского *ушу*.

Китайские боевые искусства за пределами страны помимо довольно узких слоев интеллигенции, жаждущей "самосовершенствования", привлекают и далекую от интеллектуальных запросов публику - как уже отмечалось, экзотичностью и изощренностью форм "психо-энергетического" тренинга. Не все методы такого тренинга связаны с боевыми искусствами. Они рассматриваются и как самостоятельное направление культурной традиции, подпадаю-

щей под обозначение *гунфу*. Чаще всего это направление именуют *цигун* - "работа с *ци*". *Цигун* стал вторым наряду с *ушу* экспортным товаром КНР, который определяется как "драгоценное наследие китайской нации" и "вид физической культуры". Он основан на психических действиях ("статический *цигун*"), которые могут комбинироваться с физическими движениями ("динамический *цигун*") и осуществлять разнообразные операции с духовно-материальной субстанцией *ци*.

Вместе с тем толкования термина *цигун* даже в посвященной этому феномену литературе отличаются крайней расплывчатостью. На основании современных китайских публикаций можно выделить следующие ипостаси этого феномена: 1. Совокупность традиционных китайских, а также созданных на их основе современных видов и систем психофизиологического тренинга. 2. Китайские и близкие им региональные системы психофизиологического тренинга - японские, корейские, вьетнамские и другие. 3. Любые формы и способы целенаправленного "биоинформационно-энергетического" обмена, а также достижения особых состояний сознания и произвольные специфические действия в этих состояниях. 4. Все паранормальные феномены, связанные с достижением особых состояний сознания. 5. Психофизиологический тренинг вообще, от йоги до аутогенной тренировки.

Как и в случае с *ушу*, экспорту *цигун* предшествовала широкая кампания внутри страны. В 80-е годы прилавки книжных магазинов КНР были буквально завалены книгами и методическими пособиями по *цигун*. Мастера *цигун* выступали в клубах и на стадионах, даже по телевидению. Скоро они начали активно рекламироваться за рубежом: китайские мастера гастролировали по всему миру, книги о *цигун* стали выпускаться в КНР на западных языках³, атташе по культуре в китайских посольствах на официальных мероприятиях в число демонстрируемых гостям фильмов включали популярные ленты о *цигун*.

Означает ли такой патронаж, что *ушу* и *цигун* обязаны своей популярностью главным образом усилиям властей КНР и Тайваня, влиятельных общественных и политических структур диаспоры, которые заинтересованы в создании за рубежом благоприятного имиджа китайской культуры, а заодно и своего собственного, выступая ревнителями древних традиций ?

И да и нет. Способы и формы интеграции китайских искусств в иную культурную среду свидетельствуют: психологические и отчасти социальные механизмы, обеспечивающие адаптацию *ушу* и *цигун* вне Китая, в целом сложились там задолго до того, как эти феномены стали объектами культурно-экспортной политики. Экзотические зерна падали в уже давно взрыхленную и удобренную почву.

Это можно хорошо проследить на примере России, где освоение новых форм "боевой", медитативной и лечебной практики проходило примерно по той же схеме, что и на Западе. На первом этапе на поверхность всплыли в разной степени удачные подделки под китайские феномены, вроде никогда в Китае не существовавших "стилей" *ушу* (например, "чой", "шоудао" - "Путь руки" и т.п.). По сути, под модные китайские реалии маскировали себя явления, давно пустившие корни в России, но обреченные прежде на подпольное или полуподпольное существование - преимущественно каратэ с его прикладными дыхательно-медитативными упражнениями и йога. Появление в связи с массовым спросом большого числа переводных книг об *ушу*, *цигун* и по китайской медицине, достоверных если не в историко-культурном плане, то с теоретической и методической точек зрения, резко снизило спрос на подделки. А легализация всего и вся к началу 90-х годов, от каратэ до оккультизма,

повлекла и уменьшение интереса к собственно китайским феноменам. На Западе мода на них тоже оказалась не слишком долговечной.

Вместе с тем китайские “искусства” никуда не ушли из нашей культуры. Наряду с залами каратэ и других восточных единоборств продолжают действовать секции “кунфу” и *ушу*. В России учреждены национальные отделения Ассоциации Цзингю, Международной ассоциации шаолиньского *ушу*, других международных организаций китайского *ушу*. В платных по преимуществу лечебных учреждениях практикуют методы массажа и иглоукалывания, почерпнутые из пособий по “восточной” (фактически китайской) медицине, кое-где принимают и врачи из Восточной Азии, в том числе Китая. Инструкторы йоги параллельно преподают оздоровительные и лечебные упражнения *цигун*. Дыхательно-медитативные прикладные упражнения, присутствующие во всех видах восточных единоборств, обогатились китайскими методиками, и “жесткий *цигун*”, позволяющий демонстрировать дивную прочность голов и конечностей, под своим китайским названием преподается в секциях все не китайских видов рукопашного боя.

Перечисленные сферы применения *ушу*, *цигун* и китайской медицины создают впечатление, что данные феномены представляют собой прежде всего прикладные методики, обогатившие арсенал физической культуры и здравоохранения Запада. Между тем эти явления далеко не столь однозначны. Примечательным представляется такое обстоятельство: фрагменты китайских и восходящих к ним восточноазиатских учений и практик, непосредственно связанных с *ушу*, *цигун* и китайской медициной, закрепились в структурах, занятых астрологией, другими оккультными “науками”, практикующих цельность, нацеленных на развитие паранормальных способностей. Многие из методик *цигун* вошли в арсенал последователей как “практического” оккультизма (ориентированного на обретение и усиление паранормальных способностей), так и оккультизма “мистического” (связанного с целями “духовного возрастания” в иерархии какой-либо квазирелигиозной или религиозной системы)⁴.

Это стало возможным вследствие генетического родства соответствующих практик и рассматриваемых китайских феноменов. Такое родство прослеживается по следующим направлениям:

1. Историческая основанность на ритуальной коммуникации, прежде всего с “высшими силами” либо космическими сущностями и структурами.

Одна из главнейших функций ритуала - установление “правильной” коммуникации. В секуляризованном обществе ритуал обращен прежде всего к членам социума (формы приветствия, общения, публичного поведения в определенных ситуациях - тоже ритуалы, и весьма важные). Он призван обеспечить нормальную коммуникацию между людьми, а также между внутренним миром человека и внешней средой. В этом смысле любой ритуал имеет внутренний аспект, так как связан с осмыслением и переживанием внешних ритуальных действий. В результате этого формируются мироощущение и мировоззрение человека, его представления о нормальном и должном. В несекулярных духовных культурах объектами ритуальной коммуникации в первую очередь являются божества, духи, природные начала, космические сущности. Участники ритуальных действий (мистерий, литургических собраний, священных танцев и т. п.) нередко должны отождествлять себя с объектами ритуала, тем самым соединяя небесное и земное, сакральное и профанное, переживая это единение как реальность, превосходящую обыденное бытие. В наиболее изоциренных духовных практиках ритуальное общение с горними силами и духовными сущностями обходится вообще без внешних действий или только предваряется ими (поклонами, молитвами, возжиганием благовоний и т. п.).

Ритуал там приобретает исключительно внутренний характер, сводится к медитативному созерцанию и переживанию.

Такой духовной практикой стала в средневековом Китае, в частности, “внутренняя алхимия” (*нэй дань*), к которой восходит едва ли не большинство китайских видов психотехники. Если “внешняя алхимия” представляла собой единство лабораторной практики и внутреннего ритуала созерцания космического процесса, ведущего к образованию “пилюли бессмертия”, то “внутренняя алхимия” посредством медитативного переживания этого ритуала творит “бессмертный зародыш” в теле адепта из субстанций организма⁵. Содержанием внутреннего ритуала здесь являются психические действия, переносящие внутрь человеческого существа космический процесс вечного “возвращения” к истоку бытия - *дао*. К этой практике восходит и немало систем “искусства пестования жизни” (*яншэн шу*), давшего множество известных ныне лечебно-оздоровительных методик *цигун*.

Психотехника была также неотъемлемой частью боевых искусств. Более того, практики, известные сейчас как *ушу* и *цигун*, китайская культура объединяет уже упоминавшимся обозначением *гунфу* - “подвижничество”, “высшее мастерство”. Основой традиционной практики китайских боевых искусств всегда было выполнение формализованных комплексов - *тао*, или *таолу*. Они имеют характер ритуала, приобщающего адепта к мистическому единству школы, укорененному за пределами обыденного бытия. Одновременно *тао* считаются способом отработки приемов единоборства, служат средством физического и психического тренинга. Многие его методики и принципы пришли в боевые искусства вместе с приемами психотехники - “внутренней работы” (*нэйгун*). Как и в *нэйгун*, в традиционном *ушу* (особенно в стилях “внутренней семьи” - *нэй цзя*) одним из аспектов внутреннего ритуала было и остается моделирование космических процессов. Человек, переживающий в ходе выполнения *таолу* динамические отношения космических сущностей как внутреннее действие, ритуально гармонизирует свои отношения с ними. В современном ушу его ритуальный аспект большинством занимающихся не осознается. Поклоны, экзотические образы, сопутствующие движениям (“жураль расправляет крылья” и т. п.), и прочий традиционный антураж чаще всего истолковываются как психологические средства, повышающие эффективность физических действий. Тем не менее изначальный ритуальный смысл традиционных *таолу* вполне поддается реставрации и может стать основой внутреннего переживания запредельной реальности.

2. Развитие в рамках социальных институтов, транслирующих “эзотерическую” традицию.

Такие институты, в первую очередь школы медитативного “внутреннего искусства”, или “внутренней работы”, и боевых искусств, обычно были причастны к тайным обществам и синкретическим сектам. Некоторые современные исследователи утверждают, что провести границу между этими видами сообществ не всегда легко⁶. Одним из источников авторитета их лидеров не в последнюю очередь было владение *гунфу*. В тайных обществах и сектах занятия *гунфу* представляли собой одну из форм передачи мистического учения, или “передачи дао”⁷. Хотя к практике психотехники и боевых искусств в разных формах были причастны в Китае миллионы людей, “истинную традицию” (*чжэнь чуань*) школы *гунфу* преемствовали только немногочисленные избранные ученики путем “тайной передачи” (*ми чуань*) непосредственно от главы школы. Допустим и вполне верен по смыслу также другой вариант перевода биннома *чжэнь чуань* - “передача истины”. В традиционном *ушу* высшей оценкой мастерства служили не громкие победы и завоеван-

ные титулы, как в современном спорте. Такой оценкой было само признание того факта, что данный человек перенял эзотерическую "истинную традицию" от ее носителя - мастера-шифу.

3. Применение теорий, имеющих древние корни и вступающих в противоречие с привычными для современного Запада картинками мира.

Теория *гунфу* опирается на общие для всей китайской культуры модели космоантропогенеза и комбинаторику "символов и чисел" (*сян шу*), за которой в российской синологии закрепился термин "нумерология"⁸, столь близкий западному оккультизму. Эта теоретическая система сходна с пифагорейским учением о музыкально-числовой структуре космоса, оставившим заметный след в западной "эзотерике". Во многом благодаря именно космоантропологическим моделям и "нумерологическим" схемам рутинная тренировка превращается в ритуальное моделирование и непосредственное переживание космических процессов. Так, "внутреннеалхимические" процессы описывались как превращение одних гексаграмм - графических схем "И цзина" - в другие⁹. В теории *ушу* и *нэйгун* вообще широко применялись универсальные классификационные схемы китайской философии и науки. Например, модель полярных космических сил *инь* и *ян* служила для классификации противоположных качеств состояния и действия, например движения - покоя, поступательности - возвратности, "энергетической" опустошенности - наполненности и т.п. "Пять элементов" (*у син*) могли фигурировать в виде любого набора их стандартных референций (сторон света, времен года, внутренних органов, частей тела и т.п.), а также структурировать схему перемещений при выполнении комплекса-*таолу*, перемещений по кольшкам, между раскачивающимися мешками с песком, обозначать определенные виды ударов, связывая их через тот же набор референций с функционированием тех или иных систем организма, и т.д. Большое число соответствий имеют в *ушу* триграммы и гексаграммы "И цзина", циклические знаки, "магические" (в математическом смысле) фигуры Хэту и Лошу. Комплекс-*тао* может моделировать даже развертывание космического процесса и возвращения к истоку мироздания - от зарождения движения в "хаотической" целостности "Беспредельного" (стойка с опущенными руками) через фазу "Великого предела", содержащего дуальные космические начала (поднимание рук), и серию последующих трансформаций к возвращению в "Беспредельное" (исходная стойка), и т.п.¹⁰

Универсальность "нумерологических" схем соответствует основополагающим для китайской мысли идеям - о гомоморфизме (подобии) макро- и микрокосма, всех объектов во вселенной, о единой духовно-материальной и витально-динамической вселенской субстанции - "пневме"-*ци*. Она континуальна - непрерывна, что предполагает резонансное взаимодействие состоящих из "пневмы" "однородных" вещей и веществ, а также возможность воздействия сознания и психики, деятельность которых субстантивируется той же "пневмой", на материальные объекты. Идея *ци* вызывает аналогии с индийской концепцией "праны", с гностическими и кабалистическими представлениями об уровнях эманации Абсолюта, от идеальных до материальных, и другими подобными учениями, на которых зиждется современный западный оккультизм¹¹.

Понятие *ци* остается одним из важнейших в теории *ушу* и *цигун*. Оно плохо вписывается в те доктрины, которые составляют основу современного школьного курса естествознания. Однако без усвоения представлений о *ци* немислима ни практика цигун, построенная на операциях с этой субстанцией, ни связанные с *цигун* занятия *ушу-гунфу*. На Западе найдены эквиваленты понятия *ци*, хотя и очень условные, но вполне удовлетворяющие потребностям

значительной части поклонников китайских "искусств". Ци интерпретируется как "материя", либо (и чаще всего) как "энергия". У энтузиастов психопрактики более в ходу второй термин, издавна известный оккультистам, пытающимся использовать "энергии космоса". Неопределенно-натуралистические представления об "энергии", свойственные, наверное, большинству носителей западной культуры, позволяют переносить на "энергию" такие свойства *ци*, как континуальность, способность концентрироваться, рассеиваться, трансмутировать (преобразовываться), передаваться на расстояние, быть источником неких сил, движения и т.п. Эти свойства не исчерпывают характеристик *ци*. Ряд из них сближают ее с газами и жидкостями (*ци* ничем не отличима от воздуха, в ней действуют законы резонанса, она может быть "чистой" и "мутной", "густой", ее концентрация и рассеивание сопоставимы с образованием льда, его таянием и образованием пара), а также с "животными душами" западной философии (она обуславливает жизнь, функции психики и сознания). Тем не менее "энергетическая" интерпретация *ци* при условии некоторой корректировки позволяет выполнять определенные упражнения цигун, добиваясь нужного эффекта.

Таким образом, *ушу*, *цигун*, сопутствующие им учения и идеи уже имели в западной культуре утвердившиеся там аналоги, а также подходящие для них психологические и ментальные установки. Китайские феномены не столько потеснили эти аналоги, сколько дополнили их теоретическую и историко-культурную аргументацию, системы практических методик. В этом и состояла их роль, для реализации которой приняла их готовая к тому культурная среда.

Беспрепятственное распространение на Западе и в России названных выше и других китайских "искусств" (в том числе медицины, геомантии *фэншуй*, гадания по "И цзину" и т.п.), невозможное еще несколько десятилетий назад, высвечивает поразительное сходство целого ряда психологических тенденций и установок, присущих традиционным культурам Восточной Азии и так называемой современной культуре (т.е., по сути западной).

Один из примеров тому - обнаружившая себя и на западной почве ритуально-организующая и социализирующая роль практики боевых искусств. Как и в Восточной Азии, реализация этой роли предусматривает отношение к боевому мастерству как к высшей ценности, а также наличие харизматического или квазихаризматического учителя, школы как некоего почитаемого единства и предания школы - рассказов о запредельном мастерстве и необъяснимой духовной мощи ее основателей и героев, исторических анекдотов, легенд. Причем предание школы боевых искусств может сливаться с преданием религиозного течения, политического движения и т.п. Практика боевых искусств, особенно если она связана с медитативными упражнениями и психотехникой, облегчает интеграцию групповых установок в сознание практикующего. Это относится к группам любой ориентации, от религиозной до политической и криминальной¹². В группах интеллигенции, нацеленной на "самосовершенствование", практика традиционного *ушу* закрепляет картину мира, основанную на моделях китайской классической философии.

В России типологическое сходство с восточноазиатской культурной психологией кое в чем зашло еще дальше. С институтами боевых искусств здесь связаны тенденции, напоминающие те, что проявили себя в странах Восточной Азии в наиболее драматичные для них периоды. В Японии после "революции 20 в. боевые искусства становились одним из факторов национальной культурной самоидентификации и самоутверждения. Известные изменения в

международном и внутреннем положении нашей страны в конце 80-х - начале 90-х годов привели к распространению псевдореконструкций "традиционных" русских единоборств, вроде "славяно-горицкой борьбы", в качестве своего рода средства "культурно-психологической компенсации". Некоторые энтузиасты такой "реконструкции" идейной и мировоззренческой основой "русского стиля" боевых искусств объявляют язычество древних русичей¹³.

Другим примером того же рода является отношение к парапсихологии. Представители современной науки, как правило, усматривают в парапсихологических способностях и феноменах не более чем некую сумму фактов, ждущих научного анализа и объяснения. При этом соответствующие практики подлежат нравственной оценке лишь с точки зрения "прав личности" и вреда для здоровья. В целом в отношении к ним преобладают равнодушие, любопытство либо восхищение фактом "особых дарований", поднимающих избранников природы над толпой. Подобное отношение к этим явлениям, в том числе и индифферентное (со стороны части конфуцианской элиты) традиционно присуще восточноазиатским культурам. Современный Запад отличается в этом плане лишь "правовой" акцент.

Между тем в европейской христианской культуре подход к феноменам, которые сейчас относят к парапсихологии, традиционно был иным. Выражением этого подхода принято считать известные эксцессы средневековья (инквизиция, "охота на ведьм" и т.п.), во многом вызванные религиозным фанатизмом и суевериями. На самом деле это обусловленные конкретными историческими условиями уродливые крайности определенной культурно-психологической установки. Она требует различения духовного содержания необычных явлений ("испытывайте духов, от Бога ли они"¹⁴) в соответствии с подходами и критериями, выработанными духовной традицией. "Чудо" может быть "ложным", т.е. совершено падшими духовными силами, подчиняющими себе человека, при том что сам "чудесный" феномен существует вполне объективно. Излишне говорить, что императив, побуждающий к распознаванию и определению духовного содержания парапсихологических явлений, совершенно чужд доминирующему направлению в современной культуре.

Культурам Восточной Азии, особенно китайской, свойственна также высокая степень соматической акцентуации - обостренное внимание к собственно телесным реакциям и проявлениям. Это выражается, в частности, в распространенных интерпретациях нервных заболеваний как соматических¹⁵, в особом внимании к нюансам физического комфорта, которое отмечали многие исследователи китайского быта, в без преувеличения религиозном отношении к физическому здоровью и долголетию, символикой которых пронизано народное искусство. Такая соматическая акцентуация во многом обусловлена традиционным китайским императивом заботы о своем теле, которая воспринималась как проявление "сыновней почтительности". Еще Конфуций на вопрос ученика о том, как проявить указанную добродетель, ответил, что родители особенно горюют, когда дети болеют¹⁶. Соответственно, поддержание физического здоровья традиционно считалось делом высоконравственным: в период распространения в Китае буддизма конфуцианцы приняли в штыки аскетизм шраманов именно по соображениям благочестия. Другая предпосылка высокой соматической акцентуации китайцев - традиционное представление о "теле/личности" (*шэнь*) как некой целостности, духовно-психо-физическом "я". Такое "я" не членится на смертное тело и бессмертную душу: существование человеческих душ (*хунь по* - их несколько и они разные) по смерти тела тоже не вечно. Бессмертие даосы и последователи народных синкретических религий мыслили достижимым в результате религиозной практики

только для всего “тела/личности”. Представление о нем как целостности является одной из основ китайских систем “самосовершенствования”. Культ телесных нужд на современном Западе объясняется иными причинами, но именно соматическая акцентуация, явно противостоящая христианскому императиву первоочередной “заботы о душе”(бессмертной, в отличие от смертного тела), часто лежит в основе тяги к занятиям *цигун*, йогой, боевыми искусствами, “практической” магией.

Нельзя не отметить также, что идея “самосовершенствования” и сам этот термин, обретшие в современной культуре исключительно положительный смысл, имеют прямые соответствия в культуре Китая. Конфуцианские понятия *цзы сю, сю цзи*, буквально означающие “самосовершенствование” (“обтесывание себя”, “самосозидание”), синонимичны категории *сю шэнь* – “совершенствование своего тела/личности”¹⁷. Этот процесс осуществляется хотя и при участии наставника, в русле канонических предписаний, но собственными силами. Между тем в христианской культуре понятие “самосовершенствование” не имеет смысла. Возможно и должно лишь духовное совершенствование человека, направляющего свою волю к соединению с волей Божией : тогда и осуществляется синергия – соучастие Божественной и человеческой воли в едином промыслительном, совершить который без Бога человек бессилён. При этом как “совершенствующийся” и возрастающий в духе может рассматриваться лишь другой человек. По отношению к себе самому подобные оценки являются очевидные признаки “впадения в прелесть”, т.е. прельщения теми духовными силами, которые возбуждают в человеке греховные побуждения, в данном случае – гордыню и тщеславие.

Прямое отношение к рассматриваемой теме имеет и такое укоренившееся на западной почве явление, как эзотеризм. В самом общем смысле под этим расплывчатым обозначением подразумевается идейное направление и духовное течение в современной культуре, претендующее на владение ключами к древним тайнам, единственно способным дать человеку и человечеству импульс к саморазвитию. Эзотеризм понимают также как психологический императив и систему мотиваций, побуждающую овладевать некими тайными знаниями¹⁸, навыками и состояниями, которые доступны только “посвященным” и выводят человека за пределы обыденного опыта. Приверженцы эзотеризма предпочитают подчеркивать глубочайшую древность “эзотерической” традиции, якобы лежащей в основании всех или большинства духовных систем. Подобные идеи и установки чрезвычайно органичны восточноазиатским культурам, так же как сопряженный с ними идеологический и духовный синкретизм. В Китае, например, он выражался в популярной идеологии “единства трех учений” (*сань цзяо вэй и*), или “единения трех учений в одном” (*сань цзяо хэ и*), в параллельном отправлении обрядов разных культов в зависимости от житейской ситуации, в равном почитании народом конфуцианских “совершенномудрых”, даосских и буддийских святых. В качестве “общей основы” разных духовных учений китайские интеллектуалы средневековья обычно обнаруживали *дао* и полноту нерасчлененного “надформенного” (*си эр шан*) бытия (пребывающего “по ту сторону” видимых и осязаемых “телесных форм”, “над” ними).

Итак, хотя в области боевых искусств, психопрактики и оккультизма собственно китайские феномены, после того как прошел всплеск моды на них, заняли периферийные позиции, сам факт их временной широкой популярности и мирной интеграции в западные культурные системы, похоже, свидетельствует об определенном сближении духовно-цивилизационного строя Запада и Восточной Азии.

Это отметил философ-китаевед А.И. Кобзев. По его мнению, если Восток способен использовать плоды достижений Запада, "не припадая к их духовным истокам и соответственно не покидая своего пути", то Запад, напротив, "пройдя трагическим путем "диалектической спирали", или "вечного возвращения", после смерти Бога..., начала заката эры Гуттенберга и экспансии "иероглифического" языка массовой коммуникации... на исходе III тыс. своего существования столкнулся с грозной опасностью утраты самоидентификации и превращения из Павла в Савла"¹⁹. Рассматривая дальневосточный и европейско-американский культурно-исторические супертипы как антиподы, предпосылку к их сближению А.И.Кобзев видит в сформировавшейся в 20 в. глобальной сети средств массовой коммуникации. Она кардинально изменила основной состав передаваемой информации: "На смену умопостигаемой идее, несомой рукописью или книгой, пришел визуальный образ на экране телевизора или компьютерного монитора"²⁰. Обвал информации в визуальных и аудио-визуальных формах способствует становлению неомифологического мышления, "внелогически оперирующего сенсуальными образами". Рискну продолжить мысль А.И.Кобзева: тот же фактор благоприятствует формированию в недрах западной цивилизации некоего аналога "синоиероглифической культуры эстетического натурализма".

Так А.И.Кобзев определяет восточноазиатскую культуру, в которой главным средством передачи информации является иероглиф. Он сочетает в себе понятие и изображение, имеющее чувственно-эстетическое содержание. Строй мировосприятия, основанный на операциях с чувственными образами - "эстетический натурализм" - на наших глазах становится культурной характеристикой Запада. Синоиероглифической среде этот строй органичен. Там он тысячелетиями формировал единство "высокой" культуры с ее глубокими аллюзиями и тонкими ассоциациями, с одной стороны, и народной культуры, с другой. Для Запада же "эстетический натурализм" вторичен, к тому же в нынешних его формах является порождением прежде всего техногенной массовой культуры с ее тенденцией к стандартизации и упрощениям.

Заключение известного китаевода по поводу перерождения западной цивилизации "из Павла в Савла", конечно же, не имеет в виду, что Запад отныне тяготеет к ветхозаветным установкам Савла. Этот образ скорее подразумевает возвращение в новом качестве тех духовных и культурно-психологических тенденций, которые в начале христианской эры были отеснены на обочину западной культуры. Если обращаться к библейским ассоциациям, то эти тенденции более всего соответствуют мировосприятию волхва Валаама.

Культурно-психологические барьеры, прежде препятствовавшие широкому распространению феноменов, сопряженных с эзотеризмом и оккультизмом, пали с разрушением тотальности христианской сотериологии - учения о спасении. Она была основным источником социально одобряемых мотиваций в христианской же западной культуре, основания которой исключают как духовный синкретизм ("да не будет у тебя других богов"²¹), так и эзотеризм ("приидите ко Мне, в с е труждающиеся и обремененные"²²). Разрушение ее исторических духовно-мотивационных основ ("Иерусалима") приняло обваль- ный характер в 20 столетии. Тогда же заметным изменениям подверглась и ее теоретико-познавательная платформа, заложенная античной наукой ("Афинами"). Она предопределила магистральное направление развития теоретического знания на Западе - "греческую модель"²³, шедшую по пути совершенствования концепции механической причинности. Однако организмические представления о вселенной, идеи гомоморфизма макро- и микрокосма, резонансного взаимодействия вещей и явлений никогда не уходили из запад-

ной культуры. Их предпосылки коренились в "двоеверии" поверхностно христианизированной массы, в которой продолжали жить языческие представления и обряды, суеверия, традиции знахарства и ведовства; эти предпосылки подпитывались интеллектуальными и духовными увлечениями образованных слоев западного общества, идеологией и психологией культурного и духовного синкретизма, пробужденного в эпоху Возрождения и нашедшего опору в европейском Просвещении. В настоящее время указанные представления и идеи подкрепляются, в частности, тенденциями развития теоретического знания, которое тяготеет к органицизму и холизму.

Современные естественнонаучные теории, например, разбивают школьные представления первой половины 20 столетия о пределах возможностей воздействия на материю. Такие представления, будучи прежде общепринятыми, вели, с одной стороны, к отрицанию фактов парапсихологического свойства, с другой - к разрушению веры в существование мира духовных сил. Насаждавшийся с эпохи Просвещения пиетет к естественнонаучному знанию как главному основанию истины в нашем веке дал любопытные плоды: ныне даже поверхностное знакомство (а может быть, именно поверхностное) с новыми физическими теориями в частности, версиями единой теории поля и подобными им нередко, вызывает прямые ассоциации с "эзотерическими" учениями о "духовных", психических, энергетических субстанциях, их взаимодействиях и способствует доверию к таким учениям.

Сближение духовно-цивилизационного строя, культурно-психологических и даже гносео-психологических установок Восточной Азии и Запада происходит отнюдь не главным образом на высотах духа. Вряд ли это сближение может считаться и преимущественно следствием межкультурного взаимодействия. На Западе прямые заимствования с Востока служат самое большое катализаторами давно начавшихся внутренних процессов и формами их стилизации. Взаимовлияние цивилизаций, безусловно, имеет место, но осуществляется оно в основном через стандартизирующие адаптеры массовой культуры. В этих условиях культуртрегеры с Востока по-преимуществу реализуют на Западе суррогаты своих традиций, приспособленные к ментальным рефлексам европейско-североамериканского массового сознания.

Польза от этих суррогатов сплошь и рядом оказывается небесспорной. Но зато они могут послужить зеркалом, отражающим существенные тенденции изменений в духовном и культурно-психологическом строе современной цивилизации, а следовательно, заслуживают того, чтобы в этом качестве стать объектами серьезных научных исследований.

1. См.: Wilhelm R. The Secret of the Golden Flower, with Preface by C.G. Jung. L., 1923.
2. См., например: Luk Charles (Lu Kuan Yu). The Secrets of Chinese Meditation. L., 1964; Taoist Joga. Alchemy and Immortality. L., 1970.
3. См., например: Zhang Mingwu, Sun Xingyuan. Chinese Qigong Therapy. Jinan, 1987; Simplified Taijiquan. Beijing, 1986.
4. Примечательно в этой связи изменение содержания журнала "Цигун и спорт" ("Цигун юй тийюй"), издающегося в России на русском языке с начала 90-х годов. Описания китайских практических методик в русском издании были заметно потеснены апологетикой оккультных и неорелигиозных систем.
5. Торчинов Е.А. Даосизм. СПб, 1993. С. 48 - 74.
6. См.: Маслов А.А. Тайные общества в политической культуре Китая XX в. (конец 20-х - 30-е годы XX в.). Реф. канд. дис. М., 1922. С. 8 - 10.
7. См.: он же. Социально-исторические и теоретические аспекты ушу и его роль в культурной традиции Китая. Докт. дис. М., 1995. С. 56 - 65.

8. См.: Кобзев А.И. Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1994. С. 25 - 35.
9. Торчинов Е.А. Указ.соч. С. 61.
10. Подробно об этом см.: Малявин В.В. Багуачжан, или Ладонь восьми триграмм. Классическая школа китайского ушу. М., 1994. С. 37 и другие.
11. О параллелях между символами и понятиями китайской космоантропологии и других культур см.: Еремеев В.Е. Чертеж антропокосма. М., 1993.
12. Например, в мире боевых искусств заметное место занимают секции и клубы, входящие в структуру "Объединенной церкви" Муна. См.: Мунисты получают боевой отпор // Русский вестник. 1997. N 17.
13. См.: Белов А. Славяно-горицкая борьба. М., 1994; Медведев А. Язычество и рукопашный бой. М., 1995.
14. 1-е Иоанна. 4,1.
15. См.: Тертицкий К.М. Лингво-психологический подход к определению специфики китайского этноса // XIX научная конференция "Общество и государство в Китае". Ч. 1. М., 1988; Он же. Китайцы: традиционные ценности в современном мире. М., 1994. С. 68 - 72.
16. Лунь юй (Суждения и беседы). II,6.
17. См.: Китайская философия (Энциклопедический словарь). М., 1994. С. 306 - 307.
18. Примечательно в этой связи название основополагающего труда "крестной матери" российского эзотеризма - Е.П.Блаватской (1831 - 1891): "Тайная доктрина".
19. Кобзев А.И. Восток и Запад в эпоху информационной революции // II Всероссийская конференция "Китайская философия и современная цивилизация" (Москва, 22 - 24 мая 1996 г.). М., 1996. С. 37.
20. Там же. С. 36.
21. Исход. 20,3.
22. От Матфея. 11,28.
23. Needham J. Science and Civilisation in China. Vol. 3. L. Etc., 1959. P. 280.

Научная жизнь

Китай, китайская цивилизация и мир IX Международная научная конференция

29 сентября - 1 октября 1998 г. в Институте Дальнего Востока Российской Академии наук состоялась IX Международная научная конференция "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы", организованная Научным Советом по проблемам комплексного изучения современного Китая Отделения международных отношений РАН совместно с Институтом Дальнего Востока РАН и Ассоциацией китаеведов РАН.

«Китай и АТР на пороге XXI века» - основная тема, которой была посвящена XI конференция.

Работа секций велась по четырем направлениям: «Социально-экономические проблемы стран Восточной Азии и возможности интеграционных процессов в АТР», «Международные отношения в АТР. Стратегическое партнерство, России и КНР на рубеже веков», «Особенности политических процессов в государствах Восточной Азии на рубеже XXI века. История и историография», «Проблемы и перспективы межцивилизационных связей в условиях многополярности. Философия, культура и религия стран Восточной Азии».

В работе конференции наряду с российскими китаеведами и востоковедами из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Красноярска, Владивостока, приняли участие ученые из различных научных центров Китайской Народной Республики, представители посольств КНР и Великобритании в РФ, исследователи из Швейцарии, Тайваня.

Конференция и первое пленарное заседание были открыты член-корреспондентом РАН, директором Института Дальнего Востока РАН, профессором М.Л. Титаренко. В выступлении М. Л. Титаренко особо подчеркнул, что проведение IX Международной конференции является в определенном смысле вызовом нынешней ситуации в стране и отражением веры в собственные силы и патриотизма востоковедов.

С приветственным словом к участникам конференции обратился Чрезвычайный и Полномочный посол КНР в РФ У Тао. Он особо подчеркнул, что ИДВ РАН проделана огромная работа по всестороннему изучению и ознакомлению российской общественности с достижениями КНР и китайской культурой. Конференция еще один пример культурного и научного сотрудничества между Китаем и РФ. Директор Шанхайского института международных отношений, профессор Чэнь Пэйжао в приветственном слове подчеркнул взаимозависимость стран региона, особо отметив тот факт, что экономические ус-

пехи КНР явились стимулирующим фактором экономического развития и соседней Китая.

В докладе «Азиатские ценности и азиатский кризис» член-корреспондент РАН, профессор М.Л. Титаренко (ИДВ) обратил внимание участников конференции на то, что после начала финансово-экономического кризиса стали появляться многочисленные публикации, в которых утверждается о крахе «азиатского чуда», исчерпаниии возможностей восточно-азиатской модели развития. Более того, многие авторы поставили под сомнение движущую роль азиатских ценностей в быстром развитии стран региона. По мнению М.Л. Титаренко, одна из главных причин азиатского экономического кризиса состоит в отходе лидеров политики и бизнеса от собственных цивилизационных ценностей. Возрождение Азии, бесспорно, будет строиться на ее лучших ценностях - системе нравственной мотивации к труду, скромности, бережливости, сочетании личных и коллективных интересов, интересов компании и государственных интересов. Жизнь после «холодной войны» создает новые вызовы, а расширение мировой торговли и инвестиций несут вместе с экономическим ростом ухудшение состояния окружающей среды, миграцию населения, рост преступности и коррупции и т.д. Особенности функционирования международных финансовых корпораций и рост их значения в последние годы ставят вопрос о степени независимости национальных правительств и их способности самостоятельно решать собственные внутренние проблемы. Все это делает важной задачу предотвращения появления в ходе разгоревшегося с новой силой спора о соотношении ценностей Запада и Востока новых мифов и новых фобий. В условиях глобализирующейся экономики человечество должно научиться сожительствовать при наличии многих различий - религиозных, культурных, этнических и т.п. Китаеведение способно помочь Западу и Азии выработать наиболее корректную, с точки зрения межцивилизационных отношений, концепцию глобализации экономики, политики, различных форм сотрудничества, новых межцивилизационных отношений в многополюсном мире.

Доклад д.э.н., профессора Э.П. Пивоваровой (ИДВ) «Ситуация в экономике и роль экономической науки в КНР» был посвящен анализу важнейших достижений последних лет в области экономического строительства - сдерживание инфляции при сохранении высоких темпов экономического роста; смягчение производственного и потребительского дефицита; конкретизация ориентиров реформирования государственного сектора; целенаправленные действия в сфере поддержания социальных гарантий трудящихся при росте их реальных доходов; достаточную результативность мер макрорегулирования и контроля в условиях реформы финансовой и налоговой систем. Успехи хозяйственной реформы и решение многочисленных проблем на ее пути позволяют судить о роли экономической науки КНР. Экономическая наука КНР на этапе реформы, - считает Пивоварова, - прошла классический путь от эмпирической стадии к формированию выводов и экономических принципов, которые целесообразно учитывать в политике государства для решения социально-экономических проблем огромной, многонаселенной, но все еще бедной страны. В экономической политике государства нашли отражение те моменты и рекомендации, которые выражают национальные интересы страны, а потому способствуют движению ее по пути социально-экономического прогресса.

В своем докладе «Отношения между Китаем и Россией на рубеже веков: доверие и сотрудничество» профессор Лю Цинцай (Цзилиньский университет, КНР), касаясь проблемы нелегального оседания китайцев на территории России, особо подчеркнул, что правительство КНР запрещает подобную эмиграцию и что это явление не имеет массового характера, именно поэтому

неправомерно говорить о политике «демографической экспансии». Рассуждая о стратегических интересах России в АТР, Лю Циньцай отметил стремление России к наращиванию своего влияния в АТР, поскольку она нуждается в прочной позиции для того, чтобы обеспечить собственные экономические интересы в этом регионе. Россия заинтересована активно участвовать в процессе экономической интеграции в АТР, в том числе путем совместного с заинтересованными странами освоения природных ресурсов сибирского и дальневосточного районов. Китай, считает Лю Циньцай, является главнейшим партнером России в реализации ее интересов.

Доклад д.и.н. Л.С. Переломова «Конфуцианство и Россия в XXI веке» привлек внимание аудитории к существованию в настоящее время в России двух разных интерпретаций конфуцианства. Достижения фундаментальной науки не влияют на отечественные СМИ. Последние, по мнению докладчика, в массовом порядке осуществляют своеобразную «конфуцианизацию населения», сведя учение Конфуция к разряду афоризмов. Настало время уяснить, что в XXI веке конфуцианство стало материальной силой. Даже поверхностное ознакомление россиян с основными конфуцианскими доктринами поможет России найти свою нишу в АТР. Это необходимо и самой России. Естественно, что Россия в XXI веке создаст свою модель развития с опорой на свои духовные возрожденные традиции, но знакомство с опытом соседней цивилизации не может быть бесполезным.

Второй день работы конференции был полностью посвящен свободному обмену мнениями участников конференции на тему «Китайская модель развития в конце 90-х годов: поиск ответов на внутренние и внешние вызовы» в рамках «круглого стола». Оргкомитетом конференции был очерчен целый ряд внутренних и внешних вызовов:

- угроза падения темпов роста;
- падение платежеспособного спроса в обществе (как потребительского, так и инвестиционного);
- угроза сокращения экспорта в связи с кризисом в Восточной Азии;
- внушительная доля теневой экономики;
- демографическая и экологическая ситуация;
- трудности государства, связанные с бременем растущих социальных выплат;
- рост преступности;
- перемены в высшем эшелоне руководства в связи с уходом Дэн Сяопина;
- осторожная, дозированная политическая реформа;
- вестернизация, капитализация сознания населения.

Кроме того, были предложены следующие вопросы к обсуждению:

Конфуцианские и восточноазиатские ценности и прогресс экономики Китая и других азиатских стран; финансовый кризис в ЮВА: влияние на Китай и Россию;

Цена обеспечения социальной стабильности в КНР;

Проблемы рынка и социальной справедливости в Китае;

Социализм с «китайской спецификой»:

1) экономическая концепция развития страны?

2) идейно-политическая доктрина, обеспечивающая власть КПК?

3) поиск китайской модели социально-политического устройства страны? и т.п.

Китайская модель развития и ее влияние на АТР в XXI веке;

Китайский опыт реформ и Россия;

КНР - сверхдержава XXI века?

Перед началом обмена мнениями М.Л. Титаренко особо обратил внимание участников конференции на тот факт, что «круглый стол» он рассматривает как попытку дать строго научный анализ современной ситуации в Китае и в мире, именно поэтому целесообразно высказывать личное мнение, а не официальную позицию по тому или иному вопросу, которая, как правило, хорошо известна по СМИ.

Обсуждению блока проблем по социально-экономической проблематике положило начало выступление к.и.н. В.Я. Портякова (ИДВ), в котором основное внимание было уделено современной политико-экономической модели развития КНР. Наиболее сильными сторонами модели социально-экономического развития Китая стали ее ориентация на стратегические, долгосрочные цели развития, способность решать крупномасштабные проблемы, достаточно высокая степень учета объективных условий страны, умелое использование ее сравнительных преимуществ в факторах роста, неплохая адаптируемость к изменению внутренних и внешних условий функционирования.

К числу недостатков данной модели следует отнести крен к односторонней погоне за темпами роста экономики в ущерб сбалансированности, слабую опору на научно-технический прогресс в экономическом росте, половичатость многократных попыток совершенствования структуры народного хозяйства, порождаемую незавершенностью перехода к рынку гетерогенность, противоречивость экономической системы. Хотя, подчеркнул Портяков, сложившаяся в 80-90-е годы модель социально-экономического развития Китая далека от оптимальной, тем не менее, по многим общепризнанным в мире критериям ее следует признать достаточно результативной.

Дискуссия о жизнеспособности и основных направлениях дальнейшей трансформации «восточноазиатской модели развития», развернувшаяся в Китае в связи с азиатским финансовым кризисом, свидетельствует, по мнению Портякова, о способности китайской элиты делать правильные и своевременные выводы в условиях быстро меняющейся ситуации. Тем не менее для 1998 г. характерно стечение неблагоприятных факторов: дефляция, падение спроса, резкое ухудшение ситуации на внешнем рынке, усиление давления на юань, высвобождение значительного числа работников госпредприятий и как следствие рост безработица и др. Именно поэтому необходима корректировка курса реформ по сценарию «притормаживания», считает В.Я. Портяков. В обсуждении активное участие приняли Г.Д. Сухарчук, В.С. Мясников (ИДВ), Л.И. Кондрашева (ИМЭПИ).

Значительно оживила дискуссию идея д.э.н. В.В. Михеева (ИДВ) о «едином мире с единой валютой и единым правительством». Согласно его прогнозам Китай в ближайшие годы ждет падение темпов роста и, возможно, стагнация. Какаясь последствий финансового кризиса и перспектив развития ситуации, Михеев высказал мнение о том, что ни Китай, ни Япония, ни Россия не смогут самостоятельно решить свои проблемы, поскольку процветание возможно только в едином мире. Профессор А.Алиев (МГИМО) выступил с репликой о том, что создание мирового правительства - иллюзия. Его поддержала профессор Э.П. Пивоварова (ИДВ). И.Н. Наумов (ИДВ) развил тезис о необходимости координации общих усилий Китая, Японии и России в противостоянии финансовому кризису и его последствиям.

К.ф.н. Н.Е. Боревская (ИДВ) посвятила свое выступление роли и месту негосударственных учебных заведений в условиях модернизации.

Д.э.н. Л.И. Кондрашева (ИМЭПИ РАН) в своем выступлении подчеркнула, что от реформ в Китае выиграли все, однако в разной степени - благосостояние населения за период реформ выросло в 3-4 раза. Изменилась

структура личного потребления. Китай, считает Л.И. Кондрашева, строит «общество благосостояния», поэтому хочет того Китай или нет, он превращается в общество потребления, что создает взрывоопасную обстановку в условиях перенаселенной и небогатой страны.

Профессор Сюй Сяньтао (Ассоциация Евразийских исследований, Тайвань) поделился своими размышлениями относительно стабилизирующей роли России в Тайваньском проливе и ее вкладе в процветание китайцев по обеим сторонам пролива.

Д.и.н. Б.Т. Кулик в своем выступлении особо подчеркнул необходимость учитывать общественный строй КНР при рассмотрении проблем, связанных с особенностями развития китайского общества. Китай, по его мнению, может представлять для мира угрозу только в том случае, если произойдет трансформация общественно-политического строя этого государства.

Д.в.н. А.В. Болятко высказал мнение о том, что КНР еще долго по объективным причинам не будет представлять «угрозы» кому-либо, поскольку это стоило бы государству непомерных затрат. Китай же ни политически, ни экономически не готов к проведению политики силы. Кроме того, нет абсолютно никаких признаков повышения агрессивности Китая. С репликами выступили А. Алиев, М.Л. Титаренко, Лю Цинцай.

Дай Дунцин (Ассоциация Евроазиатских исследований, Тайвань) рассказал о внешнеполитических воззрениях Пекина и их влиянии на ситуацию в Тайваньском проливе.

Пленарное заседание 1 октября открылось докладом академика РАН, профессора В.С. Мясникова (ИДВ) «Россия и Китай: взгляд в будущее». Анализируя концепцию, изложенную в российско-китайской совместной Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка, В.С. Мясников предложил более точный, по его мнению, термин «полицентричный» мир. Экономический и политический кризис в России не может не оказать негативного влияния на российско-китайские отношения, особенно на торгово-экономические отношения двух стран. Мясников считает, что есть все основания полагать, что в политике КНР могут произойти определенные коррективы в сторону более прохладного и даже жесткого отношения к нашей стране, во всяком случае перевода этих отношений на сдержанно-официальную и прагматическую основу. «Медовый месяц» российско-китайских отношений закончился. Необходимо продолжать работу по демаркации границы, подготовить и подписать новый Договор о границе между РФ и КНР, решив тем самым окончательно пограничные проблемы.

В докладе профессора Ся Ишаня (Институт международных проблем, КНР) «Особенности, вопросы и перспективы китайско-российских отношений» прозвучал более оптимистический прогноз перспектив развития российско-китайских отношений. Огромный нереализованный потенциал этих отношений – залог плодотворного и долговременного сотрудничества двух стран в XXI веке.

К.э.н. О.Н. Борох (ИДВ) в докладе «Восточноазиатский кризис и его уроки для КНР: оценки китайских ученых» проанализировала значение финансового кризиса в Восточной Азии для развития современной экономической мысли в Китае. По ее мнению, этот кризис оказывает значительное влияние на политику китайского руководства, стимулируя углубление экономических преобразований в стране. Китайские экономисты осознают, что дальнейшее промедление с реформированием банковской системы и госпредприятий может привести к тому, что новая волна кризиса затронет Китай. В такой ситуации преобразования будут направлять внешние силы, как это

происходит в соседних странах. Кризис заставил переосмыслить вопрос о том, как надо относиться к заимствованию зарубежного опыта, извлечь уроки.

Д.и.н. Н.Л. Мамаева (ИДВ) выступила с докладом «Коммунистическая партия Китая на пути XXI век», обратив внимание на следующие моменты. XV съезд КПК продемонстрировал более значительное, чем при Дэн Сяопине, расширение процесса внутрипартийной демократии и практики консультаций при принятии важных решений и по вопросам кадровой политики, что вносит определенную специфику в современные методы руководства партией, государством и обществом.

В заключение были заслушаны выступления руководителей секций. Руководитель секции «Социально-экономические проблемы стран Восточной Азии и возможности интеграционных процессов в АТР», д.э.н. Э.П. Пивоварова сообщила, что на двух заседаниях секции было заслушано 12 докладов. Она подчеркнула разнообразие обсужденных в ходе работы секции вопросов: рыночные преобразования, влияние финансового кризиса на социально-экономическое развитие Китая и других стран, роль государства в регулировании экономики, аграрные проблемы и пути их решения, экологические проблемы. Значительный интерес и оживленную дискуссию вызвал доклад П. Гордона «Экономические отношения Гонконга и Китая: уроки для России» (Гонконгская Ассоциация торговли с Россией, КНР)

Руководитель секции «Международные отношения в АТР. Стратегическое партнерство, России и КНР на рубеже веков» д.и.н. А.Г. Яковлев сообщил, что было заслушано 7 из представленных 20 докладов. Работа секции характеризовалась широкой внешнеполитической проблематикой и привлекла внимание участников конференции, в том числе и иностранных коллег из КНР, Тайваня, Швейцарии, студентов ИСАА. Доклады были посвящены актуальным вопросам, представляющим значительный научный и практический интерес. Почти все доклады вызвали оживленную дискуссию. По каждому из них участники заседания выступили с ремарками и критическими замечаниями. В ходе работы секции были высказаны достаточно плодотворные идеи и соображения, которые позволяют ее участникам обогатить свои творческие планы.

Руководитель секции «Особенности политических процессов в государствах Восточной Азии на рубеже XXI века. История и историография» д.ю.н. Л.М. Гудошников подчеркнул, что заслушанные 6 докладов вызвали оживленный обмен мнениями по современной политической ситуации в КНР, в котором приняли участие китайские ученые из Института истории партии. В докладах, посвященных историческим темам активно использовались новые архивные материалы и документы

Руководители секции «Проблемы и перспективы межцивилизационных связей в условиях многополярности. Философия, культура и религия стран Восточной Азии» к.филос.н. В.Ф. Феоктистов и д.филол.н. В.Ф. Сорокин отметили широту проблематики, поднятых и обсужденных в ходе работы секции вопросов. В работе секции приняли активное участие ученые из Санкт-Петербурга

При закрытии конференции член-корреспондент РАН, профессор М.Л. Титаренко в своем заключительном слове подчеркнул, что IX Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир» стала общероссийской трибуной для обмена мнениями китаистов и востоковедов. «Круглый стол» способствовал широкому творческому общению ученых. Развернувшаяся на нем дискуссия, выявив различные точки зрения и разные методологические подходы, способствовала углублению осознания того, что КНР - наш друг и партнер в решении задач выживания в условиях быстро меняющегося

мира. Конференция явилась новым шагом в изучении Китая, о чем убедительно свидетельствуют 110 опубликованных тезисов докладов, представленных в Оргкомитет конференции. М.Л. Титаренко поблагодарил Оргкомитет, зарубежных гостей и всех участников конференции за активную работу, особо отметив, что работа конференции характеризовалась духом академизма, а острые дискуссии - научной терпимостью. Кроме того, он высказал пожелание, чтобы китайские ученые больше интересовались исследованиями российских востоковедов, которые прилагают коллективные усилия для ознакомления российской общественности с опытом китайских реформ.

М.Л. Титаренко сообщил, что проведение следующей, X Международной научной конференции совпадает с 50-летним юбилеем Китайской Народной Республики, в этой связи целесообразно уделить особое внимание опыту, урокам и перспективам развития КНР по пути модернизации и реформ. Он пригласил присутствующих принять участие в юбилейной конференции, которая состоится в сентябре или октябре 1999 г, и предложил тему конференции: «Китай: 50 лет по пути модернизации и реформ».

Д.и.н., профессор Г.Я. Смолин (СПбГУ) выступил с сообщением о том, что XX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки состоится 6-8 апреля 1999 г. на Восточном факультете СПбГУ, и пригласил китаеведов и востоковедов принять в ней участие.

Оргкомитет конференции приветствует всех заинтересованных в указанной проблематике ученых, научные и практические коллективы и выражает надежду на плодотворное сотрудничество с ними в будущем.

© 1998

*О. Почагина,
кандидат исторических наук*

Международная научная конференция по вопросам истории революционного и освободительного движения в Китае

С 5 по 10 октября 1998 г. в Берлине состоялась международная научная конференция на тему "Новые исследования и новые подходы к изучению китайской революции в 20-е годы". Конференция была подготовлена организационным комитетом в составе: проф. Мехтхилд Лейтнер (Свободный университет Берлина), проф. Роланд Фельбер (университет Гумбольдта), проф. М.Л. Титаренко и проф. А.М. Григорьев (Институт Дальнего Востока РАН). Организационно-техническое обеспечение работы конференции успешно осуществлено бюро во главе с доктором Тимом Трампедахом (Свободный университет Берлина). В работе конференции приняли участие специалисты в области изучения проблем китайской революции, представители научных школ Германии, России, КНР и Тайваня, Великобритании, Японии, США и Франции.

С приветствием к участникам конференции обратились вице-президент Свободного университета Берлина проф. Вернер Фет и директор Центра изучения Восточной Азии этого университета проф. Лейтнер - инициатор проведения конференции. Проф. Фет в своем выступлении особо подчеркнул, что сдвиги в последние годы в изучении вопросов китайской революции связаны, в частности, с вовлечением в научный оборот ранее неизвестных архивных материалов из хранилищ России, КНР, Тайваня и других стран. Заметную роль в этом отношении играет и совместный научный проект Свободного университета Берлина и Института Дальнего Востока РАН - публикация документов из архивов Москвы под общим названием "ВКП(б), Коминтерн и Китай". Интерес, который вызвал в среде специалистов выход в свет первых двух томов этой публикации на русском и немецком языках, а также их переводов в КНР и на Тайване, определил решение руководства Свободного университета поддержать идею организации этой конференции.

Истории осуществления этого совместного проекта и его значению, проблемам сотрудничества в его рамках представителей различных научных школ, месту документальной серии "ВКП(б), Коминтерн и Китай" среди других публикаций на эту тему, а также проблемам, с которыми сталкиваются участники проекта, был посвящен встреченный с большим интересом доклад директора ИДВ РАН члена-корреспондента РАН М.Л. Титаренко. "Совместный российско-германский проект "ВКП(б), Коминтерн и Китай: промежуточные итоги". В дискуссии по этому и другим докладам на конференции, в большинстве которых широко использовались материалы I и II томов сборников документов "ВКП(б), Коминтерн и Китай", высказывалась весьма высокая оценка научного значения этой публикации.

Тема новых источников в особенности архивных документов, представляющих интерес для исследователей революционного движения в Китае в 20-

е годы, затронутая в докладе М.Л. Титаренко, была развернута в содержательном сообщении к.и.н. К.В. Шевелева "Архивы Коминтерна по Китаю 20-х годов: краткий обзор неопубликованных документов".

26 докладов, представленных на конференции были разбиты на несколько проблемно-тематических групп, каждой из которых были посвящены одно или несколько заседаний. Это позволило сконцентрироваться на определенной проблематике и детально обсудить каждый доклад на заседании (все они были пленарными). На доклад отводилось 30 минут и (что редко в практике проведения подобных мероприятий) 30 минут на его обсуждение. Заинтересованные и оживленные дискуссии почти по всем докладам определялись составом участников, а также тем, что в их распоряжении были тезисы докладов, содержавшие основные положения и выводы авторов, а также полные письменные тексты выступлений.

Вначале были заслушаны доклады, посвященные анализу различных аспектов политики Компартии Китая и условий ее деятельности в национально-революционном движении 20-х годов. Детальный анализ различных потоков и особенностей рабочего движения в районе Гуанчжоу в 20-е годы, причем и характера его подъема в 1924-1927 гг. и последующего спада был дан в докладе проф. Чэнь Миньцю (Стэнфордский университет).

Проф. Кристина Гилмартин (Северо-восточный университет, Бостон), отметив как распространенный недостаток большинства исследований истории КПК отсутствие внимания к специфической роли женщин в партии, предложила ряд методологических принципов изучения этой проблемы, позволяющих преодолеть односторонний, "патриархальный" подход к изучению коммунистического движения в Китае. Опираясь на новые материалы, проф. Гилмартин, рассмотрела вопросы роли и реального положения женщин в КПК, а также трактовку этих проблем в документах партии и Коминтерна в 20-е годы.

Новые данные и выводы о роли миссионерских организаций, их отношений к различным слоям и организациям китайской деревни, а также об отношении коммунистов и местных властей к деятельности миссионеров были представлены в докладе доцента Фрайбургского университета Торальфа Кляйна "Христианство, местные общины и революционное движение в Восточном Гуандуне".

Интерес вызвал доклад проф. М. Бастид-Брюгьер (Франция), в котором рассматривался вопрос о соответствии модели организации пропаганды КПК в национально-освободительном движении традициям политической культуры Китая. Новизной материалов и постановки проблем отличались и доклады о роли малоизвестных деятелей КПК в революционной борьбе: проф. Чэнь Юйфа (Институт новой истории Академии наук Тайваня) о Ян Минчжае, проф. Иосихира Исикава Университет Кобе) о Чжоу Давэне (Чугунове), проф. И. Крюгера о деятельности Ляо Хуаньсина в Статистико-информационном институте ИККИ в Берлине в 1924-1927 гг.

Оживленную дискуссию вызвал выделявшийся по значению поставленных проблем доклад проф. М. Лейтнер "Крестьяне, крестьянские восстания и аграрная революция. 1927-1931". Опираясь на документы и материалы о политике Коминтерна и КПК в аграрно-крестьянском вопросе в конце 20-х - начале 30-х годов и на результаты исследований различных типов и форм борьбы китайского крестьянства в те годы, роли КПК, ее вооруженных сил, традиционных организаций китайской деревни в мобилизации ее различных социальных слоев, докладчик поставила задачу верифицировать определение китайской революции как революции крестьянской, восходящей к ее опреде-

лениям в документах Коминтерна 1930-1931 гг. По мнению проф. Лейтнер, это определение, так же, как и получившее распространение в западной литературе мнение о наличии в рамках китайской революции "нескольких революций" (в зависимости от особенностей местных условий, преобладавших типов и форм крестьянского движения и средств мобилизации крестьянства для привлечения его на сторону КПК) нуждается в серьезных уточнениях и дополнительных исследованиях, которые могут дать ответ на коренной вопрос: "Имеем ли мы дело в большей мере с традиционным типом действий сельского населения, которые частично или временами оказывались под влиянием КПК или отдельных коммунистов или с революцией в том смысле, что угнетенные слои поднялись, чтобы опрокинуть все общество".

Большая группа докладов была посвящена анализу позиций и прежде всего отношению к СССР и Коминтерну лидеров Гоминьдана - Сунь Ятсена и Чан Кайши. Основной пафос докладов был направлен против упрощенных, политизированных взглядов на эти вопросы, сложившихся в литературе.

Особое внимание привлек доклад проф. М.В. Крюкова, в котором на основе архивных материалов России, Тайваня и США была представлена оригинальная, в значительной мере новая версия мотивов и конкретных шагов, приведших Сунь Ятсена в 1918-1923 гг. к союзу с Советской Россией. (Доклад будет опубликован в следующих номерах ИДВ.) В докладе проф. Ли Юйчжэнь (Институт новой истории АОН Китая) "Был ли "великий поворот" в деятельности Сунь Ятсена в последние годы его жизни?" на основе документов сборников "ВКП(б), Коминтерн и Китай" и других материалов рассматривалась дискуссионная проблема о характере изменений во взглядах и политике Сунь Ятсена после установления контактов с советским правительством и Коминтерном. Отмечая ряд изменений в позиции Сунь Ятсена (восприятие идеи реорганизации партии, создания "партийной армии", роли массового движения), автор считает, что по ряду вопросов (негативное отношение к классовой борьбе, к опыту решения аграрного вопроса в России, к перспективе введения социализма и советского строя в Китае) взгляды Суня не претерпели изменений. Основные идеологические и политические факторы, определившие сближения и сотрудничество между Советским Союзом и Сунь Ятсеном, а также их известные пределы были рассмотрены в докладе Президента АОН пров. Гуандун проф. Чжан Лэя.

В докладе проф. Ян Тяньши (Институт новой истории АОН Китая) были подробно рассмотрены взгляды Чан Кайши в первой половине 20-х годов на основе его малодоступных дневников, хранящихся во Втором историческом архиве КНР. Докладчик пришел к выводу, что приверженность Чан Кайши революционным идеям Сунь Ятсена и делу сотрудничества с КПК имела под собой определенную идеологическую основу: в то время он находился под влиянием освободительных идей октября, увлекался чтением марксистской литературы. Однако по некоторым вопросам и уже в те годы Чан Кайши расходился с коммунистами и левыми в Гоминьдане. Эти разногласия отражали противоречия внутри революционного лагеря, а не противостояние революции и контрреволюции. Позднее, особенно после событий 20 марта 1926 г. эти расхождения вылились в борьбу за политическое руководство и приобрели характер острой борьбы. Примерно такие же выводы были изложены в докладе доктора Юй Минлин (Институт новой истории Академии наук Тайваня) "Чан Кайши и Советский Союз. 1923-1927", основанном на анализе первого наброска биографической хроники Чан Кайши и материалов из архива Коминтерна о пребывании Чан Кайши в Москве. В докладе доктора Тима Трампедеха "Чан Кайши между революцией и милитаризмом. 1926-1927", по-

священном анализе политических позиций и стилю деятельности Чан Кайши, обеспечившему его успех в 1927 г. и лидерство в Гоминьдане, автор, сравнивая Чан Кайши с обычными милитаристами, характеризовал его как "революционного милитариста" или "милитаристского революционера", опиравшегося на партию и "партийную армию", умело и прагматически использовавшего в своих целях тактику блокирования и компромиссов с самыми различными целями. Такое определение - только кажущийся парадокс: опыт большинства революций подтверждает, что в борьбе за достижение и удержание власти опора на вооруженные силы была обычной практикой.

Ряд докладов был посвящен анализу различных аспектов политики Коминтерна в китайской революции. Проф. А.В. Панцов (ИСАА при МГУ) в докладе "Большевистская концепция китайской революции 1925-1927 гг." предложил следующую трактовку этапов эволюции этой концепции в 20-е годы: 1-й (1918/19-1922 гг.), когда в ее основе лежали идеи Троцкого (установка на повсеместную, в том числе и в Китае, борьбу за диктатуру пролетариата); 2-й (1922-1925 гг.), когда она определялась идеями Ленина, выдвинутыми им на II и IV конгрессах Коминтерна (установки на блокирование с буржуазно-демократическими силами в борьбе за национальную независимость, определившие позиции Коминтерна и КПК в начальный период первого единого фронта с Гоминьданом); 3-й (с 1925 г.) - сталинский этап в определении концепции. По автору, хотя на всех этапах эта позиция была левой по характеру, и различия в ее содержании были больше тактического, чем стратегического характера, на первом и третьем этапах концепция была ультралевой. Ленинская концепция была лишена троцкистского утопизма и сталинского авантюризма и потому "выжила": КПК вернулась к ней в годы второго единого фронта в 1937-1945 гг. и на заключительном этапе гражданской войны 1946-1949 гг. В докладе проф. А.А. Писарева "Две версии аграрно-крестьянского вопроса: Коминтерн versus Гоминьдан" были рассмотрены расхождения между Сунь Ятсеном и представителями Коминтерна, вызванные различным пониманием характера аграрного строя в Китае и путей его преобразования.

Проблема формы сотрудничества Гоминьдана и Компартии Китая (блок в рамках одной партии или межпартийное сотрудничество) была рассмотрена в докладе проф. Роланда Фельбера. Используя архивные материалы, докладчик раскрыл ряд новых существенных эпизодов дискуссии вокруг этой проблемы, отразивших поиск путей ее решения работниками ВКП(б) и Коминтерна в Москве и в Китае.

В докладе д.и.н. А.И. Картуновой (ИДВ РАН) на основе новых опубликованных и неопубликованных архивных материалов был рассмотрен военный аспект китайской политики Москвы в середине 20-х годов, раскрыты причины отрицательного отношения руководства ВКП(б) и Коминтерна в 1926 г. к развертыванию Северного похода НРА.

Используя документы сборника "ВКП(б), Коминтерн и Китай", а также публикации ряда материалов в КНР, проф. Стив Смит (Эссекский университет, Колчестер, Великобритания), в своем докладе о позициях Коминтерна и КПК в период шанхайских восстаний весной 1927 г. пришел к выводу, что вопреки прежним представлениям ЦК КПК и Шанхайский горком партии в силу ряда причин в своих решениях о восстаниях и последующих действиях располагали значительной самостоятельностью.

В обстоятельно документированном докладе проф. Ян Куйсуна (Институт новой истории АОН Китая) была в значительной мере по новому рассмотрена до сих пор дискутируемая тема взаимоотношений между Коминтерном и Чэнь Дусю. Автор показал, что в целом в 20-е годы по большинству

вопросов политики КПК позиция Чэнь Дусю была “левой”, причем в ряде случаев более левой, чем позиция Коминтерна и его представителей в Китае.

В докладе проф. А.М. Григорьева (ИДВ РАН) на материалах готовящегося к печати III тома документальных публикаций “ВКП(б), Коминтерн и Китай”, были рассмотрены слабо изученные вопросы состава и деятельности Дальбюро ИККИ в 1929-1931 гг.

Два доклада были посвящены проблеме фракций в Гоминьдане.

Проф. Ю.М. Гарушянц (ИВ РАН), используя материалы архива Гоминьдана и документы сборников “ВКП(б), Коминтерн и Китай” на примере генезиса” фракции Гоминьдана, рассмотрел проблему столкновения двух стратегий в китайской революции - национальной Гоминьдана и социально-классовой Коминтерна. По автору образование сишаньской группировки было реакцией на попытки Коминтерна и его представителей в Китае навязать Гоминьдану свое истолкование платформы Сунь Ятсена и установить контроль над аппаратом партии.

Другой докладчик по этому вопросу проф. Юрген Домес (ФРГ) выделил в Гоминьдане четыре фракции: левые (Ван Цзинвэй и его соратники), левоцентристы (Тань Янькай и другие лица в Уханьском правительстве), правые центристы (окружение Чан Кайши, группа бизнесменов и интеллектуалов из пров. Чжэцзян во главе с Чжан Цзинцзяном) и, наконец, правые из числа так наз. ветеранов Гоминьдана - Цай Юаньпэй и др. Сила Чан Кайши и его успех в установлении контроля над Гоминьданом, по мнению докладчика определялись тем, что он занимал центристскую позицию, умело лавируя между фракциями.

Как отмечалось в заключительной дискуссии, особенностью всех докладов было обращение к новым ценным источникам. Это позволило представителям различных научных школ значительно углубить исследование широкого круга проблем, связанных с темой конференции. По общему мнению, конференция в целом вышла на новые историографические рубежи в изучении проблем китайской революции.

Рецензии

Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х книгах. М., Международные отношения. 1998. 752+886 с.

Вышла вторая книга очередного, XXIII тома, серийной публикации "Документы внешней политики". Первая книга этого тома, включающая 472 документа за период с 1 января по 31 октября 1940 года, появилась еще в 1995 г. Документы второй книги охватывают период с 1 ноября 1940 г. до начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. и подразделены на два полутома, содержащих 410 документов. Как и предыдущие тома, упомянутые сборники документов подготовлены коллективом Историко-документального департамента МИД России на базе в недавнем прошлом закрытых документов Архива внешней политики Российской Федерации и Архива Президента Российской Федерации.

Наконец-то российские историки получили возможность пользоваться не только зарубежными, но и отечественными публикациями внешнеполитических документов за этот сложный начальный период второй мировой войны. Впервые в научный оборот введены документы, объективно отражающие историю советской внешней политики в драматический период "странной войны", неожиданного для советского руководства быстрого поражения Франции, агрессивных военных действий Германии в Европе. Вполне логично, что проблемы советско-германских связей, отношений с крупнейшими мировыми державами - Великобританией, Францией и США, а также с соседями СССР - Финляндией, Румынией, Турцией, Болгарией, Югославией и Скандинавскими странами - оказались в центре внимания составителей.

Но это не значит, что советская внешняя политика была в этот период евроцентристской. Будучи евразийской державой, советский Союз со времен Г.В.Чичерина постоянно стремился поддерживать нормальные отношения со

своими соседями на Востоке, где на протяжении XX столетия не раз возникали военные конфликты с японской военной империей. Поэтому советское руководство, провозгласившее нейтралитет в начавшейся второй мировой войне и предпринимавшее определенные непопулярные меры, чтобы ограничить сферу германской агрессии, постоянно оглядывалось на Восток при принятии, как теперь говорят, судьбоносных решений.

Около одной пятой всех публикуемых документов относятся к отношениям СССР со странами "треугольника" - Китай, Монголия и Япония. Избежать военного столкновения с Японией, которая все больше втягивалась в союз агрессоров, при растущей угрозе Советскому Союзу со стороны фашистской Германии становилось для Москвы, как показывают документы, настоятельной необходимостью.

В настоящем обзоре хотелось бы остановиться на тех документах тома, которые характеризуют отношения СССР с Китаем. Их сравнительно немного. Всего 50, не считая тех, которые использованы в примечаниях. Но они однозначно свидетельствуют о неуклонной поддержке советским руководством идеи национального единения и возрождения Китая, оказания ему военно-технической помощи в борьбе против японских агрессоров.

В отличие от США и Великобритании, которые продолжали сотрудничать с Японией, воздерживаясь от оказания военной помощи Китаю, Советский Союз к началу войны в Европе уже поставил Китаю 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение (Документы внешней политики. 1939 год. Том XXII. кн. 2. М. 1992, с. 508). И это при тех скудных ресурсах, которыми обладал СССР в тот период. В Китае работали и воевали сотни

советских военных специалистов, и это, конечно, не могло остаться в тайне, вызывая недовольство японской стороны.

В сборнике впервые публикуется запись беседы заместителя наркома иностранных дел С.А.Лозовского с китайским послом Ян Цзе от 9 января 1940 г., в которой говорится о согласии советского правительства в рекордно короткий срок, через 6 месяцев, построить в г. Урумчи "самолетосборочный завод мощностью в 300 самолетов в год". Не дожидаясь согласования всех юридических аспектов соглашения, советская сторона выделила на его строительство 25 млн. руб. (т. XXIII, кн. 2, ч. 2, с. 773).

Днем раньше китайского посла принял В.М.Молотов. Посол высказал мысль о заключении военного союза, в рамках которого СССР обязался бы "усилить помощь Китаю", а Китай предоставил бы СССР "территорию для военных баз на Ляодунском полуострове: Дайрен, Хулу-дао, Порт-Артур и др.; на Шаньдунском полуострове: Вейхайвей и др." (т. XXIII, кн. 1, с. 29). Это был явный зондаж в плане осуществления старой идеи Чан Кайши о заключении пакта о взаимопомощи, предусматривавшей вовлечение СССР в военный конфликт на Дальнем Востоке. И хотя нарком нашел эту мысль "очень интересной", он, руководствуясь указанием И.В.Сталина "о несвоевременности" постановки этого вопроса, отклонил китайское предложение.

Материалы тома свидетельствуют, что позиция китайского правительства была неоднозначной. С одной стороны, оно признавало значение СССР как важнейшего фактора, способствующего активной сопротивлению Китая против японской агрессии. С другой стороны, оно не могло не учитывать симпатии СССР к китайским коммунистам, а также и позиции западных держав, не всегда совпадавших с позицией СССР, да и самого Китая.

Так на замечание В.М.Молотова, что ему "не совсем понятна позиция Китая по вопросу исключения СССР из Лиги наций", китайский посол ответил, что представитель Китая Веллингтон Ку, долго живший на Западе, "не всегда координирует свои действия с указаниями нынешнего китайского правительства" (Там же, с. 28). Несколько позже полпред А.С.Панюшкин сообщал из Чунцна: Чан Кайши "был крайне неудовлетворен и огорчен" поведением Ку во время голосования в

Лиге наций. (с. 71).

Демонстрируя свою позитивную позицию в отношении СССР, председатель законодательного юаня Сунь Фо просил советского полпреда передать Сталину, что в случае постановления в Лиге наций вопроса об экономической санкции в отношении СССР Китай будет голосовать против" (Там же, с. 32).

Учитывая быстро меняющуюся международную обстановку, китайская дипломатия предприняла попытку объединить усилия СССР и западных демократических стран в их общей борьбе против японской агрессивной политики. "Ведь Япония, - по словам Сунь Фо, - является не только врагом Китая, но и всех этих стран" (Там же, с. 71). Но это было не так-то просто: США проводили в отношении СССР в связи с войной в Финляндии политику "морального эмбарго", правительство Китая опасалось, что СССР добьется нормализации отношений с Японией за счет отказа от оказания военной помощи Китаю, а Великобритания в целях сохранения своих позиций на Дальнем Востоке уже договорилась с Японией о закрытии "бирманской дороги", по которой шли западные поставки. К тому же в самом Китае японцам удалось создать послушное им сепаратное правительство Ван Цзинвэя, которое, опираясь на японский войска, осуществляло контроль над рядом районов Северного и Центрального Китая.

Ряд органов западной печати, а также иностранные дипломаты с целью оказать давление на Чан Кайши распространяли различные антисоветские домыслы, чтобы подорвать доверие в китайских правящих кругах к СССР. В этой обстановке советские дипломаты неустанно повторяли, что "не следует сомневаться в дружественных отношениях и симпатиях народов СССР к Китаю". (Том XXIII, кн. 1, с. 70).

Беседуя с Чан Кайши 18 июля 1940 г., полпред А.С.Панюшкин не исключил "возможность сотрудничества между СССР и Америкой по дальневосточному вопросу". В то же время он обратил внимание на то, что "известная часть американцев"... "торгует с Японией". Далее полпред заявил: "во всей японской армии нет ни единого советского самолета, ни единой бомбы советского происхождения". Чан Кайши вынужден был признать: "Да, в этом отношении Америка не может ид-

ти в сравнение с Советской Россией." (Там же, с. 441).

В этой связи интересное признание сделал в беседе с полпредом заместитель начальника генштаба Китая маршал Бай Чжунси: "только благодаря СССР мы смогли продержаться до сегодняшнего дня" (Там же, с. 447).

Японские политики реально оценивали оказываемую Советским Союзом помощь Китаю. Информация, поступавшая в Наркоминдел от полпредов из других стран, помещенная в сборник, свидетельствовала о том, что японская дипломатия "ставила своей задачей прекратить эту помощь, иначе эта война будет длиться бесконечно". (т. XXIII, кн. 2, ч. 1, с. 115).

Даже в беседе с В.М.Молотовым японский посол И.Татекава признавал, что "Япония до некоторой степени истощила свои силы" (Том XXIII, кн. 2, ч. 1, с. 119).

Особый интерес представляет послание И.В.Сталина Чан Кайши, впервые опубликованное в сборнике, в котором дается совершенно иная оценка Тройственного пакта в отличие от той, которая сложилась в советской историографии.

1 октября 1940 г. китайский посол Шао Лицзы вручил С.А.Лозовскому послание Чан Кайши на имя И.В.Сталина, в котором тот просил высказать позицию СССР в отношении дальнейшей политики Японии в связи с заключением Тройственного пакта между Германией, Италией и Японией.

В послании Сталина от 16 октября генералиссимусу Китая Чан Кайши говорилось: "Мне кажется, что заключение Тройственного союза несколько ухудшает положение Китая, а отчасти также и Советского Союза. Япония была до последнего времени одна, после же Тройственного союза она уже не одна, так как имеет таких союзников, как Германия и Италия. Но ввиду противоречивого характера Тройственного пакта он, этот пакт, при известной международной обстановке может обратиться против Японии, так как он подрывает основы нейтралитета Англии и Северной Америки в отношении Японии. Эта сторона пакта, Тройственного союза, как видно, может создать некоторые плюсы для Китая. Эмбарго на металлический лом и некоторые другие товары из Америки, а также открытие Бирманской дороги являются прямым к тому доказательством.

В этой сложной и противоречивой

обстановке, по-моему, главная задача в Китае состоит в том, чтобы сохранить и усилить Китайскую национальную армию. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. Если Ваша армия будет сильна, Китай будет неуязвим." (ДВП, т. XXIII, кн. 1, с. 672).

Позиции политической и военной поддержки Китая, как свидетельствуют документы, советское руководство придерживалось и в последующие месяцы. Так, во время трудных переговоров с немцами в ноябре 1940 г. в Берлине В.М.Молотов, имея соответствующие указания Сталина, со всей определенностью заявил:

"Советский Союз, как большая и мощная страна, не может стоять в стороне от решения больших вопросов как в Европе, так и в Азии. Что касается советско-японских отношений, то они, хотя и медленно, но улучшаются в последнее время... Нужно найти компромиссный выход из того положения, которое создалось между Китаем и Японией, причем выход, почтительный для Китая (выделено мной, В.С.) (Там же, т. XXIII, кн. 2, ч. 1, с. 71).

Документы тома свидетельствуют о том, что Германия не была заинтересована в расширении войны в Китае, так как война непосредственно затрагивала ее экономические интересы. Германия была больше заинтересована в японской экспансии на юг, где она выступила бы против политических и экономических интересов Великобритании и США, что значительно облегчило бы военное положение Германии в Европе.

Информация, поступавшая из Китая, свидетельствовала о том, что многие китайские военные связывали свои надежды с южным направлением японской агрессии. Так, генерал Ли Цзунжень, командовавший войсками в провинции Гуанси, сказал в беседе с полпредом А.С.Панюшкиным 21 января 1941 г.: "Я считаю, что японская экспансия на Юг выгодна и Китаю, и СССР".

Говоря далее о японских планах, он отметил:

1) "Сейчас очень удобный момент для южной экспансии потому, например, что США не закончили своей программы вооружения.

2) Европейская война сковывает силы Англии, и она не может вести борьбу на два фронта.

3) Не исключена возможность, что Германия постарается вовлечь Японию в борьбу против Англии на Тихом океане раньше, чем Япония хотела бы." (Там же, с. 351).

Составители тома, собрав воедино документы многопланового характера, создали тем самым широкую картину, отражающую позиции СССР в отношении Китая в сложной системе международных отношений того периода.

Заключение советско-японского пакта о нейтралитете в апреле 1941 г. явилось определенной неожиданностью как для правительства США и Великобритании, так и для китайских правящих кругов. Английский посол в Токио Р.Л.Крейги откровенно заявил советнику полпредства Я.А.Малику 18 апреля 1941 г., что он недоволен договором о нейтралитете, так как "Япония, подписав договор, немедленно полезет на Юг, то есть против нас". (Там же, т. XXIII, кн. 2, ч. 2, с. 593).

Не меньшую тревогу по поводу заключения пакта высказали и китайцы. В беседе с полпредом А.С.Панюшкиным 19 апреля 1941 г. Чан Кайши заявил, что народ и армия Китая "очень остро и болезненно восприняли известие о заключении пакта". Полпред вновь заверил Чан Кайши, что "пакт о нейтралитете, заключенный СССР с Японией, не вносит каких-либо изменений в советско-китайские отношения", о чем свидетельствует "наша непрекращающаяся помощь Китаю". (Там же, с. 598-599).

В связи с прямым обращением китайского посла по этому же вопросу В.М.Молотов повторил советскую позицию, заверив посла, что "отношения между СССР и Китаем будут не ослабевать, а

укрепляться" (Там же, с. 577).

Удивительно, но в далеком Китае раньше усмотрели опасность, надвигающуюся на СССР со стороны фашистской Германии, чем тогдашние советские руководители. В беседе с А.С.Панюшкиным 10 апреля 1941 г. министр финансов Китая Кун Сянси, ссылаясь на информацию, полученную из Германии, говорил, что "некоторые круги готовы объявить войну СССР", что "враждебные чувства Германии к СССР увеличиваются с каждым днем..." (Там же, с. 541).

В общем большая и плодотворная работа, проделанная коллективом сотрудников, готовивших XXIII том "Документов внешней политики", является значительным вкладом в научную разработку доселе неизвестных архивных источников. Как и в любой большой работе, в ней имеются и некоторые недостатки. Прежде всего, тот факт, что том состоит из трех книг, а справочный аппарат находится как раз в третьей книге, уже представляет определенное неудобство для исследователя.

Не удалось составителям использовать во второй части второй книги телеграфную переписку с полпредствами, что несколько обедняет содержание тома, так как шифртелеграммы кануна Великой Отечественной войны представляют особый интерес. Имеются в томе и малозначащие документы, отсутствует должная унификация заголовков и др.

Но в целом том получился интересным. Опубликованные ныне в недавнем прошлом секретные документы помогут нашим историкам стереть еще несколько "белых пятен" в наших знаниях собственной истории.

Б.Баабар. XX зууны Монгол. Нуудэл суудал. Гарз олз... (Монголия XX века. Кочевье, оседлость. Потери, приобретения...). УБ, 1996. 532 с.

Среди работ монгольских историков, изданных в последние годы, привлекает внимание книга Б.Баабара "Монголия XX века".

Автор (подлинное имя - Бат-Эрдэнийн Батбаяр) - не профессиональный историк, по образованию он биохимик, до 90-х гг. занимался научной работой по специальности. С начала 90-х гг. - один из лидеров демократического движения и руководителей социал-демократической партии. Стал активно заниматься публицистикой, опубликовал ряд работ.

Последняя его книга - объемистый труд, двухтомник. Первый том включает разделы: Степные витязи (с древности до XX в.); Хутухты и революционеры (1911-1924 гг.); Марионеточная республика (1924-1946 гг.). Второй том: Цивилизация и ее стоимость (1946-1989 гг.); Становление (1989-1992 гг.).

Оговоримся, что ниже речь пойдет о тех частях первого тома (второй нам пока неизвестен), в которых излагается история Монголии в 20-30-е гг. нашего столетия. При этом мы ограничимся лишь краткими заметками по отдельным вопросам. Подробный разбор всего труда Б.Баабара, очевидно, еще впереди.

Книга Б.Баабара являет собой попытку переосмысления исторического прошлого с позиций социал-демократа, никак не связанного с прежней исторической наукой, с прежними построениями. Работа содержит богатый фактический материал. В ней широко использованы опубликованные и неопубликованные архивные источники.

В работе немало интересных наблюдений, верных положений, объективных оценок. обстоятельно показана деятельность демократических кружков в 1919-1920 гг., нетрадиционно охарактеризована роль Р.Ф.Унгерна (его вторжение - "основной поворот", повлиявший на "дальнейшие судьбы Монголии" - с. 255, 258), дается оригинальная трактовка значения советско-монгольского Соглашения 1921 года ("Советы признали не Монгольское государство, а правительство Внешней

Монголии, находившееся под их покровительством" - с. 277). В целом верно раскрыты истоки и содержание левацкого эксперимента в 1929-1932 гг., приведшего к антиправительственному восстанию (по терминологии автора - к "гражданской войне"). Даны свои характеристики ведущих политических деятелей, в частности, П.Гэндэна, Х.Чойбалсана. Убедительно выглядят некоторые параллели монгольского "нового курса" с советским НЭПом. Много места (и это оправданно) отведено "большому террору" в конце 30-х годов, анализу его причин и последствий. Автор видит сложность, противоречивость новейшей истории и отмечает, что строительство социализма сочеталось в Монголии с внедрением элементов цивилизации XX века (с. 379).

Особенность этой книги заключается в том, что она зовет к дискуссии. Б.Баабар стремится быть объективным, и хотя, на наш взгляд, это не всегда ему удается, он порой пристрастен и тенденциозен, когда оценивает явления прошлого с позиций сегодняшнего дня. Ему не всегда удается учесть характер рассматриваемой эпохи, окунуться в то время, чтобы правдиво, всесторонне раскрыть происходившие события. Отсюда спорность целого ряда сюжетов. Остановимся на некоторых из них.

Автор считает, что история Монголии XX века началась с декабря 1911 г., когда была провозглашена независимость Монголии. События 1921 г., по Баабару, стали прямым продолжением движения 1911 г., не открыв новую страницу истории (с. 7). Бесспорно, что 1911 г. занимает очень важное место в монгольской истории, но это никак не может служить основанием для принижения значения "событий" 1921 г. Независимость, декларированная в 1911 г., была низведена до уровня автономии в 1915 г., а в 1919 г. Китайское правительство упразднило и автономию. Национально-демократическая революция 1921 г. не только продолжила борьбу за независимость, развернувшуюся в 1911 г., но - главное - открыла новый этап, завершившийся ее полной

победой. Воздавая должное 1911 году, необходимо, как нам представляется, по достоинству оценивать и 1921 год, ставший - объективно - важнейшей вехой в новейшей истории Монголии.

Народная партия, полагает автор, революцию не делала, преследовалась цель - освободить страну (с. 265). Верно, что первоочередной задачей было освободить страну от иноземцев, добиться отделения от Кытая. Но с самого начала ставились и другие задачи - внутривнутриполитического свойства, о чем говорится в партийных документах тех лет, а самое убедительное подтверждение революционного характера целей Народной партии - приход к власти в июле 1921 г. новых общественных сил.

Но кто же тогда "делал революцию", если не монгольские партийцы? Автор отвечает: "подлинными "отцами" Монгольской народной революции" являлись советские коммунисты, Дальневосточный секретариат Коминтерна (с. 243). Вот в этом - суть позиции Б.Баабара. "Народная революция" - результат влияния Коминтерна, "Народная республика" - результат политики Советского Союза, и потому во всех бедах и зитзагах Монголии повинны Советский Союз, Коминтерн. Монгольские руководители - простые исполнители, а подлинные вершители судеб Монголии - "советские комиссары".

Невозможно отрицать особую роль Советского Союза, Коминтерна в новейшей истории Монголии. В силу многих объективных и субъективных факторов Монголия развивалась в русле советской политики со всеми вытекающими последствиями. Однако отнюдь не все искусственно, беспочвенно создавалось там "советскими комиссарами". Их идеи, обещания находили отклик, не были пустым звуком для монгольских партийцев, во всяком случае для многих из них. Монголия "созрела" и для борьбы за национальную независимость, и для революционных преобразований. Противопоставлять "советских комиссаров" и монгольских партийцев, ставить между ними стену - занятие сомнительное. Они работали вместе. Этого желал не только Коминтерн, этого желали и монгольские партийцы, что определялось общностью, совпадением, близостью многих интересов, хотя, понятно, не во всем.

Полагаем, что "отцами", точнее - лидерами монгольской революции были

национальные деятели - Д.Бодо, С.Данзан, Д. Сухэ-Батор и другие. У "советских комиссаров" задачи были иные - помогать, советовать, вдохновлять...

Коминтерн поддерживал одних лидеров в ущерб другим. Это верно. И все же "правых" и "левых" изобрел не Коминтерн, они рождались в самой МНРП под давлением реальной жизни. Автор сам пишет о разногласиях уже в 1921 г. между Д.Бодо и С.Данзаном. Столь же реальными были противоречия между Ц.Дамбадоржем и П.Гэндэном, между П.Гэндэном и О.Бадрахом и т.д. Партия была неоднородной, в ней были и прагматики, и консерваторы. Но были и убежденные сторонники идей Коминтерна, видевшие к тому же в Советском Союзе единственную внешнюю гарантию обеспечения национальной независимости. Автор убедительно говорит о лидере МНРП в 1924-1928 гг. Ц.Дамбадорже как образованном, талантливом публицисте-марксисте. Его не надо было убеждать, наставлять, более того - он сам в 1925 г. придерживался идеи (не нашедшей поддержки в Исполкоме Коминтерна) о превращении МНРП в Компартию¹. З.Шижээ, выпускник КУТВ, до конца верил в успех левацкого эксперимента в 1928-1932 гг. Или О.Бадрах, не учившийся в КУТВ, но тоже явный сторонник радикальных преобразований. Это не значит, что они всегда и во всем были согласны с представителями ИККИ, разногласия существовали объективно. Тот же Дамбадорж, лидер "левых", под давлением монгольской действительности в 1926 г. возглавил "правый уклон"... Мы хотим лишь сказать, что в МНРП имелись люди, их было немало, которые вполне осознанно, искренне стремились вести прокоминтерновскую линию, считая это благом для своего народа. Они не являлись пассивными исполнителями чужой воли, "марионетками".

А разве были "марионетками" Б.Цэрэндорж, А.Амар, уважаемые монгольские государственные деятели, долгие годы возглавлявшие правительство страны? Не был "марионеткой" и П.Гэндэн, премьер-министр в 1932-1936 гг., который за свою самостоятельность прослыл "новым правым" в годы левацкого эксперимента, а затем возглавил реализацию "нового курса".

Ведущие монгольские лидеры 20-30-х гг. поддерживали тесные дружественные отношения с Советским Союзом - это

отвечало национальным интересам Монголии, соответствовало преобладающим настроениям в обществе. В то же время они, монгольские руководители, имели свою позицию, отнюдь не всегда совпадавшую с линией Коминтерна, стремились проводить самостоятельную национальную политику. Что-то им удавалось, что-то нет, но они были активными действующими лицами. Можно было бы привести много примеров из сферы наших взаимоотношений. Ограничимся двумя-тремя из области политической. Вследствие разногласий с монгольским руководством и по его требованию досрочно вынуждены были отбыть из Монголии официальные уполномоченные Коминтерна Т. Рыскулов (в 1925 г.), М. И. Амагаев (дважды - в 1927 и 1929 гг.). Лидер "левых" в 1929-1932 гг. О. Бадрах не скрывал своей неприязни к советскому полпреду О. Я. Охтину. Премьер-министр П. Гэндэн упорно отстаивал свою позицию в беседах с И. В. Сталиным... Прямо скажем, странные действия для "марионеток".

В свете отмеченного весьма условным, упрощенным выглядит определение Монголии как марионеточного государства, находившегося в вассальной зависимости от Советского Союза (с. 315, 346). Во всяком случае, оговорки, уточнения напрашиваются. Страна, борющаяся за достижение государственной независимости, отстаивавшая свои национальные интересы, не может однозначно именоваться марионеткой. Монголия опиралась в своей борьбе на поддержку Советского Союза, это, разумеется, ко многому ее обязывало, но сводить все к "зависимости", "подчинению" значит, по нашему мнению, упрощать историю. Куда более достойным, чем "марионетка", представляется определение, применявшееся в документах того времени, - "союзное государство"²...

Вообще, "разоблачений" относительно характера отношений Монголии с Советским Союзом, Коминтерном, в книге очень много.

Так, при чтении раздела о советско-монгольском Протоколе о взаимопомощи (1936 г.) создается впечатление, что он был нужен прежде всего Советскому Союзу. Да, он был важен для Советского Союза, поскольку способствовал укреплению его дальневосточных рубежей. Но, наверное, не в меньшей, а в большей степени он был нужен Монголии, у границ

которой расположилась мощная Квантунская армия и разгорался военный пожар. Автор пространно рассуждает о подоплеке Халхингольского конфликта (1939 г.), о "заинтересованности" в ней как Японии, так и Советского Союза. Но ведь правда в том, что японская агрессия нависла над Монголией, бои развернулись на ее территории, и победа советско-монгольских войск обеспечила сохранение статуса-кво Монголии.

Нам представляется, что, когда идет речь о советско-монгольских отношениях, важно давать полную картину, за разного рода негативными явлениями не затемнять главного - союз с СССР позволил Монголии обрести государственную независимость, сначала де-факто, а потом и де-юре, выйти на широкую международную арену.

К сожалению, проявления упрощенных, субъективных подходов можно встретить на многих страницах книги. Взять хотя бы изложение событий вокруг VII съезда МНРП (1928 г.) - важной вехи в истории Монголии. На съезде национальные демократы потерпели поражение, к власти пришла "левая" оппозиция. Автор подчеркивает, что "государственный переворот" совершила делегация ИККИ во главе с Б. Шмералем (по терминологии автора - "банда") (с. 365, 358). Верно, что делегация сыграла решающую роль в исходе съезда. Но давайте вспомним, что делегация прибыла в Улан-Батор с инструкцией, которая не предусматривала "полный переворот", не исключала возможности блоков и компромиссов³. В Улан-Баторе делегация убедилась в отсутствии единства у партийного руководства и в боевом настроении оппозиции. Ее лидер П. Гэндэн уже 29 сентября, вскоре после прибытия делегации, заявил, что считает возможным полную победу оппозиции, а 22 октября, накануне открытия съезда, вновь подтвердил свое мнение⁴. Так что делегации было на кого опереться. Трудное время переживала МНРП, внутривнутрипартийная борьба существовала реально. Мы привели этот пример не для того, чтобы огульно оправдать действия коминтерновских и советских представителей. Но мы за объективность, всесторонний, исторически выверенный подход, позволяющий выявить всю сложность и запутанность ситуации.

Кстати, о терминологии. Книга написана ярким, выразительным языком. Но

создается впечатление, что местами чувство меры, такта изменяет автору. Ну почему, например, П.Гэндэн назван “политическим авантюристом” (с. 423)? Ведь именно он в разгар левацких загибов нашел мужество не скрывать свои сомнения в правильности проводившейся политики. Именно он руководил правительством при переходе к “новому курсу”, возродил лозунг “обогащайтесь”. Мало кто мог тогда не соглашаться со Сталиным, спорить с ним. А вот Гэндэн позволял себе это и потому погиб в 1937 г. И после всего, он - “политический авантюрист”? Непонятно.

Много полезного и интересного содержит книга Б.Баабара. Но есть в ней немало и такого, что вызывает возражения, желание поспорить.

Работа написана в пылу политической борьбы, предназначена для достижения определенных политических целей. При всех несомненных достоинствах, она, к сожалению, оказалась в некоторых вопросах необъективной, чрезмерно полемичной, не всегда справедливой в оценке событий и политических деятелей. Наше общее впечатление, возможно ошибочное, - книга слишком публицистична и недостаточно исторична.

© 1998

С.Роцин, кандидат исторических наук.

1. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 57, л. 20-21.
2. См. Ц.Батбаяр. Политика Японии в континентальной Азии и Монгольская Народная Республика (1925-1945 гг.). Автореферат докт. дисс. УБ., 1998. С. 24.
3. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 59, л. 74.
4. Там же, д. 66, л. 82-83; д. 67, л. 153-154.

**Е.А.Белов. Россия и Китай в начале XX в.
Русско-китайские противоречия в 1911-1915 гг. М.,
Институт востоковедения РАН. 1997.**

Появившаяся в продаже осенью 1997 г. книга Е.А.Белова о русско-китайских отношениях в начале века чрезвычайно любопытна. В отечественной литературе по истории международных отношений в регионе практически нет исследований, которые бы с такой полнотой освещали этот сложный период именно в контексте российско-китайских отношений.

В литературе царской России (которую автор традиционно называет литературой "дореволюционного" периода), собственно российско-китайским отношениям этого и предшествующих периодов было посвящено довольно много работ, но наибольшее освещение получил прежде всего монгольский вопрос. Из-за политических соображений слабо был разработан урянхайский и баргинский вопросы, русско-китайские отношения в Синьцзяне. Этим проблемам автор посвятил специальные главы своего исследования. Маньчжурской проблеме было посвящено много работ, но концептуальных новаций здесь также совсем немного. Кстати, это особенно применимо к работам советского периода. В заполнении этих лагун - несомненная заслуга автора и ценность данного исследования.

Конечно, известен целый ряд работ, опубликованных в царской России, многие из которых скрупулезно проработаны Е.А.Беловым. Это, к примеру, монографии А.П.Болобана, М.И.Боголепова и М.Н.Соболева, Е.И.Мартынова, Б.Гурьева, Вл.Котвича, И.И.Попова, Н.В.Кюнера, А.Н.Куропаткина, А.М.Деникина (кстати, чрезвычайно интересная работа А.И.Деникина из-за идеологических соображений практически не анализировалась в литературе советского периода). Довольно подробно, даже может быть слишком подробно (поскольку в советской литературе анализ ленинских работ был представлен более, чем исчерпывающе) автор анализирует мнения В.И.Ленина по китайскому вопросу.

В советское время многим вопросам, затронутым в монографии, посвящались книги и статьи, таких известных ученых

как В.Аварин, Г.В.Ефимов, Л.Н.Кутаков, А.Л.Нарочныйцкий, И.М.Майский, И.Я.Златкин, Ш.Б.Чимитдоржиев и др. Многие из наработанного этими учеными активно используется автором, однако отсутствие некоторых исследований в монографии, где тщательно проанализирована литература предшественников и представлена библиография из более, чем 300 наименований, вызывает вопросы. Среди "выпавших" некоторые работы Б.П.Гуревича (его работа по Тибету упоминается, а статья об "Илийском кризисе" отсутствует), статья Д.В.Дубровской об "Илийском кризисе", монография и статьи А.Д.Воскресенского о Санкт-Петербургском договоре, последняя фундаментальная монография академика В.С.Мясникова о дипломатических аспектах русско-китайского размежевания (хотя некоторые из его ранних работ в библиографии упоминаются). Это, конечно же, частные вопросы, но в такой книге, тем более, что в пост-советское время вышло всего три монографии по истории русско-китайских отношений, это несомненное упущение, прежде всего потому, что автор затрагивает концептуальные вопросы истории русско-китайского размежевания и, в частности, вопросы, связанные с пересмотром Санкт-Петербургского договора. В этой связи нам кажется упрощением однозначная квалификация автором этого договора как "неравноправного" для Китая. И в работах В.С.Мясникова, и особенно в монографии А.Д.Воскресенского, изданной в России и в США и специально посвященной анализу вышеуказанного договора, показано насколько сложна эта проблема и как методологически более точно подойти к дихотомии "равноправный-неравноправный" применительно к русско-китайским договорам. В этой связи негативная оценка китайских работ автором выглядит несколько грубоватой и прямолинейной, а часто и противоречивой, если принимать во внимание вышеуказанные соображения. К слову, многие из методологических вопросов, связанных с оценкой китайских работ уже затрагивались в

ряде работ пост-советского периода "школы" В.С.Мясникова, к примеру, в работе А.Д.Воскресенского "Современные концепции русско-китайских отношений и погранично-территориальных проблем в России и Китае", которая вышла не только в России, но также в КНР и также не была упомянута автором рецензируемого исследования.

К сожалению, говоря об этих историографических упущениях, рецензент вынужден признать, что многое из отмеченного, возможно, связано "просто" с падением уровня "обеспечения" российских общественных и гуманитарных наук, когда многие издания становятся исследователям недоступными или из-за маленького тиража, а российские библиотеки находятся в целом в плачевном состоянии и не имеют возможности приобретать научную литературу в том объеме, как это было раньше (хотя все из вышеупомянутых изданий имеются не только в "Ленинке", но и в "синологичке").

Довольно изящно автор монографии обошелся с концепциями своего оппонента Н.С.Кулешова, однако раз полемика по "тибетскому" вопросу приняла столь ожесточенный характер может быть ей следовало бы уделить более подробное внимание.

Все это довольно мелкие и в общем-то неизбежные недочеты, не умаляющие общего высокого качества работы (за исключением, пожалуй, подхода к проблеме "равноправности" неравноправности" русско-китайских договоров), тем более, что монография написана в жанре исторического исследования, то есть подразумевает субъективный авторский "отбор" фактов и литературы. Главным же достоинством работы является глубоко проработанная архивная база. Автор полно использовал материалы Архива внешней политики Российской империи, Российского Государственного военно-исторического архива, Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, Центрального Государственного архива военно-морского флота и Архива Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. К сожалению, зарубежные архивы остались неохваченными, но это сегодня нельзя отнести ни к упущениям автора, ни к недостаткам исследования. В сегодняшней отечественной науке работы, написанные на архивных материалах ряда стран, практически отсутствуют.

Хотя некоторые из общих оценок

автора, к примеру, что в XVII-XIX вв. русско-китайские отношения развивались без особых осложнений, могут быть легко оспорены, в целом, автор убедительно показал, что отношения между Россией и Китаем, особенно с 1900 г., несмотря на возникавшие, подчас довольно острые, проблемы (особенно пограничные), решались не силовыми, а политическими и дипломатическими средствами. Автор прав, что после японо-китайской войны 1894-1895 гг. правительство Цинской империи пошло на значительное улучшение отношений с Россией, однако это не было связано лишь с "про-русской" позицией Ли Хунчжана. Вопрос о "про-русской" (в противовес Японии) и "анти-русской" (про-японской или про-западной) ориентации китайского правительства вообще и в данный период конкретно требует своего специального рассмотрения. Этот комплекс вопросов лишь частично рассмотрен в рецензируемой работе, хотя авторская интерпретация выглядит довольно убедительной. Е.А.Белов справедливо критикует политику Николая II и группировки Безобразова в отношении зарубежного Дальнего Востока за негибкость и непредусмотрительность, однако несмотря на то, что Россия довольно быстро оправилась после поражения в русско-японской войне 1904-1905 гг., некоторые "огрехи" этой политики чувствовались и в более позднее время. Будучи к 1911-1915 гг. довольно сильной в экономическом и военном отношении державой Россия действительно стала проводить активную и временами даже напористую политику на Дальнем Востоке вообще и в Китае в частности, однако рассматривать военное и дипломатическое давление, которое оказывала Россия на Китай в то время как специфику "чисто" русской политики было бы неправильно. Китай был в то время слабым полукOLONIALНЫМ государством, которое буквально разрывали на части империалистические державы, и в этих условиях России ничего не оставалось как проводить политику, наиболее адекватно отражающую российские государственные интересы, в том виде, как они понимались правящей элитой нашей страны и в которой, кстати, всегда шла острая полемика по поводу того, как развивать отношения с Китаем. Недоучитывать этот фактор нельзя и просто критиковать правительство царской России за те или иные действия без учета исто-

рического контекста и сложного международного положения, стоя лишь на "чисто" классовых позициях, было бы, по нашему мнению, упрощением. Действительно, Россия оказала помощь монголам в их освободительной борьбе, но осуждать за это Россию было бы по меньшей мере неразумным, ведь именно благодаря этой помощи Внешняя Монголия добила широчайшей автономии в составе Китая, и руководствовались российские политики при этом отнюдь не только чисто "меркантильными" политическими интересами. Многие из них искренне считали, что автономия будет лучше отражать интересы монгольского народа, не обостряя одновременно русско-китайских отношений. Россия установила протекторат над Танну-Урянхаем и контроль над Баргой, но ситуация в начале XX в. была очень близкой к тому, что происходило в русско-китайских отношениях XIX в., потому-то недоучет уже имеющихся российских работ по "Илийскому" кризису мы и рассматриваем как просчет автора. Нельзя недоучитывать исторический контекст при анализе как российской, так и китайской политики на буферных территориях, где возникали "смуты" и которые надо было стабилизировать. Россия не всегда это делала успешно, часто допуская ошибки, но кстати, дипломаты царской России проявили в этом деле в целом достаточно гибкости. Аналогичную политику, кстати, проводило и китайское правительство, когда позже начался "смутный" период уже в российской истории. Тоже самое касается и Тибета. Попади он под английский протекторат (если абстраги-

роваться от полемики Белов/Кулешов), последствия для России было бы трудно просчитать. По-видимому, более сложной оценки заслуживает и займ 1913 г. в политических условиях того времени. Учет реакции китайской общественности на него чрезвычайно важен, но соображения русского правительства можно было бы изложить более подробно.

Вообще говоря, концепция "буферных" зон и "сфер влияния" заслуживает более детального анализа, хотя бы потому, что в 1913-1915 гг. царское правительство вывело свои войска из Кашгара, Кульджи, Пекина, Тяньцзиня, Ханькоу, Урги, Улясутая и отказалось проводить в Китае политику, подобную Японии - это один из самых важных выводов работы, который, по нашему мнению, следовало бы еще раз подчеркнуть. Конечно, можно оценивать политику Сазонова, как не отвечающую интересам Китая, но данная работа написана российским автором, а потому в заключении было бы, по нашему мнению, более целесообразно объяснить, что же в данной политике отвечало долгосрочным интересам России, а где были допущены просчеты, тогда бы и в оценках царской дипломатии удалось бы избежать некоторого упрощения и сделать выводы, важные для сегодняшнего дня.

Однако в целом появление исследования такого высокого уровня в российском востоковедении, переживающем сегодня столь очевидный кризис, факт отрядный. Интересные, пусть подчас субъективные, оценки несомненно вызовут дальнейшие отклики как отечественного, так и зарубежного научного сообщества.

© 1998

*А.Воскресенский,
кандидат исторических наук, доктор философии
Манчестерского университета*

Юбилей ученого

Александр Григорьевичу Яковлеву 70 лет

Обычно авторы юбилейных статей пытаются дать объективный анализ творческого пути того или иного ученого, определить его место и роль в науке, другими словами, дать объективную оценку вклада в ту или иную научную область. Я не стремлюсь к объективности. Более того, я субъективен и пристрастен: А.Г. Яковлев - мой учитель.

Ремесло, которому обучал меня Александр Григорьевич, - анализировать, мыслить. Стремление научить своих учеников мыслить, а не просто "делать" диссертацию - одна из черт Яковлева-учителя. И с ней смыкается другая - готовность помочь мыслящим молодым людям, особенно с необычным подходом в исследованиях. В этой связи вспоминается такой случай. Однажды, в начале 80-х годов, я привел к нему молодого человека с просьбой помочь в

устройстве на работу в ИДВ (сам я работал в это время в ИМЭМО). В качестве "аргумента" он представил рукописную работу "Проблемы формализации теории внешней политики и международных отношений". Идея заключалась в том, чтобы на основе разработанных им методов попытаться прогнозировать поведение Китая на мировой арене. Хотя Александр Григорьевич был далек от математических методов (речь прежде всего шла о теории размытых множеств), однако идея ему понравилась. Он пытался убедить руководство института взять этого парня на работу. Этим парнем был в то время безработный, а ныне - космонавт Ю.М.Батурин. К сожалению, тогдашнее начальство ИДВ, (кстати, также как и начальство ИМЭМО и Дипакадемии) не оценили предлагавшиеся им разработки и не взяли его на работу. Между прочим, подходы на основе теории размытых множеств весьма активно используются в США в различных прогностических программах. Я пишу об этом для того, чтобы подчеркнуть, что Яковлев - из тех ученых, которые не цепляются за

один какой-либо уже освоенный подход или метод в науке: он открыт для всех методов и новаций, для любых заключений, которые могут расходиться и с его собственными суждениями. Яковлеву-учителю я благодарен и за то, что он учил меня изучать свое дело, а не "правила игры" в науке, отстаивание клановых или групповых интересов, которые обычно молодых исследователей втягивают в склоки и разборки ученых зубров.

О А.Г.Яковлеве как об ученом коротко и афористично однажды сказал директор ИДВ РАН М.Л.Титаренко - "вдохновитель новых идей". Позволю себе добавить: не только вдохновитель, но и генератор.

В науку Александр Григорьевич пришел в 1950 г. после окончания Московского института востоковедения. Был аспирантом, мнс и снс, редактором в журнале "Советское китаеведение". В 1964-1991 гг. возглавлял сектора в Институте народов Азии, Институте мировой социалистической системы, Институте Дальнего Востока АН СССР; в 1971-1988 гг. - отдел в Институте Дальнего Востока; с 1989 и по настоящее время он - главный научный сотрудник ИДВ, руководит проблемной группой. А.Г.Яковлев подготовил девять аспирантов и докторантов. Он - профессор, кандидат экономических и доктор исторических наук, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РСФСР. Александр Григорьевич широко известен не только у нас в стране, но и за рубежом: в Китае, США, в Южной Корее. Им опубликовано 270 научных и публицистических работ (общий объем 250 п.л.), а также более 200 разработок и записок закрытого и полужакрытого характера (около 150 а.л.).

Специфика ученого-обществоведа заключается в том, что он субъективен. Субъективен в том смысле, что все его расчеты и выводы окрашены в мировоззренческие цвета, а значит идеологизированы. А.Г.Яковлев в этом смысле являет собой пример откровенно идеологизированного ученого, приверженца социалистической идеологии.

Сферой его научных интересов в последние тридцать пять лет была внешняя политика КНР. Известно, что эта тема была крайне политизирована и идеологизирована. Это означало, что ученый не мог игнорировать общие политические и идеологические установки, определяемые "наверху". Но это не означало, как сейчас многие считают, что ученые, в том числе китаеведы-международники, писали только так, как указывали "сверху". Дело в том, что на установки аппарата ЦК оказывали иногда немалое влияние те самые справки и материалы, которые не подлежали открытой публикации. Анализ внешней политики той или иной страны, равно как и оценки общей международной обстановки, главным образом, сводились к тому, чтобы выявить те факторы и обстоятельства, которые препятствуют реализации внешней политики СССР, нацеленной на обеспечение наших национальных интересов. С этой точки зрения международная деятельность КНР на протяжении многих лет представлялась как деструктивная, разрушающая единство социалистического лагеря и тем самым усиливающая позиции наших противников, в первую голову США.

В то же время некоторые ученые-китаеведы не снимали ответственность за негативные процессы в системе международных отношений и с Советского Союза. Среди этих немногих "некоторых" был и А.Г.Яковлев. У меня случайно оказалась копия справки "Предложения в связи с долгосрочным планированием политики СССР в отношении Китая", подготовленной Александром Григорьевичем в 1965 г. Я не поверил своим глазам, когда уже в самом начале справки прочел: "...наши прежние представления об основах подхода к Китаю как в межпартийной, так и межгосударственных областях, в значительной мере были ошибочными и неизбежно должны были привести к

серьезным осложнениям". В то время, когда в КНР была развернута острая полемика против советского руководства, в справке говорилось: "Усиление Китая неизбежно, неотвратимо. ...В свете этого наша стратегическая линия в отношении него должна ясно и недвусмысленно выражать понимание его основной национальной цели и стремление искренне содействовать превращению КНР в подлинно великую современную державу". Не могу удержаться, чтобы не отметить и такую фундаментальную посылку, которая сохраняет актуальность и в настоящее время. Уже тогда было немало разговоров о возможности "американо-китайского сговора" против СССР. А Яковлев писал, что "КНР не может изменить свою антиамериканскую ориентацию..., поскольку у КНР и США слишком много конкурирующих интересов в районе Тихого океана и ЮВА". Не многие китайцы в то время могли позволить себе подобные оценки и рекомендации, направляемые в адрес ЦК.

Среди опубликованных работ А.Г.Яковлева особое место занимает двухтомная монография "КНР и социалистический мир" (М.: ИДВ, 1981), на которой хотелось бы остановиться поподробнее. В этом фундаментальном труде автор показал, с одной стороны, эволюцию китайской внешней политики за 30 лет, с другой - по каким направлениям и в каких важнейших областях Китай наносит удары интересам социализма, интересам Советского Союза. Сегодня многие ученые, особенно из демократического лагеря, могут упрекнуть А.Г.Яковлева в том, что тогдашние оценки были неверны, что они были крайне идеологизированы и, более того, что подобные работы, наоборот, провоцировали антисоветизм Пекина. Такого типа упреки можно рассматривать или как заблуждение или как сознательный отказ от защиты национальных интересов Советского государства.

Работа А.Г.Яковлева не ограничивалась вопросами идеологии и пропаганды, что в то время было присуще многим публикациям международных, не была простым описанием внешнеполитического курса Пекина. Важное достоинство его труда заключалось в постановке новых для того времени теоретических проблем в области теории международных отношений и методов их изучения. Он первый среди наших китаеведов-международников стал применять системный подход, точнее одну из его разновидностей - структурно-функциональный анализ - для изучения китайского феномена в системе международных отношений. Этот метод позволил критически пересмотреть ряд положений принятой тогда теории социалистических международных отношений. На материале советско-китайских отношений он развернул тезис, о том, что при наличии базисного единства в социалистических странах в случае неверного понимания соотношения интернационального и национального в социалистической системе может произойти политическое размежевание по ряду серьезных внешне- и внутривнутриполитических проблем. Это вело и могло привести к противостоянию того или иного социалистического государства всей системе. Когда же политика определяется претензиями на гегемонию, как это случилось в то время с КНР, возникает биполярность внутри социалистической системы. Дифференциация внутри системы, справедливо полагал А.Г.Яковлев, порождает различные типы отношений между социалистическими государствами. В этой связи он считал крайне важной продуманную политику в отношении "нейтралов", с тем, чтобы не отдалять их от себя, а наоборот, использовать для возвращения Китая на общую платформу социалистических стран. На то время также была важна мысль, что линия социально-экономического раскола частично перестала совпадать с линией политического размежевания между двумя системами. А это служило основой для констатации факта политической биполярности в социалистическом мире.

В монографии, таким образом, фактически предлагалось отказаться от поиска прямолинейных зависимостей между базисом и надстройкой, внешней и внутренней политикой, по-новому ставился вопрос о национализме и социализме. Хотя эти проблемы несколько ранее ставились А.П.Бутенко при анализе отношений между странами мировой социалистической системы и Н.А.Симония на материалах стран третьего мира, А.Яковлев в их постановке опирался на китайскую практику.

Ценность данной, равно как и других работ А.Г.Яковлева, заключалась в том, что на основе анализа китайского фактора в теорию международных отношений привносились новые идеи и новые подходы. Это в свою очередь ломало догматические взгляды на теорию и практику социализма.

Монография стала итогом длительных разработок автора. Лет за десять до публикации упоминавшейся монографии ныне академик РАН В.С.Мясников, давая оценку обширному докладу А.Г.Яковлева "Проблемы советско-китайских отношений" на теоретической конференции в ИДВ, говорил, что "сегодня еще мы с вами не можем оценить в полной мере этот труд; нужно время, не знаю сколько, чтобы эти материалы, эти многочисленные теоретические положения, впервые сформулированные, как-то отстоялись в нашем представлении, стали более привычными, чтобы мы могли свободно ими оперировать и вводить в практику".

Надо сказать, что в отличие от В.С.Мясникова подобные теории и теоретические положения редко замечали китайцы-эмпирики, а если и замечали, то выводы, которые Яковлев делал на основе своих теорий, часто встречались в штыки. Вместе с тем, была и есть небольшая группа ученых в востоковедении, которые исследуют явления на понятийно-категориальном уровне, превращая свои исследования в науку. Среди них и А.Г.Яковлев.

В настоящее время на деятельность того или иного ученого оказывает громадное влияние разделение нашего общества фактически на два лагеря. Одни связали свою жизнь с капиталистическим путем развития России, следовательно, духовно и идейно сроднились с Западом, с западно-капиталистическими ценностями, другие - те, кто не приемлет эти ценности, кто видит выход России из стратегического тупика, куда загнал нашу страну капитализм, на путях обновленного социализма, на путях отстаивания национальных интересов России. Гражданская позиция А.Г.Яковлева выражается в его работах 90-х годов, которые концептуально выстраиваются в позицию противодействия односторонней прозападной, проамериканской ориентации.

Во многих своих публикациях последних лет Яковлев отстаивает идею биполярности как объективно обусловленного, а потому устойчивого миропорядка, возможного на базе консолидации всех сил в мире, подвергающихся тем или иным формам давления, навязывания своего курса со стороны Запада и США. В этой связи большое значение он придает взаимодействию между Россией, КНР и Индией, как первоначальной структуре создания противодействующего полюса.

Известно, что в России и КНР наибольшее распространение получила теория многополярности, которую, как известно, на официальном уровне отстаивают и Москва, и Пекин. Своему распространению она обязана утвердившейся единоличной гегемонии США в мире, что не устраивает ни Россию, ни Китай. Странники теории многополярности в обеих странах уповают на то, что окрепшая КНР, а в перспективе и возрожденная Россия, вместе с другими "полюсами" создадут многополярную конструкцию международного сообщества, в котором конфронтация сменится добрососедскими отношениями, а взаимодействие между государствами будет определяться главным об-

разом взаимными экономическими интересами. Правда, американцы постоянно разрушают эти иллюзии то войной против Ирака, то бомбардировками Афганистана и Судана, то своей "неконструктивной" экономической политикой в отношении России.

США не скрывают своего негативного отношения к идее многополярности. Достаточно почитать стратегические программы Вашингтона, где прямо утверждается претензия на единоличное лидерство в мире. Для этого сегодня у него есть основания, поскольку совокупный военно-экономический потенциал и политический вес США ощущается в любой точке земного шара.

Естественно, подобная ситуация не устраивает многих, однако выход из нее ряд политологов и экспертов видит не на путях многополярности, а на путях формирования мощного антиамериканского блока, что могло бы привести к новой биполярной системе международных отношений. Сторонником такого подхода и является А.Г.Яковлев. Теоретически это обосновывается тем, что именно биполярность, а не многополярность, является наиболее устойчивой структурой международных отношений, и именно биполярность реально ограничивает господство США на мировой арене. Наконец, именно биполярность дает возможность более полно реализовывать собственные национально-государственные интересы стран "второго полюса". Наиболее перспективным началом в деле формирования такого полюса является, по мнению Яковлева, наполнение политическим содержанием концепции "стратегического партнерства" между КНР и Россией, к которому может присоединиться в последующем Индия.

Хотя у меня несколько иной взгляд, но я согласен с А.Г.Яковлевым в главном: из всех систем международных отношений - гегемония, многополярность и биполярность - последняя является наиболее устойчивой, а значит наиболее поддающейся контролю и способной преодолеть хаос, который царит ныне в международных делах. Хотел бы добавить еще один момент: А.Г.Яковлев рассматривает биполярный мир не просто как желательный, но и как неизбежный. Эту неизбежность взращивать будут сами США своим гегемонизмом.

Наши "демократы", в том числе и в научном мире, еще почувствуют, если уже не почувствовали, американские ценности на собственной судьбе. Лет десять назад я с меньшим рвением, чем нынешние демократы, отстаивал капитализм в России. Но имея опыт проживания даже в лучшей капиталистической стране, в Канаде, не как заезжий гость-профессор, а как житель этой страны, я много раз вспоминал своего учителя, поражаясь, как он был прав, когда пытался внушить мне, насколько западные ценности совершенно несовместимы с русским устроением. Более того, они враждебны нашей культуре. Считать иначе означает не знать ни Запада, ни России.

В моих глазах Александр Григорьевич Яковлев - человек, который является не только крупным ученым китаеведом-международником, но и патриотом, Гражданином России. И я искренне желаю ему здоровья и творческой энергии, появления новых работ на благо России и отечественной науки.

70 лет - это, конечно, немало. И все-таки, еще не вечер!

Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 1998 год

- Ли Фэнлинь. Китайско-российские отношения в свете 5-го саммита в Пекине.....№ 1
Такэжиро Того. Японо-российские отношения: прорыв в XXI век.....№ 1

К 40-ЛЕТИЮ ОБЩЕСТВА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- Поздравление Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина.....№ 1
Поздравление Всекитайского правления Общества китайско-российской дружбы.....№ 1
Г.Куликова. Славный юбилей.....№ 1

ПОЛИТИКА

- Ю.Ванин. КНДР на "форсированном марше".....№ 5
Е.Верлин. Сянган и развитие "Большого Китая".....№ 2
Дж.Гарвер. "Дальневосточный Рапалло": российско-китайское стратегическое партнерство после холодной войны.....№ 1
С.Гончаренко. Рабочие группы, комитеты и другие органы АТЭС: основные направления деятельности.....№ 4
Л.Гудошников. Четвертая ревизия конституции на Тайване.....№ 3
А.Иргебаев. К итогам президентских выборов в Республике Корея.....№ 3
В.Кистанов. АТР на пороге XXI века: к тихоокеанскому сообществу "азиатским путем"?.....№ 1
Л.Копылова. Человек и экология. Опыт Японии в решении проблем.....№ 3
К.Кокарев. Формирование политической системы Сянганского особого административного района КНР.....№ 3
В.Мясников. Россия и Китай: перспективы партнерства в АТР в XXI в.....№ 6
Пак Ду Бок. Политика КНР на Корейском полуострове и отношения между Китаем и Республикой Корея.....№ 2
Ян Пакульский, Хэ Баоган. Национальное самосознание, элиты и демократизация: сравнение России и Китая.....№ 1
В.Петровский. Режимы транспарентности и мер доверия в АТР.....№ 5
В.Петровский. Режимы нераспространения и экспортного контроля в АТР. Проблемы и перспективы.....№ 2
В.Портяков. Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР.....№ 2
А.Семин. Японо-китайские отношения в многополярном мире.....№ 3
А.Сенаторов, И.Цветова. Пять лет политической перегруппировки в Японии. Многопартийность или двухпартийная система?.....№ 5
А.Сенаторов. Япония: курс на структурные реформы.....№ 2

✓ А.Сергунин. США, Россия и международная безопасность в АТР в постконфронтационную эпоху.....	№ 4
И.Скорбатюк. О воззрениях корейцев на объединение.....	№ 2
А.Сизоненко. Тихоокеанские заметки.....	№ 4
✓ К.Хафизова. О казахстано-китайских отношениях.....	№ 4
Хон Ван Сук. Динамика соотношения сил и особенности механизмов международных отношений в США.....	№ 3
✓ А.Яковлев. Россия и Китай в строительстве нового мирового порядка.....	№ 6
Г.Яскина. Российско-монгольские отношения: реальность и перспективы.....	№ 5

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

✓ А.Адмидин, Е.Деваева. Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии.....	№ 6
А.Бурый. Межрегиональная ассоциация "Дальний Восток и Забайкалье" и интеграция российского Дальнего Востока в АТР.....	№ 5
Э.Кикабидзе. Тенденции во внешнеэкономических связях Дальнего Востока России с Японией.....	№ 4
Н.Крецу, А.Коротченков. Инвестиционная деятельность в Приморском крае.....	№ 1

ЭКОНОМИКА

Л.Бони. Итоги, проблемы, перспективы перехода к рынку китайской деревни.....	№ 1
О.Борох. Интерпретация древнекитайской традиции с позиции современной экономической теории.....	№№ 1, 2
О.Иванов. Государственное регулирование внешнеэкономических связей Японии.....	№ 5
✓ Л.Кондрашова. Госсектор КНР: приватизация или модернизация?..	№№ 4, 5
✓ А.Круглов. Развитие сельских предприятий - стратегический выбор Китая.....	№ 2
✓ Ли Цзинвэнь. Экономическая реформа и социальные проблемы в Китае.....	№ 4
В.Михеев. В чем не прав МВФ? (Опыт преодоления финансового кризиса в Азии: уроки для России).....	№ 6
В.Михеев. Финансовый кризис в Азии и его экономические и политические последствия.....	№№ 2, 3
П.Мозиас. Исследование экономических циклов в КНР.....	№ 3
З.Муромцева. Углубление реформы в государственном секторе промышленности КНР.....	№ 3
И.Наумов. Понятие "сяокан" и проблемы подъема народного благосостояния (окончание).....	№ 1
Н.Ноздрев. Правовое регулирование прямых иностранных инвестиций в Японии.....	№ 3
В.Портяков. Реформа отношений собственности в КНР (К 20-летию 3-го Пленума ЦК КПК 11-го созыва).....	№ 6
В.Портяков. Рынок акций в Китае.....	№ 3
✓ М.Потапов. Внешнеэкономическая стратегия Китая: значение китайского опыта для России.....	№ 2

М.Потапов. К вопросу о причинах и уроках азиатского финансового кризиса	№ 5
М.Потапов. США - крупнейший экономический партнер Китая в западном мире	№ 4
С.Присяжнюк. О перспективах обеспечения КНР углеводородным сырьем	№ 4
А.Ревуцкий. Зерновая проблема в КНР	№ 2
Чжао Хун. Формирование вокруг Китая экономического суперрегиона	№ 5
В.Чуванкова. Индивидуальная и частная форма хозяйствования в Китае	№ 2

ИСТОРИЯ

Л.Березный. Китай на рубеже тысячелетий: кризис национальной идентичности?	№ 5
Е.Белов. О вводе русских военных отрядов в Китай в 1911-1913 гг.	№ 1
Ю.Галенович. К 100-летию со дня рождения Лю Шаоци	№ 6
М.Крюков. Была ли миссия Чжан Сылиня в Москву "странным эпизодом" советско-китайских отношений начала 20-х годов (окончание)	№ 1
А.Панцов. Судьба китайского троцкиста	№№ 3, 4
Б.Пак. Существовал ли в России реальный проект раздела Кореи на рубеже XIX и XX веков?	
И.Пожилов, А.Юркевич. Школа Хуанпу (Вампу) в истории Китая после 1927 г.	№ 4
Пэ Ын Кён. Демокрафическая характеристика советских корейцев Дальнего Востока в 1920-1940 гг.	№ 5
Т.Симбирцева. Российско-корейские контакты в Пекине в конце XVII - середине XIX вв. (по дневникам корейских послов)	№ 6
В.Усов. Маршал Пэн Дэхуай. Страницы жизни (К 100-летию со дня рождения)	№ 5
В.Усов. О жизни детей Председателя КНР Лю Шаоци в СССР и об их дальнейшей судьбе	№ 4

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

А.Волохова. Из истории российской политики на Дальнем Востоке: МИД, министерство финансов и учреждение Российской духовной миссии в Корее	№ 4
В.Розенблит. Документы по истории Уссурийского казачьего войска	№ 2
Г.Тягай. История Кореи конца XIX - начала XX вв. по русским архивным источникам (окончание)	№ 1

РУССКИЕ В КИТАЕ

Г.Мелихов. Международная научная конференция "Годы, Люди, Судьбы, История российской эмиграции в Китае" (К 100-летию Харбина и КВЖД)	№ 4
Л.Чугуевский. 100-летие Харбина	№ 3

ФИЛОСОФИЯ

А.Лукиянов. Понятие философии у древних китайцев	№ 2
--	-----

РЕЛИГИЯ

- Священник Дионисий Поздняев. Китайская Православная Церковь на пути к автономии.....№ 4

КУЛЬТУРА

- А.Желуховцев. Тема социальной несправедливости в современной китайской литературе.....№ 1
 А.Лукин. Образ Китая в России (до 1917 г.).....№№ 5, 6
 С.Торопцев. Изображение и слово в китайском "новом кино".....№ 4
 Н.Федоренко. Грани призвания (о творчестве Михаила Басманова).....№ 2
 А.Юркевич. Ушу и цигун: "агенты влияния" или зеркало современной культуры?.....№ 6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ю.Гарушянц, А.Григорьев. Международная научная конференция по вопросам истории революционного и освободительного движения в Китае.....№ 6
 ✓ Дальний Восток России - Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества.....№ 5
 Н.Кобозев. Россия и проблемы урегулирования в Корее.....№ 3
 К 100-летию со дня рождения Чжоу Эньлая.....№ 2
 Е.Лапшина. Докторские и кандидатские диссертации по проблемам Дальнего Востока, поступившие в ВАК в 1996-1997 гг.....№ 4
 А.Марков. Международная конференция в Иркутске.....№ 1
 ✓ О.Почагина. Китай, китайская цивилизация и мир. IX Международная научная конференция.....№ 6
 ✓ Л.Переломов, А.Ломанов. XXI век - век Китая, век конфуцианства?.....№ 3
 Синологической библиотеке 40 лет.....№ 2
 ✓ А.Юркевич. IV Всероссийская научная конференция "Философия Восточноазиатского региона (Китай, Япония, Корея) и современная цивилизация".....№ 4

В ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

- На V отчетно-перевыборной конференции.....№ 3

РЕЦЕНЗИИ

- К.Асмолов. Пак Б.Д. Пак Тхэ Гын. Первомайское движение 1919 года в Корее глазами российского дипломата.....№ 5
 ✓ А.Воскресенский. Е.А.Белов. Россия и Китай в начале XXв. Русско-китайские противоречия в 1911-1915гг.....№ 6
 Л.Делюсин. М.В.Карпов. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984-1998 гг.).....№ 4
 С.Емельянова. Ху Аньган. Следующий шаг Китая.....№ 5
 А.Жебин. Ли У Хе, Ким Ен Ун. Белая книга о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. Книга вторая.....№ 3
 ✓ В.Зайцев, В.Е.Петровский. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после "холодной войны": эволюция, перспективы российского участия.....№ 3
 И.Коркунов. Бони Л.Д. Рынок в китайской деревне (1978-1995).....№ 3

А.Ломанов. Ян Скоггард. Местная динамика в послевоенном развитии Тайваня. Религиозные и исторические корни предпринимательства.....	№ 1
В.Михеев. А.Воронцов. Республика Корея: социально-экономическая структура и торгово-экономические отношения с СНГ.....	№ 3
С.Роцин. Б.Баабар. Монголия XX века. Кочевье, оседлость. Потери, приобретения.....	№ 6
А.Семин. Л.М.Гудошников, К.А.Кокарев. Политическая система Тайваня.....	№ 1
В.Соколов. Документы внешней политики. 1940-22 июня 1941.....	№ 6
В.Сорокин. Труды российского ученого на китайском языке.....	№ 4
В.Павлятенко. В.Н.Бунин. Новый этап в развитии японо-американского союза безопасности (на рубеже XX-XXI вв.).....	№ 1
Я.Певзнер. О.Н.Борох. Развитие китайской экономической науки в период реформ.....	№ 3
В.Петровский. Чой Сеонг-Аэ. Эволюция отношений России с государствами Северо-Восточной Азии.....	№ 3
В.Федоров. В.М.Мазуров. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин).....	№ 2
Г.Югай. Н.Б.Нарбаев. Россия и Евразия: проблемы государственности. Вторая половина 19 - начало 20 века.....	№ 2
А.Яковлев. О.Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность.....	№ 3

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К 70-летию профессора Л.М.Гудошникова.....	№ 1
Вадиму Михайловичу Солнцеву - 70 лет.....	№ 3
М.Титаренко. Академику С.Л.Тихвинскому - 80 лет.....	№ 5
Р.Ш.-А.Алиев. Александру Григорьевичу Яковлеву 70 лет.....	№ 6
Содержание журнала "Проблемы Дальнего Востока" за 1998 год.....	№ 6

Памяти В.М.Мазурова (1929-1998)

15 сентября 1998 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, заведующий сектором Республики Корея, кандидат исторических наук Виктор Михайлович Мазуров.

В.М.Мазуров родился 15 октября 1929 г. в Махачкале. В 1953 г. окончил Корейское отделение Московского института востоковедения. С 1956 г., по окончании аспирантуры, и до конца своей жизни работал в Институте востоковедения РАН, где вырос в крупного ученого, руководителя научного коллектива.

Свою творческую деятельность В.М.Мазуров начал как историк, опубликовав в 1958 г. монографию "Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931-1940)". В числе первых он приступил к изучению современной Южной Кореи, сосредоточившись в основном на ее социально-политических проблемах. По этим проблемам им изданы монографии "Создание антинародного режима в Южной Кореи" (1963) и "Южная Корея. Драматическое перепутье" (в соавторстве с Б.В.Синицыным) (1963), а также ряд статей и глав в коллективных работах. Примечательно то, что В.М.Мазуров часто стремился в них шире подойти к анализу южнокорейской действительности, сопоставляя ее с тем, что происходило в сходных с ней странах азиатско-тихоокеанского региона. Именно по такому принципу построена его последняя книга "От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин)" (1996).

Еще одно важное направление исследовательской работы В.М.Мазурова - международные отношения на Дальнем Востоке и место в них Южной Кореи. Указанной теме посвящены его монографии "Южная Корея и США (1950-1970 гг.)" (1971) и "США-Китай-Япония. Перестройка межгосударственных отношений (1969-1979)" (1980).

В последние годы жизни в центре внимания В.М.Мазурова находилось изучение процессов преобразований в Южной Кореи с точки зрения интересов реформируемой России. Под его руководством и при активном авторском участии издан сборник статей "Республика Корея: опыт модернизации" (1996). Начал он также разработку темы: религии и их место в политической жизни современной Южной Кореи, но не успел ее завершить.

В.М.Мазурова отличали солидный творческий потенциал, разнообразие научных интересов, общественная активность, стремление внести что-то новое, неизбитое в свою работу и в жизнь научного коллектива. Очень скромный, остроумный, доброжелательный человек, он неизменно пользовался большим уважением всех, кому довелось с ним сотрудничать и общаться.

Светлая память о Викторе Михайловиче Мазурове навсегда сохранится в нашей науке, в сердцах друзей, товарищей, коллег.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 10.10.98 г. Подписано к печати 16.11.98 г. Формат бумаги 70x100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 13,0. Усл. кр.-отт. 13,5 тыс. Уч.-издл. 15,0 Бум. л. 5,0
Тираж 1024 экз. Зак. 2074.

Оригинал-макет © 1998 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в типографии "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6.

ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы.

Том III. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1927-1931. В двух частях.

Институт Дальнего Востока Российской Академии наук совместно с Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории и Восточно-азиатским семинаром Свободного университета Берлина подготовили очередную том многотомной публикации архивных документов о политике ВКП(б) и Коминтерна в Китае.

В книге впервые публикуется более 400 документов, проливающих свет на роль ВКП(б) и Коминтерна в начальный период борьбы Компартии Китая под лозунгом создания Советов.

В том вошли неизвестные ранее документы И.В.Сталина, Н.И.Бухарина, руководящих работников Исполкома Коминтерна.

Впервые публикуются также неизвестные ранее постановления по вопросам политики в Китае Политбюро ЦК ВКП(б), Исполкома и Президиума Исполкома Коминтерна, Восточного секретариата ИККИ, документы о деятельности Дальневосточного бюро ИККИ, переписка Коминтерна со своими представителями в Китае.

Издание представляет большой интерес для изучающих новейшую историю России и Китая, советско-китайских отношений и историю международного коммунизма.

Объем тома - 100 печ. листов.

Выход книги в свет намечен на январь 1999 г.

Заказы на книгу просим присылать по адресу: Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32. Институт Дальнего Востока РАН. Сектор истории.